

Известия Российской академии наук

СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

Том 81 № 4 2022 Июль—Август

Основан в 1852 г. академиком И.И. Срезневским
Выходит 6 раз в год
ISSN 1605-7880

Свидетельство о регистрации средства массовой информации № 0110264 от 08.03.1993

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук*

Главный редактор
член-корр. РАН, д-р филол. наук *В.В. Полонский* (ИМЛИ РАН, г. Москва, Россия)

Редакционная коллегия

член-корр. РАН *В.Е. Багно* (ИРЛИ РАН, г. Санкт-Петербург, Россия), проф. *Хенрик Баран* (Университет Олбани, г. Олбани, штат Нью-Йорк, США), член-корр. РАН *Ю.Л. Воротников* (ИРЯ РАН, г. Москва, Россия), проф. *Марчелло Гардзанти* (UNIFI, г. Флоренция, Италия), канд. филол. наук *С.И. Гиндин* (РГГУ, г. Москва, Россия), член-корр. РАН *А.В. Дыбо* (ИЯз РАН, г. Москва, Россия), д-р филол. наук *А.И. Жеребин* (РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия), д-р филол. наук *Т.Г. Иванова* (г. Москва, Россия), акад. РАН *Н.Н. Казанский* (ИЛИ РАН, г. Санкт-Петербург, Россия), д-р филол. наук *В.Л. Коровин* (научный редактор, МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия), д-р филол. наук *Л.П. Крысин* (зам. главного редактора, ИРЯ РАН, г. Москва, Россия), акад. РАН *А.Б. Куделин* (ИМЛИ РАН, г. Москва, Россия), акад. РАН *А.М. Молдован* (ИРЯ РАН, г. Москва, Россия), канд. филол. наук *А.Ч. Пиперски* (ответственный секретарь, НИУ ВШЭ, г. Москва, Россия), акад. РАН *В.А. Плунгян* (ИЯз РАН, г. Москва, Россия), проф. *Александр Строев* (l'Université Sorbonne Nouvelle Paris 3, г. Париж, Франция), акад. РАН *С.М. Толстая* (ИСл РАН, г. Москва, Россия), д-р филол. наук *Е.В. Халтрин-Халтурина* (ИМЛИ РАН, г. Москва, Россия), проф. *Герд Хентшель* (Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, г. Ольденбург, Германия), проф. *Чжэн Тиу* (Шанхайский университет иностранных языков, г. Шанхай, КНР)
Зав. редакцией О.И. Лукашенко

Адрес редакции: 117993 Москва, Ленинский пр., 32а
тел.: 8-495-952-44-90, 8-925-095-84-64
электронная почта: info@izv-oifn.ru, lukashenko97@gmail.com
Сайт журнала: <https://izv-oifn.ru>

© Российская академия наук, 2022
© ФГБУН ИМЛИ РАН, 2022
© Редколлегия журнала “Известия РАН.
Серия литературы и языка” (составитель), 2022

Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk

SERIÂ LITERATURY I ÂZYKA

**Bulletin of the Russian Academy of Sciences:
Studies in Literature and Language**

Volume 81 No. 4 2022 July–August

Established in 1852 by Academician Izmail I. Sreznevsky
Publication frequency 6 issues per year
ISSN 1605-7880

Founder and Publisher: Russian Academy of Sciences
Mass media registration certificate No. 0110264, March 08, 1993

*The Journal is produced under the aegis of
The Division of Historical and Philological Studies of the Russian Academy of Sciences*

Editor-In-Chief

Vadim Polonsky, Correspondent Member of the RAS, Doct. Sci. (Philology),
Prof., A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Editorial board

Vsevolod Bagno, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia), *Henryk Baran*, Ph.D., Prof., State University of New York at Albany (Albany, USA), *Cheng Tiu*, Prof., Shanghai International Studies University (Shanghai, China), *Anna Dybo*, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Higher School of Economics, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Marcello Garzaniti*, Grand Ph.D. (Slavic Philology), Prof., University of Florence (Florence, Italy), *Sergei Gindin*, Cand. Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia), *Elena Haltrin-Khalturina*, Dr. Sci. (Philology), A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Herd Hentschel*, Prof., Carl von Ossietzky Universität Oldenburg (Oldenburg, Germany), *Tatiana Ivanova*, Dr. Sci. (Philology), (Moscow, Russia), *Nikolai Kazansky*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, (St. Petersburg, Russia), *Vladimir Korovin*, **Scholarly Editor**, Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), *Leonid Krysin*, **Deputy Editor-In-Chief**, Dr. Sci. (Philology), Prof., V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Kudelin*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Olga I. Lukashenko*, **Managing Editor**, *Alexander Moldovan*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Piperski*, **Executive Editor**, Cand. Sci. (Philology), Higher School of Economics (Moscow, Russia), *Vladimir Plungian*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Stroev*, Prof., l'Université Sorbonne Nouvelle Paris 3 (Paris, France), *Svetlana Tolstaya*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Yury Vorotnikov*, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Aleksei Zherebin*, Dr. Sci. (Philology), Prof., A.I. Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Address for Correspondence:

Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language,
32a Leninsky Prospect, Moscow, 117993 Russia
Tel.: +7(495)952-44-90, +7(925)095-84-64
E-mail: info@izv-oifn.ru, lukashenko97@gmail.com
Web Site: <https://izv-oifn.ru>

-
- © The Russian Academy of Sciences, 2022
 - © The A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 2022
 - © Editorial Board of "Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language" (editing and composing), 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка.
2022, Том 81, Номер 4

Державин и возвращение победоносного царя <i>Иоахим Клейн</i>	5
“Шпага кавалера”, “Победитель” и “Актер”: единство и преемственность трех пьес М. Е. Лёвберг <i>В. Б. Зусева-Озкан</i>	21
“...В серый пролетарский монастырь под звон рапповских колоколов...”: поэт Владимир Луговской — из “попутчиков” в рапповцы <i>Р. Е. Клементьев</i>	33
Ранняя проза И. А. Бунина: источниковедение, текстология, атрибуция, датировка <i>С. Н. Морозов</i>	43
О строфических предпочтениях Г. Р. Державина (на материале прижизненного собрания сочинений) <i>Е. А. Пастернак</i>	52
Ирландская сага: границы жанра (формальный подход) <i>Т. А. Михайлова</i>	60
Фольклор и упрек: опыт сентимент-анализа на базе конструкций <i>Р. И. Шмурак</i>	70
Языковая игра с падежным окончанием <i>-ов</i> , или Как падонки сменились котиками <i>Е. Р. Добрушина, Е. О. Борзенко</i>	81
Вопросы, которые трудно закрыть: многозначность слов <i>ЗАКРЫВАТЬ</i> , <i>ЗАКРЫВАТЬСЯ</i> , <i>ЗАКРЫТИЕ</i> и ее представление в Активном словаре русского языка <i>А. В. Птенцова</i>	89
Несколько наблюдений над причастным пассивом в тундровом ненецком языке <i>И. А. Стенин</i>	96

Рецензии

Бурас М. М. Лингвисты, пришедшие с холода. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2022. 410 с., ил. (Великие шестидесятники) <i>Е. В. Рахилина</i>	109
Усадьба реальная — усадьба литературная: векторы творческого преобразования: Коллективная монография / сост., отв. ред. О. А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 384 с. (Серия “Русская усадьба в мировом контексте”. Вып. 6) <i>П. А. Борисова (Ворон)</i>	115

CONTENTS

Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language.
2022, Volume 81, Issue 4

Derzhavin and the Return of the Victorious Tsar <i>Joachim Klein</i>	5
“Chevalier’s Epee”, “Victor” and “Actor”: Unity and Continuity of the Three Plays by M. E. Levberg <i>V. B. Zuseva-Özkan</i>	21
“...To a Gray Proletarian Monastery Under the Ringing of RAPP’s Bells...”: Poet Vladimir Lugovskoy – from “Fellow Travelers” to RAPP-Member <i>R. E. Klementiev</i>	33
Ivan Bunin’s Early Prose: Source Studies, Textual Criticism, Attribution, Dating <i>S. N. Morozov</i>	43
On the Strophic Preferences of G. R. Derzhavin (Based on the Material of his Lifetime Collected Works) <i>E. A. Pasternak</i>	52
The Irish Saga: Limits of the “Genre” (a Formal Approach) <i>T.A. Mikhailova</i>	60
Folklore and Reproach: The Experience of Sentiment Analysis Based on Constructions <i>R. I. Shmurak</i>	70
Language Game with a Case Ending - <i>ov</i> or How <i>Padonki</i> Were Replaced by Kittens <i>E. R. Dobrushina, E. O. Borzenko</i>	81
It’s Difficult to Get Closure: On the Polysemy of the Words <i>ZAKRYVAT’</i> , <i>ZAKRYVAT’SIA</i> , <i>ZAKRYTIE</i> and Its Presentation in the Active Dictionary of Russian Language <i>A. V. Ptentsova</i>	89
A Few Notes on the Participial Passive in Tundra Nenets <i>I. A. Stenin</i>	96

Reviews

Buras, M. M. <i>Linguists Who Came in from the Cold</i> . Moscow, AST Publishing House: Editorial of Elena Shubina, 2022. 410 p., ill. (Series <i>The Great Sixties</i>) [In Russ.] <i>E. V. Rakhilina</i>	109
Estate Real – Estate Literary: Vectors of Creative Transformation. Ex. ed. Olga A. Bogdanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2021. 384 p. (Series “Russian Estate in a Global Context”. Iss. No. 6) [In Russ.] <i>P. A. Borisova (Voron)</i>	115

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800021452-3

Державин и возвращение победоносного царя

© 2022 г. Иоахим Клейн

Доктор филологических наук,
почетный профессор Лейденского университета, Нидерланды,
Leiden University PO Box 9500 2300 RA Leiden, The Netherlands
j.h.klein6@icloud.com

Резюме. Статья посвящена оде Державина “На сретение победителя Европы Александра I” (1814), рассматриваемой в контексте русской панегирической поэзии XVIII – начала XIX в. Особое внимание уделяется новым аспектам сакрализации монарха в этой оде: Державин прославляет Александра I не только как успешного политика и военачальника, но и как благочестивого христианина, почти как святого, что было крайне необычно для русской поэзии. Далее в статье речь идет об использовании Державиным заимствованного у Ломоносова мотива безграничного пространства Российской империи, а также ставится вопрос об окказиональном характере оды, о ее “месте в жизни” (“Sitz im Leben”), то есть вопрос об обстоятельствах, включая и биографические, в которых это произведение возникло и должно было действовать. Два завершающих экскурса статьи посвящены демонизации Наполеона и идее “истинного” и “ложного” величия властителей в начале XIX в.

Благодарность. Автор благодарит Ирину Паперно за помощь в переводе статьи, а также М.Г. Альтшуллера и анонимного рецензента за критические замечания.

Ключевые слова: Державин, панегирическая поэзия, культ императора, структура панегирического пространства, “место в жизни”, демонизация, человеческое величие.

Для цитирования: Клейн Иоахим. Державин и возвращение победоносного царя // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 4. С. 5–20. DOI: 10.31857/S160578800021452-3

Derzhavin and the Return of the Victorious Tsar

© 2022 Joachim Klein

Doctor in Philology,
Professor Emeritus at The University of Leiden, The Netherlands,
Leiden University PO Box 9500 2300 RA Leiden, The Netherlands
j.h.klein6@icloud.com

Abstract. This article is about Derzhavin's ode on Alexander I's return to Russia after his victory over Napoleon. It aims to shed light on the development of Derzhavin's panegyric poetry and thereby also on the cult of the Russian emperor. One point deserves special attention: the sacralization of the tsar. I argue that in contrast to the tradition of Russian panegyrics, Derzhavin's ode represents Alexander not only as a successful ruler and a military hero, but also as a very pious Christian, one could even say: as a saint, which was highly unusual in Russia's 18th and early 19th century. We shall also see how Derzhavin uses a panegyric motif borrowed from Lomonosov: the infinite space of the Russian fatherland. Finally, the article attempts to situate Derzhavin's occasional poem in its “place in life” (“Sitz im Leben”), focussing on the specific, including the biographical circumstances under which it was created and in which it was to function. Two concluding digressions will deal with the demonization of Napoleon and the idea of human greatness in the early years of the 19th century.

Acknowledgements. The author thanks Irina Paperno for her help in translating the article, as well as M.G. Altshuller and an anonymous reviewer for critical comments.

Key words: Derzhavin, panegyric poetry, cult of the emperor, structure of panegyric space, “place in life”, demonization, human greatness.

For citation: Klein, Joachim. *Derzhavin i vozvrashcheniye pobedonosnogo tsarya* [Derzhavin and the Return of the Victorious Tsar]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 4, pp. 5–20. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800021452-3

*Марку Григорьевичу Альтишлеру,
исследователю Державина*

Вдовствующая императрица Мария Федоровна устроила 27 июля 1814 года в своей резиденции в Павловске роскошный праздник по поводу возвращения своего старшего сына Александра I после победы над Наполеоном¹. Державин сочинил на этот праздник песню “На возвращение императора Александра I” с военным рефреном “Ура! ура! ура!” [5, т. 3, с. 161–162]. Она была положена на музыку придворным капельмейстером Фердинандом Антолини и исполнена оперным тенором Василием Самойловым, вызвав у многочисленных гостей бурю восторга², а впоследствии, по словам Я.К. Грота, “долго пелась во всей России” [5, т. 3, с. 162].

Подготавливалось празднование возвращения Александра и в столице, однако царь этого не хотел. Он, конечно, не мог отказать своей матери, но с петербургским главнокомандующим это было другое дело. Александр еще с дороги запретил всякие столичные празднования своего приезда; пришлось в Петербурге разобрать триумфальные арки и сооружения для иллюминации [1, т. 3, с. 248]. Этот разительный, нарушающий традицию запрет объясняется набожностью императора, которая достигла крайней степени с рокового 1812 года³. Александр испытывал тогда влияние религиозного движения, которое распространилось из Англии и Германии в Россию, где нашло много приверженцев и в самых высоких кругах

общества⁴. Царь придавал особенное значение христианской добродетели смирения: своим запретом он хотел продемонстрировать эту добродетель на собственном примере для всенародного назидания. Такие же соображения побудили Александра и к тому, что он отверг прошение группы государственных деятелей принять почетный титул Благословенного, выбить в его честь медаль и воздвигнуть ему памятник [1, т. 3, с. 246–247].

Смиренный царь считал грешным гордиться победой над Наполеоном: победил не человек, а Божий Промысл⁵. В его рескрипте петербургскому главнокомандующему читаем: “Един Всевышний <является> причиною знаменитых происшествий, довершивших кровопролитную брань в Европе. Перед Ним все должны мы смиряться. — Объявите повсюду Мою неперменную волю, дабы никаких встреч и приемов для Меня не делать” (Северная почта. 1814. 11 июля). Городское празднество было заменено торжественным молебном в Казанском соборе не в честь императора, а в благодарение Богу [1, т. 3, с. 248].

Запрет Александра оказался неприятным сюрпризом для Державина, сочинившего, кроме песни на возвращение царя, еще и оду “На сретение победителя Европы Александра I” [5, т. 3, с. 163–170], которая явно была предназначена для праздника в столице. Это объемное стихотворение состоит из 22 одических строф, написанных очень высоким стилем, с большим количеством церковнославянизмов и затрудненным синтаксисом. Это была “новая поэтическая манера” пожилого

¹ Описание праздника появилось в газете “Северная почта” от 1 августа 1814 г. См. о нем: [1, т. 3, с. 248]; [2, с. 87–89]; [3, с. 253–254]; [4, с. 115–119]. См. также: Из записок А.Г. Хомутовой // Русский архив. 1867. № 7. С. 1060–1066; Столетие военного министерства. 1802–1902. Императорская главная квартира. История государевой свиты. Царствование Александра I. Кн. 2. СПб., 1904. С. 274–275; Курбатов В.Я. Павловск. СПб., 1912. С. 20–25.

² [6, с. 149] (здесь дана ссылка на воспоминания Г.И. Вилламова, секретаря императрицы).

³ Об этом см., например: [1, т. 3, с. 116–117, 322–323]; [7, с. 130–136]; [8, с. 328–332, 385–390].

⁴ См.: [9, с. 128–131], [7, с. 130–136]; [10, с. 143–168], а также: Benz E. Die russische Kirche und das Abendländische Christentum. München, 1966. S. 33–37; Ivanov A.V. A Spiritual Revolution. The Impact of Reformation and Enlightenment in Orthodox Russia. Madison, 2020. P. 206–208.

⁵ О “провиденциализме” Александра и его смирении см., например: [3, с. 222–224]; [11, с. 274–277]; о последствиях этой установки для мемориальной политики царя см.: Койтен А.А. Латентность памятника. К осмыслению недовольства исторической политикой Александра I после победы над Наполеоном // Zeitschrift für Slavische Philologie. 2020. Bd. 76. S. 137–175.

Державина, выражавшаяся, в частности, в намеренно трудном стиле, который требовал особенно внимательного чтения (см.: [12, с. 65–94]). В эпоху наполеоновских войн казалось, что этот архаичный стиль ближе к корням национальной культуры, чем стиливая гладкость Карамзина и его последователей, которая ассоциировалась с языком французского салона.

В первом отдельном издании 1814 года ода имела пышное заглавие: *“Ода на сретение Победителя, Свободителя и Примирителя Великого и Свяще Благословенного Императора Отца отечества Александра Первого 1814 года июля __ дня. С благоговением посвящает Сочинитель”*. Называя царя “Благословенным”, Державин не предвидел, что Александр отвергнет этот титул; пустое место датировки означает, что поэт еще не знал, в какой день император прибудет. Как было принято для таких од, она вышла отдельным, украшенным виньетками изданием, которое обычно “подносилось” адресату (об этом ритуале см.: [13, с. 110]). Однако этот придворный ритуал едва ли состоялся (как не состоялось и само столичное празднество). Думается, Александр даже не читал этого стихотворения. Ведь он после своего приезда повелел, “чтобы никаких похвальных стихов, или музыки в честь его, ни на театре, ни в публичных местах для него делано ни было”; он позволил “воспевать подвиги войск”, но велел “молчать о себе” (письмо А.И. Тургенева к В.А. Жуковскому от 27 августа 1814 г. [14, с. 253]).

Когда Державин и другие авторы писали свои стихотворения на возвращение царя⁶, они еще не могли знать об этом запрете. Мне известен в качестве исключения только М.Е. Лобанов с его “Одой на прибытие императора Александра” (СПб., 1814). Она получила цензурное разрешение 3 августа 1814 года, то есть более двух недель после приезда Александра (13 июля). Значит, автор уже мог знать о запрете царя. Этим объясняется, что он посвятил свое стихотворение не Александру, а его матери Марии Федоровне, в предпоследней же строфе говорит о нелюбви царя к “хвалениям”

⁶ Ф.Ф. Вигель писал в своих “Воспоминаниях”: “Когда же, после взятия Парижа, Александр возвратился в Петербург, тогда вся восхищенная толпа поэтов в честь и хвалу его возвысила свои искренние, не купленные голоса” (далее мемуарист называет Жуковского как автора стихотворного послания “Императору Александру” и мимоходом упоминает Державина). Современная исследовательница пишет об “одической лихорадке”, о “массовом состязании” поэтов, сочинявших оды по данному поводу (к сожалению, без указаний на конкретных авторов) [15, с. 111–112]. О четырех из них см.: [4, с. 111–114].

(что он “не жаждет куримых ему фимиамов”)⁷. Тем не менее, Лобанов мог надеяться на высочайшее одобрение — если не Александра, то его матери.

Что же касается Державина, то его надежда на одобрение со стороны императрицы оказалась тщетной. В отличие от песни на возвращение царя, его ода по тому же поводу не имела успеха ни в церемониальном, ни в литературном отношении. Однако эта ода безусловно заслуживает нашего внимания, поскольку ее разбор может пролить свет на последнюю стадию поэтического поприща Державина, в том числе и его панегирической поэзии. Ода интересна и в связи с историей культа монарха в России. Один пункт имеет при этом особенное значение: это сакрализация царя. Мы увидим, что Державин прославляет Александра I не только как успешного политика и военачальника, как это было принято в панегирической традиции, но и как благочестивого христианина, можно даже сказать: как святого. Далее в предлагаемой статье речь пойдет об использовании Державиным известного патриотического мотива, который он мог найти у Ломоносова, — мотива безграничного пространства Российской империи. Возникает, наконец, и вопрос, который уже задан жанровым характером державинской оды как окказионального стихотворения. Это вопрос о ее “месте в жизни” (“Sitz im Leben”), то есть вопрос об обстоятельствах, включая и биографические, в которых это произведение возникло и должно было действовать. Два завершающих экскурса настоящей статьи посвящены демонизации Наполеона и историческому смыслу “истинного” и “ложного” величия властителей.

Кто первый поэт?

Державин-панегирист хотел не только прославить своего адресата, но и расположить его к себе. Это особенно видно в девятой строфе его оды. Он выступает здесь не как условный субъект торжественной оды, но как реальный Державин, который, обращаясь к царю, может напомнить ему о стихотворении, написанном им в его честь много лет назад (“На рождение в севере порфирородного отрока”, 1779). Намекая на свой пожилой возраст, он здесь также просит свою поседевшую музу “удвоить” похвалы царю. Строфа

⁷ В этом отношении заслуживают интереса воспоминания В.И. Панаева (1858), который рассказывает, что царь отметил свое посещение заседания “Беседы любителей русского слова”, узнав, что там его ожидала длинная похвальная речь. Отвращение Александра I к таким произведениям представляется здесь как общеизвестный факт.

завершается следующими стихами, обращенными к музе поэта:

Тобой воспетый в колыбели —
Днесь болей всех земных владык!

Эта *captatio benevolentiae* была тем более уместна, что личные отношения Державина к царю уже давно испортились, поэтому он потерял свой пост министра юстиции еще в 1803 году. Как консервативный государственный деятель Державин не был согласен с либеральными идеями молодого монарха⁸ и критиковал его в некоторых стихотворениях (см.: [12, с. 67–70]; [17]). Ситуация изменилась только в 1812 году с изгнанием Наполеона. Александр I способствовал этой победе своей стойкостью, так что Державин смог теперь снова восхвалять его без внутренних оговорок, снова отдаваясь своей задаче первого поэта царя и отечества.

Однако теперь, в 1814 году, эта когда-то не спорная позиция Державина могла уже казаться сомнительной. Это видно и по рецепции его монументального “Гимна лироэпического на прогнание французов из отечества” 1812 года (интерпретацию стихотворения см. в [18]). На тему этой войны выступил в том же году и Жуковский: его “Певец во стане русских воинов” сразу прославил его и был успешен также при дворе⁹. Решающей инстанцией был при этом не царь, который тогда пребывал еще на Западе и вообще мало интересовался литературным творчеством своих подданных. Этой инстанцией была его мать, вдовствующая императрица Мария Федоровна. Она сделала свою резиденцию центром не только придворного общества, но и русской культуры¹⁰. Императрица была в восторге от стихотворения Жуковского и заботилась о его втором издании¹¹. Понравился ли ей также “Гимн лироэпический”

⁸ См. в автобиографических “Записках” Державина [5, т. 6, с. 721–790], а также: [16, с. 508–559]; [12, с. 65–70].

⁹ См. комментарий А.С. Янушкевича [19, с. 599–600], а также: *Ehrhard M. V.A. Joukovski et le préromantisme russe*. Paris, 1938. P. 131

¹⁰ На эту тему пока нет монографии, см., однако: *Vandal A. La cour de Russie en 1807–1808 // Revue d'histoire diplomatique*. 1890. № 4. P. 401–419 (рапорт французского посланника Савари); *Георгиевский Г.П.* А.Н. Оленин и Н.И. Гнедич. Новые материалы из оленинского архива. СПб., 1914. С. 19–28; *Martin M. Maria Féodorovna en son temps. (1759–1828) // Contribution à l'histoire de la Russie et de l'Europe*. Paris, 2003. P. 199; *Maria Feodorowna als Mittlerin zwischen Württemberg und Russland / Hg.: Annemarie Röder*. Stuttgart, 2004. S. 13–14. См. также: [11, с. 269]; [15, с. 971–957].

¹¹ См. комментарий А.С. Янушкевича к стихотворному посланию Жуковского “Государыне Императрице Марии Федоровне” [19, с. 615–616].

Державина — неизвестно. В целом публика приняла это произведение сдержанно [18, с. 43] или даже с иронией, как молодые поэты Арзамаса (см.: [12, с. 20–23])¹².

Сомнения нет, Державин как автор “Гимна” оказался в тени более молодого соперника — Жуковского. Поэтому можно интерпретировать его оду на возвращение императора 1814 года как попытку сохранить или вернуть себе позицию первого русского поэта. Этот замысел становится очевидным в последней строфе стихотворения. Здесь Державин снова выходит на первый план как автобиографический субъект. Он без ложной скромности поздравляет себя самого не только со своей одой, но и с тем, что он “сердцем вещим, справедливым” предвидел победу Александра, а в самом конце провозглашает с пафосом:

Меня народы не забудут:
Хвалы мои ему ввек будут
Моря и горы повторять. [5, т. 3, с. 169]

Эта претензия поэта на бессмертную и мировую славу хорошо известна из его стихотворения “Памятник” (1795) [4, с. 120–122], однако тогда Державин находился на вершине своей поэтической славы, а в 1814 году ситуация изменилась: теперь ему снова пришлось уступить первое место Жуковскому, чье написанное в том же году стихотворное послание “Императору Александру” тронуло Марию Федоровну до слез¹³ и произвело большое впечатление и вне двора¹⁴. Неизвестно и в этом случае, что думала императрица об оде Державина.

Для другого человека такое повторное поражение, наверное, стало бы поводом усомниться в самом себе, однако не для Державина. Его железная воля к самоутверждению выражается не только в его автобиографических “Записках”¹⁵, но и в его отношении к молодым поэтам (см.: [20]). Однако трудно было игнорировать тот факт, что его поэтическая репутация поколебалась. Тем более

¹² См.: [12, с. 79–81], а также: *Зорин А.Л.* Глагол времен // *Зорин А.Л., Немзер А.С., Зубков Н.Н.* Свой подвиг свершив... М., 1987. С. 20–23; *Проскурин О.А.* Имя в “Арзамасе” // *Лотмановский сборник*. [Сб. 1]. М., 1995. Т. 1. С. 360–363.

¹³ См. письмо 1 января 1815 года Жуковскому, в котором А.И. Тургенев описывает, как он читал это послание императрице [14, с. 279–280, здесь с. 279].

¹⁴ См. комментарий И.А. Поплавской [19, с. 723–724]; интерпретацию стихотворения см.: [11, с. 267–295].

¹⁵ Р. Вортман в предисловии к их репринтному изданию удивляется “державинскому эго, его безграничной уверенности в самом себе” (*Wortman R. Introduction: Gavrila Romanovich Derzhavin and his Zapiski // Zapiski Derzhavina* (1743–1812). Cambridge, 1973. P. 3).

настойчиво утверждает Державин противное: и в оде 1814 года он прославляет не только царя, но и самого себя, борясь за свою позицию главы русского Парнаса.

Державин и императорская семья

Державин-панегирист обращался на старости лет не только к Александру, но также к его семье, а прежде всего к его матери Марии Федоровне, которой посвятил объемные стихотворения “Обитель Добрады” (1808) и “Жилище богини Фригги” (1812). Императрица интересовалась поэзией и любила окружить себя поэтами. Жуковский, Гнедич и Крылов бывали у нее для чтения своих произведений (см. выше сноску 10). Карамзина она ценила не только как историка, но и как автора оды “Освобождение Европы и слава Александра I” (1814): Ю.А. Нелединский-Мелецкий, близкий к императрице поэт, прочитал ей это стихотворение, и она поблагодарила Карамзина милостивым письмом и розой из ее павловского парка [21, с. 117–120].

Державину в 1814 году не досталось подобного признания за его оду “На сретение победителя Европы Александра I”. Однако его песню на возвращение царя та же самая императрица велела положить на музыку [6, с. 149], и вообще она часто приглашала его на придворные празднества и к столу (см.: [22]; [6]; [23]). Однако эти приглашения не носили литературного характера, и Державин бывал в таких случаях лишь одним гостем среди многих (так было, например, 13 января 1814 года в день рождения Елизаветы Алексеевны, супруги Александра I: на этом празднике стол был накрыт для 67 персон [6, с. 152]). Известно, бывал ли когда-то Державин у императрицы en petit comité, как Жуковский или Карамзин¹⁶. Поэтому думается, что Мария Федоровна ценила его в первую очередь не как поэта, а как бывшего сенатора и министра юстиции, то есть как чиновного члена придворного общества. Блистать как поэт он мог скорее в петербургской “Беседе любителей русского слова”, деятельным членом которой он состоял [12, с. 65–94].

Приглашения Марии Федоровны давали Державину возможность вновь поучаствовать в придворной жизни. Панегирическое стихотворение “Жилище богини Фригги” он сочинил для “альбаума” императрицы [5, т. 3, с. 83]. Ей он

уделяет место и в оде на возвращение Александра 1814 года. В восьмой строфе оды она радуется возвращению сына после долгой разлуки. Упоминание “сирот” относится здесь к благотворительной деятельности императрицы, а слово “полубог” — к Александру:

Но коим светится восторгом
Сирот профироносна мать,
Нас наградивша полубогом,
Того не можно описать!
Зреть сына в славе — сердца сладость!
Ея всем ангельская радость
Видна на взорах и устах.
Цари велики, как зарницы
В понт с неба зря — в нем зря их лица,
С ней не сравняются в лучах. [5, т. 3, с. 165]

Присутствуют в державинской оде и младшие сыновья Марии Федоровны — великие князья Николай Павлович и Михаил Павлович: в третьей строфе поэт вместе с нею радуется их возвращению из Европы (ранее, в феврале 1814 года, Державин написал оду “На отбытие великих князей Николая Павловича и Михаила Павловича из Петербурга к армии”), однако здесь мы не сразу понимаем, кто имеется в виду, поскольку великие князья не называются по имени. Речь идет только о метафорических “орлах”. Может быть, это русские войска, также вернувшиеся в Россию? Ведь в русской лирике солдаты часто называются “орлами”. Однако речь идет именно о младших братьях царя. Им было тогда 17 и 18 лет, и Александр I уберегал их в Западной Европе от всех сражений [24, с. 43–44]. Державин поэтому не мог хвалить их за храбрость, а только за “твердый дух и нравы”, за которые “Европа” их “чтит” “плеском и хвалами”. Если бы здесь имелись в виду войска, Державин хвалил бы их не за приличное поведение, а за военные подвиги. Войска он приветствовал в другом стихотворении — “На возвращение полков гвардии” (1814).

Поэтика пространства

Как мы уже видели, мотив безграничного пространства Державин в последней строфе оды “На сретение победителя Европы Александра I” (1814) связывает со своими претензиями на бессмертную славу поэта. Однако тот же мотив оказался ему нужен и для восхваления Александра. Кажется, что Державин взял этот мотив у Ломоносова, у которого он встречается многократно, например, в 14-й строфе оды Елизавете Петровне 1747 года на годовщину ее восшествия на престол: “Пространная Твоя держава / О как Тебе благодарит! / Возри на горы превысоки, / Возри в поля Свои широки, / Где Волга, Днепр,

¹⁶ См. описание одного такого вечера в письме Тургенева к Жуковскому от 1 января 1815 года [14, с. 279–280]. Описание подобного вечера можно найти и в одном письме Жуковского от 16 сентября 1815 г. (см.: *Зейдлиц К.К. Жизнь и поэзия В.А. Жуковского*. СПб., 1883. С. 87–88).

где Обь течет...” [25, с. 202]. У Державина мы находим этот мотив в 6-й строфе: слава Александра наполняет здесь “неизмеримое пространство” тех далеких областей Российской империи, где живут “кавказские” и “таврские орды”. Имеются в виду и кочевые племена. Они живут, как объясняет сам Державин, в “улусах, или кочевых селениях”, которые переносятся “с места на место” [5, т. 3, с. 164]. Кроме широкого пространства повторяется и мотив благодарности. Народы этих далеких областей празднуют победу над Наполеоном; их многочисленные “князья” говорят: “Хвала полнощному Давиду, / Что не дал Галлам нас в обиду!” (Эта библейская метафора относится к количественному превосходству “Grande Armée” Наполеона над русской армией).

В следующей 7-й строфе мы также находим ломоносовский мотив трех рек: “Терек, Урал и Дон”, при этом мотив безграничного пространства здесь повторяется в связи с нерегулярной кавалерией Александра I. “Седые, сухие моря” обозначают бесконечные степи, на которых “бурные полки” казаков “кружатся” “как вихрь” и рассказывают своим детям, “как всяк из них сто Галлов сверг”. Однако в этом новом контексте меняется значение пространственного мотива. Новое значение возникает из противопоставления русской и западноевропейской территории, которая упоминается ниже, в 10-й строфе. Там идет речь о недавней империи Наполеона, которая была также очень пространна, охватывая не только Францию, но также итальянские, немецкие и другие земли.

В той же 10-й строфе мы опять сталкиваемся с тремя реками, но это уже не русские реки, а Эльба, Рейн и Сена; называется и город Париж. Речь идет о том широком пространстве, где русский “меч” одержал победу — тот меч, который Александр еще не вложил обратно “в ножны”. Это намекает на решение царя продолжать войну и после изгнания Наполеона из России¹⁷. Париж упоминается снова в начале 11-й строфы. Но там это уже не место русского триумфа, а предмет нравственного осуждения: Париж называется здесь новым “Вавилоном”; это апокалиптический город, где царствуют безверие, беззаконие и злые “страсти” (город, на который указывает Библия: “пал, пал Вавилон, великая блудница” (Откр 18:2)).

К этому мы еще вернемся. Пока надо ответить на один вопрос, который возникает при чтении

¹⁷ Это решение было тогда спорным (см.: [1, т. 3, с. 128–130]). На эту тему высказался и Державин: 46-я строфа его “Гимна лироэпического” содержит увещание царю ограничиться защитой русской территории [18, с. 48].

6-й и 7-й строф: почему Державин называет в качестве верных и храбрых солдат не регулярные войска, а экзотичные степные народы из-за Урала и жителей Кавказа и Крыма? Ответ на этот вопрос, видимо, связан с влиянием оссиановской поэзии и ее идеалом архаичного героизма¹⁸. Этот идеал воплощается у Державина в восточных и южных народах Российской империи. Речь идет, другими словами, о “благородных дикарях”, которые, в противоположность солдатам Наполеона, служат не узурпатору, а легитимному монарху Александру I.

Безграничному пространству Российской империи противостоит наполеоновская территория с Парижем, этим новым “Вавилоном”. Так в данном случае выражается галлофобия, которая и ранее была заметна в России (см.: [26]; [27]), но достигла крайней степени во время наполеоновских войн. Париж является у Державина “кумиром народов и царей” — центром высокой, но нравственно испорченной культуры. Проявляется национальный ресентимент, возникший из сознания культурной подчиненности, но выражающий и сознание нравственного превосходства¹⁹. Ведь Париж был тем городом, где в 1793 году был казнен Людовик XVI, богоизбранный король Франции (убитому монарху посвятил Державин тогда стихотворение “На панихиду Людовика XVI”). Париж как город цареубийц и как город Наполеона, этого “надменного пришлеца” из Корсики, фигурирует в 11-й строфе оды:

Париж! сын истый Вавилона,
Кумир народов и царей,
Где Бога, веры и закона
Никто не чтит, кроме страстей;
В котором Корс, пришлец надменный,
Мечтав ось обращать вселенны,
Россию ни во что вменял:
Как ураган, вздымал волн холмы;
Как Люцифер, метал в твердь громы;
Но Александр предстал, — он пал! [5, т. 3, с. 166]

Александр I и Наполеон

Наполеон, этот презренный “Корс”, представлен в процитированных стихах как мифическое

¹⁸ Об оссианизме Державина см. комментарий Я.К. Грота к стихотворению “Водопад” [5, т. 1, с. 338–340]. См. также: Левин Ю.Д. Оссиан в русской литературе (конец XVIII — первая половина XIX века). Л., 1980. С. 35–38.

¹⁹ В “Гимне лироэпическом” мотив высокой, когда-то соблазнительной французской культуры также сочетается с представлением о ее нравственной низости; здесь тоже Париж уподобляется “Вавилону”: “...Хоть престестей твоих уставы / Давно уж чли венцом мы славы; / Но, не довольствуясь слепить умом, / Ты мнил поправить нас и мечем...” [5, т. 3, с. 110].

чудовище, причем мотив его падения повторяется в оде: в 11-й строфе — в связи с “Люцифером”, а в 19-й строфе — “злым демоном”, который упал “счастья с колесницы”, то есть с колесницы Фортуны, после чего “слух о нем исчез”²⁰. Мотив Фортуны — “счастья”²¹ — относится здесь к случайному, то есть к незаконному характеру царствования Наполеона. Мотив же падения в оде связан с еще одним апокалиптическим мотивом: в 5-й строфе идет речь о “жрущем драконе”, которого Александр I “низверг с похищенного трона” (ср.: Откр 12:9).

Демонизация Наполеона является у Державина не только выражением патриотических чувств, но также способствует — е *contrario* — идеализации Александра I. Уже в 1-й строфе оды поэт призывает весь мир приветствовать вернувшегося царя:

Внемлите, царства! поднимитесь,
О князи врат градских, скорей!
Раздайтесь, стогны, расступитесь,
От гласа радости моей:
Восстань, сретай, о Север бранный!
Се в лавр и пальмы увенчанный
Великий Александр идет,
Не царств вселенной покоритель,
Но их от уз освободитель;
Царь славы, царь сердец грядет! [5, т. 3, с. 162]

Называя царя “Великим Александром”, поэт намекает на Александра Македонского²², однако речь идет здесь не о сходстве, а о противоположности:

²⁰ Фортуна, богиня счастья, появляется здесь с колесницей, а не с традиционным шаром. Стоит еще напомнить, что Державин в 1814 г. радовался слишком рано, поскольку Наполеон вернулся в 1815 году с острова Эльбы, чтобы царствовать еще сто дней; только после поражения под Ватерлоо окончательно упал “с колесницы Фортуны”.

²¹ О значении слова “счастья” у Державина см. в нашей работе «Державин и Фортуна: стихотворение “На Счастье”» [28, с. 169–182, здесь с. 170–171].

²² Мы находим эксплицитный эквивалент этого намека в рукописном варианте второй строфы нашего стихотворения, приведенной Я.К. Гротом [5, т. 3, с. 169]. Строфа построена на двойном значении имени ‘Александр’: с одной стороны, это Александр I, с другой — “Александр великий”, титул которого снижается писанием не с большой, а с маленькой буквы. Однако злодеяния, которые перечисляются здесь, ассоциируются не с Александром Великим, а с Наполеоном, ведь именно он, а не Александр Великий “идет российский вздеть венец”. В обоих злодеях олицетворяется то же самое зло. Данная строфа представляет собой серию риторических вопросов, ответ на которых сводится к риторическому вопросу, кому из двух Александров приписать истинное величие: “Но кто сей вождь? кто царь сей славы, / Прекрасный и младый герой? / Не он ли, что народны правы, / Весь мир поработил войной? / Не Александр ли то великий / Идет российский вздеть венец? — / Так, Александр! Но сей не кровью, / А подданных велик любовью: / Он победитель их сердец”.

ведь в отличие от Александра Македонского его русский одноименник является не “царств вселенной покорителем”, а, напротив, благодетелем, который освободил народы от Наполеона и поэтому заслужил любовь человечества. Александр Македонский у Державина, напротив, представляется как жадный до военной славы враг человечества, которого напрасно называют “великим”. Если из героев мировой истории кто-то действительно похож на него, то это не Александр I, а Наполеон, о котором идет речь ниже, в 11-й строфе. Ведь это он мечтал “ось обращать вселенны”. Наполеон, по Державину, это французский Александр (псевдо)великий.

С противопоставлением доброго и злого властителя мы сталкиваемся и в 17-й строфе. Александр I прославляется здесь как “богоподобный” и “миролюбный” царь, который своей победой подарил людям “дни райские, незлобны”. Наполеон, напротив, является “бичом и царств воителем”, который желал быть “властителем света”. Лирический субъект обращается к нему с обвинением: “Взгляни черепьев на костры: / Вела тебя где слава мнима, / Там дымом твердь донесешь мрачима / И рдеют кровию зари”. “Мнимой славе” Наполеона соответствует мнимое величие, о котором идет речь в следующей 18-й строфе: поэт обращается там к Наполеону с грустно-ироничным вопросом: “Почто же было так трудиться, / Чтоб быть тебе великим мнится?”.

Понятие о ложном и истинном величии, о ложной и истинной славе — это общее место европейского Просвещения, которое распространилось в России благодаря роману Ф. Фенелона “*Les aventures de Télémaque*” (“Приключения Телемака”, 1699), неоднократно в XVIII веке переведившемуся на русский язык. Оно повторяется и в оде Державина в 18-й строфе, где торжественно провозглашаются сентенции о политической мудрости:

Великим злоба не творит,
Сия честь существу благому
И слава, но не духу злому
Бессмертие принадлежит. [5, т. 3, с. 168]

Подобное утверждение встречается и выше, в 12-й строфе, где поэт обращается к “гигантам мира”, имея в виду не мифических повстанцев против Юпитера, а властителей реального мира. Они должны узнать на примере Наполеона, что только “правда” и “вера” могут быть “твердой трона”: “Где блеск меча Наполеона? / Пред солнцем правды он погас” [5, т. 3, с. 166]. Мотив “веры” означает здесь критику Наполеона как

продолжателя Французской революции и ее мнимого атеизма²³.

Полемика против Наполеона кончится в строфе 19 его падением “с колесницы” Фортуны. Потом идет речь об Александре I. Выступая как представитель его благодарных подданных, в 20-й строфе лирический субъект обращается с речью к ним. Употребляя первое лицо множественного числа, он бросает радостный взгляд в будущее. Некоторые из этих стихов можно понимать как политический совет царю; в последнем стихе строфы он восхваляется именно за свое “благочестье”:

Пойдем и сопряжем с любовью
Надежду нашу на того,
Кто сам сожертвовал нам кровью.
Мы все получим от него:
Он храбрости воздаст усердьё,
Явит терпевшим милосердьё,
Невинных узы перервет,
Созидет дома разоренным,
Даст правосудье притесненным,
Всех благочестьем превзойдет. [5, т. 3, с. 168]

Как видно, здесь сначала идет речь о Христе, который “сам пожертвовал нам кровью”, умерев на кресте, и это несмотря на то, что объект мужского рода фразы “надежду на того” пишется не с большой, а с маленькой буквы. Ведь это явно не Александр, кто “сам сожертвовал нам кровью”. Однако в дальнейшем имеется в виду уже не Христос, а Александр, который вернулся в разоренную войной Россию, где он будет заботиться о восстановлении разрушенных домов. И нет сомнения, что это именно Александр, а не Христос, о котором говорится в последнем стихе данной строфы, что он “всех благочестьем превзойдет”, причем не исчезает ассоциативная связь с Христом-Спасителем, созданная в первых стихах этой строфы.

Такая же двусмысленность заметна и в другом отношении. Некоторые из благодеяний, о которых здесь идет речь, уже не относятся конкретно к послевоенной России, а носят отвлеченный характер. Имеем в виду, например, освобождение “невинных” и “правосудье” для “притесненных”. Можно поэтому сказать: после победы над “злым демоном” в 19-й строфе должно теперь, в 20-й строфе, начаться в России общее, уже не совсем земное блаженство. Это блаженство является результатом будущей деятельности Александра, который в свою очередь предстает

не совсем земным властителем. Все это напоминает место из видения пророка Даниила, где после убийства демонического “зверя” “с облаками небесными шел как бы Сын человеческий” (Дан 7:13): начинается последний этап истории человечества — Царство Божие.

Сакрализация царя

Державин восхваляет Александра как монарха, который царствует “верой” и “правдой”, но также как успешного военачальника. Во 2-й строфе речь идет не только о его “мужестве”, но также о его “твердости”: после взятия Москвы французами, в отчаянной ситуации, Александр, не слушая молитв своей семьи и мнений своих советников, отверг всякие переговоры с Наполеоном: следовало воевать, пока последний враг не был изгнан из страны. В 5-й строфе царь предстает триумфальным победителем, причем в фразе “ужасны силы”, которые он “истнил”, просвечивает опять апокалипсис: вся Россия “с поспешностью течет, / Чтоб на героя бросить взоры / Вдали, на блеск его побед: / Как громовержною рукою, / Но больше мудрою главою / Ужасны силы он истнил...” [5, т. 3, с. 164].

Как явствует из первоначального заглавия оды, политическая заслуга Александра состоит в том, что он освободил Европу от Наполеона, чем восстановил общий мир. Такая похвала военных и политических заслуг царя вполне соответствует традиции панегирической поэзии. Однако мы уже знаем, что величие Александра основывается не только на военной и политической, но также — и прежде всего — на религиозной основе, ведь он превосходит всех “благочестьем”. В строфе 13 говорится также, что Александр “отмщает врагам щедротой”. Парадоксальность этой фразы совпадает с требованием Нагорной проповеди: “Любите врагов ваших” (Мф 5:44). Евангельским требованиям соответствует и то, что говорится об Александре во второй строфе: “Се — пленны им благотворятся / Безмездно царства и цари!”. В последующем речь идет о еще одной христианской добродетели Александра. Лирический субъект задает здесь риторический вопрос о том, следует ли “ублажать смиренье” Александра. В ответе на этот вопрос мы узнаем, что царь своим смирением преследовал только одну цель: “Он Богу только в прославление / Творил добро, смирял царств при!” (строфа 2).

“Смиренье” является ключевым понятием не только в державинской оде, но также в сознании Александра I. Как мы уже знаем, он демонстрировал это смирение своим запретом

²³ Об атеизме как полемическом штампе в России XVIII века см.: *Frede V. Atheism in the Russian Enlightenment // Russian Literature*. 2014. Vol. 25. P. 121–161.

петербургского праздника в июле 1814 года. С другой стороны, смирение не помешало ему вступить 19 марта 1814 года в завоеванный Париж верхом на светло-серой лошади рядом с прусским королем Фридрихом Вильгельмом III и союзническими войсками [1, т. 3, с. 211]. Однако это триумфальное событие не упоминается в оде Державина. Вместо этого мы находим в 13-й строфе оды один особенно разительный пример царского смирения.

Дело в том, что Александр устроил в Париже в день православной Пасхи торжественное молебствие, которое имело место на вольном воздухе, на глазах у всего городского населения²⁴. Он этим хотел оказать честь казненному в 1793 году французскому королю Людовику XVI. Площадь, на которой состоялось это молебствие, была прежняя Place de la Révolution, которая называется в наши дни Place de la Concorde. Это то место, где король был гильотинирован. Современная событиям гравюра показывает алтарь, православных священников в литургических ризах и царя, также стоящего на коленях [1, т. 3, с. 289]. Это стояние на коленях, несколько противоречившее православному ритуалу, было не уступкой католицизму побежденной Франции, а еще одной публичной демонстрацией царского смирения.

Говоря об этом молебствии в 13-й строфе, лирический субъект Державина прибегает к настоящему времени; перенос в первых стихах нарушает течение четырехстопного ямба, выражая благочестивое возбуждение говорящего. Он с благоговейными восклицаниями описывает свое экстатическое видение “смирненно” молящегося Александра. Его примеру следуют парижане, так что возникает картина слезливого раскаяния и массового обращения. Перед нами еще одна евангельская парадоксальность — триумф смирения:

Объемлет ум благоговейно
Мой — ужас, радость и восторг;
На стогне молится смиренно,
Зрю, Александр! — и, света бог
Как, взглядом тму он освещает,
Врагам щедротою отмщает
И прах Людовика святит!
Во изумленье, зол столица,
Склоня колена, горды лица,
Ток умиленных слез струит! [5, т. 3, с. 166]

²⁴ См.: [1, т. 3, с. 223]; [3, с. 226]. Ср. также в воспоминаниях современника: “Государь <...> прибыл на площадь, на которой раздалось пение наших церковнослужителей. Государь и все окружавшие его, равно и маршалы, преклонили колена, где за двадцать лет пролита была кровь добродетельного монарха” (Михайловский-Данилевский А.И. Мемуары 1814—1815. СПб., 2001. С. 67).

Христианская добродетель Александра обособляет его сакрализацию. Это был распространенный прием панегирической литературы: когда сакрализация царя достигала крайней степени уподобления Богу, она могла вызывать религиозный протест [29, с. 311]. Однако такие реакции не производили впечатления ни на Державина, ни на других авторов, тем более что в случае благочестивого Александра I сакрализация прямо напрашивалась. В 17-й строфе державинской оды речь идет не только о “миролюбном”, но и о “богоподобном” царе, причем не вполне ясно, имеется ли в виду христианский или языческий бог. Однако в 15-й строфе царь называется без обиняков “сыном Божиим”, чем он ставится в один ряд с Христом, и говорится, что Александр “Марией кроткою рожден”, что можно было ассоциировать не только с Марией Федоровной, но и с Богородицей.

В этом отношении интересна и 9-я строфа. Лирический субъект призывает свою посевшую Музу “удвоить” похвалу царю и заставляет ее говорить следующие слова: “Кто Бог наш, как Бог велий!”. Это место восходит к 14 стиху 76 псалма²⁵, ср.: “Боже, во святем путь Твой: кто Бог велий, яко Бог наш? / Ты еси Бог творяй чудеса: сказал еси в людех силу Твою, / избавил еси мышцею Твоею люди Твоя, сыны Иаковли и Иосифовы” (Пс 76:14—16). Державин, как видим, с помощью цитаты из Псалтири отождествляет победу Александра I над Наполеоном с победой Бога над врагами избранного народа. Библейская цитата используется для обожествления царя.

Это заметно и по другому признаку. Державинская Муза называется “Камена”. Самена — это фигура из классической мифологии²⁶. Несмотря на это, слово “Бог” пишется в обоих случаях не с маленькой, а с большой буквы, по-христиански. Поэтому Александр как “Бог наш” приравнивается в первой части этого предложения христианскому Богу. Державин при этом явно не задумывался, как воспримет это место его смиренный адресат: в следующем 1815 году Александр I высказал порицание духовным лицам, которые уподобили его Богу.

Сакрализация монарха носит у Державина не только христианский, но иногда и языческий характер, как, например, в 8-й строфе, где он называется “полубогом”. В 13-й строфе царь предстает и

²⁵ Я обязан этим указанием анонимному рецензенту данной статьи.

²⁶ “Камена” была сначала римским божеством источников, а потом отождествлялась с Музами (см., например: Der Kleine Pauly. Lexikon der Antike in fünf Bänden. Bd. 1. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1979. S. 1028—1029).

“богом света”, то есть Аполлоном. Это повторяется в первой из двух виньеток, которые украшают первое издание оды (1814): Александр-Аполлон здесь изображен вместе с убитым драконом; он вооружен луком и стрелами и собирается проходить через триумфальную арку (на второй виньетке изображена радуга с надписью в лаконичном стиле римской античности: “Почию на победах”).

Однако в письменном тексте державинской оды превалирует не языческая, а христианская сакрализация царя. Когда он приравнивается Богу или Христу, читатель должен понимать это не дословно, что было бы кощунственной бессмыслицей, а в переносном смысле — как панегирическую метафору [29, с. 287]. Однако если Александр на самом деле и не отождествлялся с Богом, он все-таки считался высшим существом — без всякой метафоричности: он был не Богом, а святым, то есть человеком исключительной набожности, который посвящает всю свою жизнь Богу²⁷. Вспомним фразу в конце второй строфы: “Он Богу только в прославление / Творил добро, смирял царств при!”. Такой же смысл имеет строфа 20, где Александр “всех благочестием превзойдет”: это не Бог, а святой человек. Мы читаем подобное и в позднейшем сонете Державина “На торжество, бывшее в Петербурге 19 марта 1816 года, на память взятия Парижа”. Здесь ангелы удивляются душевной красоте Александра, поскольку он “в благочестии” является “истинным героем” [5, т. 3, с. 176]. Перетолковывается слово “герой”, получая не военное, а нравственное значение.

Христианской сакрализации Александра соответствует распространенная тогда традиция называть его “ангелом” (см.: [3, с. 193–214: “Ангел на престоле”]). Можно найти эту метафору в поэзии²⁸,

²⁷ У князя Сергея Шихматова в “Песни победителю и спасителю царств и победоносному примирителю Европы Александру Первому [...] на возвращение Александра” представление о его святости встречается и в эксплицитном виде: в строфе 21 Бог награждает царя за его стойкую веру: “...се, главу сию священну / Венчает с высоты сам Бог”; далее, в конце оды, читаем: “Живи — и блеском дел великих / Венчая каждый жизни час, / Святися, Бог земный полсвета; / Прострись в потопственные лета, / Внимай хвалы всемирной глас” (Чтения в Беседе любителей русского слова. Чт. 17. СПб., 1815. С. 317).

²⁸ Кроме стихотворений Державина (в том числе его оды на коронацию Александра “Гимн Кротости”, 1801) можно указать на процитированную выше оду Шихматова, где встречаются выражения “как Ангел Божий леп и благ”, “Ангел мира”, а в строфе 29 люди приходят издалека, чтобы “дивиться Ангелу — Герою”, и на оду Анны Буниной “Песнь Александру Великому, победителю Наполеона и восстановителю царств” (1814), здесь читаем об Александре: “Грядет к вам ангел во плоти!” (см.: *Бунина А.П.* Неопытная муза. Собрание стихотворений. М., 2016. С. 342–350)].

в мемуарной прозе²⁹ и в разговорном языке эпохи³⁰. Александр нарекался “ангелом” также в царской семье [24, с. 209, 225, 244, 298, 299 и др.].

С точки зрения подданных, эмоциональное значение этой метафоры носит несколько другой характер. Оно возникло сначала по контрасту: Александр I приятно отличался от Павла I, своего вспыльчивого предшественника на троне. На этом контрасте построена ода Державина на восшествие Александра на престол (1801), чем объясняется ее успех у публики³¹. Однако по мере того, как воспоминание о венценосном тиране стало блекнуть, данная метафора стала просто выражением тех мечтательных и нежных чувств, которые испытывали подданные к молодому и красивому монарху. В дневнике С.П. Жихарева читаем под датой 2 декабря 1806 года: “Какая величая наружность, какой красавец, и ко всему этому — какая душа! <...> что за ангельское лицо и пленительная улыбка!”. В державинском “Гимне кротости” произошла даже некоторая феминизация любимого всем императора [28, с. 166–168]. И в тильзитских главах романа Л.Н. Толстого “Война и мир”, как известно, молодой Ростов испытывает почти эротические чувства к Александру.

Однако после победы над Наполеоном значение этой метафоры изменилось, поскольку теперь она была мотивирована всепрощающей добротой Александра по отношению к побежденным французам. Царь казался ангелом теперь прежде всего не из-за своей красоты, а из-за его любви к бывшим врагам.

Метафора ангела приближает Александра в этом последнем понимании к идеалу святости. Он теперь уже является предметом не сентиментальной любви, а набожного благоговения. В панегирической поэзии и вообще в культе русского монарха XVIII — начала XIX века это было новизной. В XVII веке, во времена царя Алексея

²⁹ А.И. Михайловский-Данилевский говорит в своих воспоминаниях об “ангельской душе” Александра, Ф.Ф. Вигель называет Петербург 1814 года “жилищем светозарного ангела”, однако во втором случае нельзя не заметить дезиллюзионированную тональность этой фразы: автор цитирует ее как отживший свой век штамп, а в другом месте пишет о потере популярности Александра в последнее десятилетие его царствования.

³⁰ См., например, запись в дневнике С.П. Жихарева 12 сентября 1805 г., где автор радуется предстоящему путешествию царя в Москву: “Общие усердные молитвы и благословения сопровождают нашего ангела во плоти, как величает его Москва” (*Жихарев С.П.* Записки современника: В 2 т. Л.: Искусство, 1989. Т. 1. С. 119); мы нашли эту фразу также в оде А.П. Буниной (см. выше).

³¹ См. нашу работу «Панегирическая поэзия: “Гимн Кротости”» [28, с. 151–168].

Михайловича, представление о святости государя никого бы не удивило (См. об этом: Michael Cherniavsky. *Tsar and People. Studies in Russian Myths*. New Haven and London: Yale University Press, 1961, pp. 5–43). Совсем другое дело в XVIII веке. Правда, ореол святости и теперь окружал царя в силу его богоизбранности. Этой официальной святостью обладала даже Екатерина II, которая в своей частной жизни была очень далека от всякой святости. Что же касается Александра I, представление о его святости относилось не только к его сану, но и к его личному поведению — оно было обосновано благочестием, которое он так любил демонстрировать.

Царь стоял теперь на очень высоком пьедестале — на пьедестале личной близости к Богу. Этому в архитектурном плане позднее будет соответствовать Александровская колонна на Дворцовой площади Петербурга. Она, как известно, была воздвигнута по заказу Николая I в 1834 году в честь его старшего брата, победителя над Наполеоном. Наверху этой очень высокой колонны — 47,5 м — стоит ангел, который, как можно предположить, представляет собой образ самого Александра I.

Подведем итоги. Державин-панегирист был обязан своей первой славой оде “Фелица” 1782 года. С тех пор он прошел далекий путь, поскольку содержание этого раннего стихотворения основывалась не на религии, а на разуме и Просвещении. Дело обстоит подобным образом и с его религиозной поэзией. Его знаменитая ода “Бог” 1784 года была попыткой примирить веру с просвещенным разумом (см.: [30]). Этим она резко отличается от оды “Христос”, которая возникла на тридцать лет позже, в 1814 году³². В этой поздней оде разум уже не призван мириться с верой, а должен, напротив, подчиниться ей, причем вера понимается как детская вера. В строфе 22 оды “Христос” мы читаем: Бог дал человеку “...область в чад Его вчиняться, / Младенцев смыслом умудряться / И разум вере покорять” [5, т. 3, с. 149–150].

Экскурс I: Демонизация Наполеона

Изображение Наполеона как воплощения абсолютного — апокалиптического — зла встречается у Державина не только в оде 1814 года на возвращение царя, но и в его “Гимне лироэпическом”, а также у Жуковского в стихотворном послании

³² М.Г. Альтшуллер [12, с. 83] правильно отмечает большое различие между этими одами. См. также нашу работу «Пожилой Державин: ода “Христос”» [28, с. 225–240].

“Императору Александру”³³, где Наполеон называется “страшилищем”, “чудовищем”, “питомцем ужасов, безвластия и брани” [19, с. 366–378], но ни разу по имени: мистический ужас не дает поэту назвать имя Наполеона. То же самое наблюдается в названной выше оде Шихматова 1815 года (об апокалиптической риторике этого времени см.: [31]; [32]).

Такое отношение к Наполеону было чуждо, например, Карамзину. В его оде на возвращение императора ничего не мешает лирическому субъекту часто высказывать имя Наполеона, который представлен здесь не чудовищем, а человеком, хотя и очень плохим — “извергом”, “тираном” и т.д. Карамзина соединяет с Державиным и Жуковским точка зрения верующего христианина. Однако он не разделяет их религиозный иррационализм. Карамзин говорит в своей оде, что нужно примирить веру с разумом; вера должна быть, как увидим ниже, “подругой алтаря”. Эта концепция противоречит не только религиозной мистике, но и антицерковному рационализму французского Просвещения; вспомним известный лозунг Вольтера “*écrasez l’infâme!*” — “раздавите гадину!”. Можно добавить, что этот разум должен быть не абстрактным, а обоснованным на опыте разумом, причем Карамзин-историк, вероятно, имеет в виду исторический опыт. В своей оде он обращается к соотечественникам со следующими словами (строфический перенос подчеркивает идею примирения):

Так все мы тишину встречаем,
Приветствуем душой, ласкаем
Изгнанницу столь многих лет!
Забудем зло, но рассуждая.
Нас опыт к Мудрости ведет:
Из глубины веков блистая,
Как ясная умов заря,
Сия другиня олтаря
К нам ныне руку простирает... [33, с. 307–308]

Хотелось бы думать, что именно это рациональное отношение Карамзина к религии понравилось Марии Федоровне, когда она слушала чтение его стихотворения в Розовом павильоне; ведь она не сочувствовала мистицизму Александра. Однако тот же самый мистицизм, которым проникнута и ода Державина, не мешал ей быть в восторге от стихотворного послания Жуковского. Дело, пожалуй, просто в том, что вдовствующая императрица любила у обоих поэтов-певцов восторженную похвалу “обожаемого ею могущественного, препрославленного сына своего”

³³ Об апокалиптической риторике этого времени см. [31]; о Державине см. [32].

(как писал Ф.Ф. Вигель). Однако она, насколько известно, молчала об оде Державина, который восхваляет Александра не менее страстно, чем Жуковский и Карамзин. Вполне возможно, что виновна тут “новая манера” Державина, трудный для чтения архаизм его стиля.

Экскурс II: Александр “Великий”

Императрица Екатерина II избрала для своего первого внука имя Александр, имея в виду Александра Невского, героя Ледового побоища и святого покровителя Санкт-Петербурга [1, т. 1, с. 1]. Однако после триумфальной победы над Наполеоном напрашивалось сопоставление Александра I и с другим Александром — с Александром Великим. Расширилась перспектива панегиристов: от национальной к мировой истории.

К.Н. Батюшков в письме П.А. Вяземскому от 10 января 1815 года отмечает мимоходом, что “Государь наш <...> конечно выше Александра Македонского” [34, с. 318], причем он, вероятно, имеет в виду, что Александр I превосходит Александра Великого в военном отношении. Державин, напротив, считает, как мы уже видели, что превосходство Александра I над Александром Великим носит нравственный характер — что он не лучший полководец, а лучший человек. Державин при этом находился под влиянием дурной репутации, которой пользовался Александр Великий в европейском Просвещении, — репутации не героя, а бессовестного захватчика и врага человечества³⁴. В России эта репутация выражается впервые, как кажется, в связи с известным соревнованием Ломоносова, Сумарокова и Тредиаковского по переложению оды Ж.Б. Руссо (“Ode à la Fortune”), где в пятой строфе клеймятся три полководца-захватчика: римлянин Сулла, правитель гуннов Атила и Александр Великий; с такими же оценками они фигурируют и в переложениях трех русских авторов (см.: [37, с. 254–256]; [38, с. 21–26]).

Однако не все русские поэты разделяли миролюбие Ж.Б. Руссо. Они продолжали считать Александра Великого славным героем в духе Плутарха, его знаменитого биографа. Так, П.И. Голенищев-Кутузов, поэт и (с 1810 г.) куратор Московского университета, рекомендовал добавлять к “священному имени Александра титул Великий”³⁵.

³⁴ Об Александре Великом в XVIII веке см.: [35]; об истории соответствующих понятий: [36, с. 29–49: “Метаморфоза славы”].

³⁵ См. в воспоминаниях М.П. Третьякова о Московском университете (Русская старина. 1892. Т. 75. С. 111–131, здесь с. 130].

Однако из этого ничего не вышло, и в двух собственных одах Голенищева-Кутузова, написанных в честь императора, этот титул отсутствует³⁶. Может быть, он понял, что Александр I счел бы такой титул несовместимым со своим смирением.

Напомним кстати, что в свое время Екатерина II отвергла предложенный ей титул “великой”³⁷. Впрочем, в панегирической поэзии ее часто так и называли, но не в смысле официального титула. И в оде Державина 1814 года на возвращение царя адресат фигурирует как “великий Александр”, а не как “Александр Великий”.

Не так у Анны Буниной. Ода, которую она написала в 1814 году по поводу возвращения императора, имела следующее заглавие: “Песнь Александру Великому, победителю Наполеона и восстановителю царств”. Этот титул повторяется в строфах 11 и 27, однако в последнем случае с неожиданным, уже не военным или политическим, а религиозным значением:

Блажен! — поют небесны лики, —
Блажен, имевый Божий страх,
Ходящий в праведных путях, —
Блажен, — о! Александр Великий!
Он кроток, и смирен душой!
Вкусивый от земных честей,
Гордыни буйной не упился;
Но духом трезв, желаньем чист,
Он вящше пред Творцем смирился,
И заповедь Его хранит!

Как видим, Бунина, подобно Державину, откликается в своем панегирике на благочестивые идеалы самого императора, выдвигая его смирение перед Богом как главный признак его величия.

И Шихматов принадлежит к тем авторам, которые ассоциируют Александра I с Александром Великим, однако и он поступает при этом весьма своеобразно, обращаясь к императору со следующими словами: “О первый АЛЕКСАНДР Великий!” Как видим, “первым” Александром Великим является здесь не македонский, а русский Александр. Прибегая к остроумному каламбуру, автор превращает нейтральное числительное в похвалу.

³⁶ См.: Голенищев-Кутузов П.И. Ода его императорскому величеству Александру Первому. На покорение столицы Франции... М.: Унив. тип., 1814; Он же. Радостная песнь во славу бессмертных подвигов государя Императора Александра Первого. М.: Унив. тип., 1814.

³⁷ См. написанное Державиным по этому поводу небольшое стихотворение 1767 года: “На поднесение депутатами ея Величеству титула Екатерины Великой” [5, т. 3, с. 188].

В качестве “первого Александра Великого” русский император превосходит своего одноименника. Если для Шихматова вообще существует один герой мировой истории, который сравним с Александром, это не Александр Великий, а Петр I: Александр I восторжествовал в Париже над Наполеоном, Петр I под Полтавой над Карлом XII. Остроумие автора проявляется и в этой связи. Когда Александр возвращается в строфе 29 из Парижа в свою столицу, Медный всадник на Сенатской площади оживляется, едет ему навстречу и приветствует его как равного ему предшественника:

Сам Петр — ушедший судьбою
Тебя преемником иметь —
Стремится сретиться с Тобю;
Я вижу — оживилась медь,
По камню конь звенит копытом,
И Всадник зыблется на нем
Сверкая из очей огнем. —
Герой в потомке знаменитом
Объемлет равного себе,
И дел Твоих восторжен слухом
В России ликовствует духом. —
Петр жив! — Он дышит весь в Тебе.

Жуковский в своем послании также называет Александра “великим”, только с той разницей, что Александр Македонский тут ни при чем. В первых двух стихах он обращается к адресату со следующими словами: “Когда летящие отсюда шумны клики, / В один сливаясь глас, Тебя зовут: Великий!”. Однако в дальнейшем оказывается, что это величие имеет здесь не традиционное, то есть военное или политическое, а религиозное значение. Ведь дело тут не в триумфальной победе Александра, а в человеколюбии, которое он проявил к побежденным французам. Это подчеркивается с помощью резкого контраста. Над завоеванным Парижем парит грозный “орел Москвы и мщенья”, однако вместо ожидаемых ужасов выступает теперь лирический субъект с пафосным объявлением: “Тогда, внезапного исполнен изумленья, / Узрел величие невиданное свет”. Это “невиданное величие” состоит в том, что Александр вступает в Париж не грозным завоевателем, а смиренным другом человечества, так что страх парижан оказывается беспредметным, превращаясь в благодарную радость:

О Русская земля! спасителем грядет
Твой Царь к низринувшим Царей Твоих столицу;
Он распростер на них пощады багряницу;
И мирно, славу скрыв, без блеска, без громов,
По стогнам радостным ряды Его полков
Идут — и тишина вослед им прилетает...
Хвала! хвала, наш Царь! стыдливо отклоняет
Рука Твоя побед торжественный венец!

Вопрос о человеческом величии занимает наконец не только Жуковского, но и Карамзина в его оде “Освобождение Европы и слава Александра I”. Александр Македонский отсутствует и здесь. Исполненный радостным восторгом, здесь поэт задает риторический вопрос, который нам в принципе уже известен из оды Шихматова (какого человека мировой истории можно называть великим): “Кому гремят вселенной лики: / Без лести, в искренних хвалах / Дают название Великий?”. У Карамзина это, конечно, Александр I. Что именно писатель имел при этом в виду, ясно из строфы 38, где речь идет об истинной славе, истинном величии. И здесь оказывается, что величие и слава Александра основаны не на военных или политических, а на религиозных основаниях:

Вещайте, летописи Славы!
Каких веков, какой державы
Монарх столь блага совершил?
Ищу... Закройтесь, нет примера!
К величию подвигнут был
Он вами, Добродетель, Вера!
На Бога твердо уповал
И выше всех героев стал.

Как мы уже знаем, представления русских авторов об истинном величии и истинной славе восходили к роману Фенелона и оде Ж.Б. Руссо, где военная слава отвергается во имя миролюбия. Во второй половине XVIII века истинная слава обосновывалась благотворительностью или культурой³⁸. О последнем типе славы речь идет, например, в “Письмах русского путешественника” Карамзина, где ложной славе завоевателей противопоставляется не только истинная слава миролюбивого прусского короля Фридриха Вильгельма I³⁹, но и знаменитого тогда швейцарского поэта, автора идиллий Саломона Гесснера⁴⁰.

На этом фоне выделяется новизна написанных в 1814 году панегирических стихотворений Державина, Жуковского, Буниной и Карамзина. “Истинное величие” и “истинная слава” обоснованы здесь уже не профанным, как раньше, а религиозным образом — имеются в виду христианские добродетели смирения, любви к ближнему и веры

³⁸ См. об этом в нашей работе: “Похвала властителю: панегирическая поэзия и русский абсолютизм” [28, с. 265–302].

³⁹ Карамзин не учитывает, что Фридрих Вильгельм I был известен как “солдатский король”, который, правда, мало воевал, но зато создал прусскую армию, которой потом так успешно пользовался его сын Фридрих II (“Великий”).

⁴⁰ См. об этом в нашей работе: «Дерзкий “Monsieur K*”: о “Письмах русского путешественника” Карамзина» [28, с.55–78, здесь с. 72–73].

в Божий Промысл. После просвещенной эпохи Екатерины II царствует теперь дух официальной религии, главным представителем которого становится “великий” Александр I.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Шильдер Н.К.* Император Александр Первый, его жизнь и царствование. Т. 1–4. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1897–1898.
2. *Massie S. Pavlovsk. The Life of a Russian Palace.* Boston; Toronto; London: Little, Brown and Company, 1990. XX, 394 p.
3. *Wortman R.S.* Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Princeton / NJ: Princeton University Press, 1995. Bd. 1.
4. *Holtz B.* Der “Retter Europas” und sein ruhmreicher Empfang in Russland im Jahr 1814 // *Herrscherlob und Herrscherkritik in den slawischen Literaturen. Festschrift für Ulrike Jekutsch zum 60. Geburtstag.* Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2013. S. 109–125.
5. *Державин Г.Р.* Сочинения / С объяснительными примеч. Я.К. Грота. 2-е академическое издание. Т. 1–7. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1868–1878.
6. *Морозова Н.П.* 1814-й год в жизни Державина // *Державинские чтения.* Сб. 10. СПб.: Дорн, 2015. С. 144–183.
7. *Флоровский Г.* Пути русского богословия. 3-е изд. Paris: YMCA-Press, 1983.
8. *Rey M.-P.* Alexandre Ier. Paris: Flammarion, 2009. 593 p.
9. *Пытин А.Н.* Религиозные движения при Александре I. Пг., 1916. X, 483 с.
10. *Martin, Alexander M.* Romantics, Reformers, Reactionaries. Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I. Dekalb / IL: Northern Illinois University Press, 1997. 304 p.
11. *Зорин А.Л.* Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: НЛЮ, 2001. 416 с.
12. *Альтишуллер М.Г.* Беседа любителей русского слова. У истоков русского славянофильства. М.: НЛЮ, 2007. 444 с.
13. *Клейн И.* Русская литература в XVIII веке. М.: Индрик, 2010. 440 с.
14. *Der Briefwechsel zwischen Aleksandr I. Turgenev und Vasilij A. Žukovskij 1802–1829 / Hrsg. von Holger Siegel.* Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2012.
15. *Майофис М.Л.* Воззрение к Европе: литературное общество “Арзамас” и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М.: НЛЮ, 2008. 800 с.
16. *Грот Я.К.* [1883]. Жизнь Державина. М.: Алгоритм, 1997. 685 с.
17. *Клейн И.* Державин и Тильзитский мир // XVIII век. Сб. 31. СПб., 2022 (в печати).
18. *Коровин В.Л.* Державин и 1812 год: о смысле и композиции “Гимна лироэпического на прогнание французов из отечества” // *Известия РАН. Серия литературы и языка.* 2012. Т. 71. № 6. С. 42–52.
19. *Жуковский В.А.* Полн. собр. сочинений и писем: В 20 т. Т. 1: Стихотворения 1797–1814 годов. М.: Языки русской культуры, 1999. 760 с.
20. *Коровин В.Л.* Как старик Державин лиру передавал: о “младых певцах” и “юном царе” в “Гимне лироэпическом” // *Новгородский державинский сборник (к 200-летию со дня смерти поэта).* Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2016. С. 84–87.
21. *Погодин М.П.* Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников: [В 2 т.]. М.: Тип. А.И. Мамонтова. 1866. Т. 1. 398 с.
22. *Морозова Н.П.* 1813-й год в жизни Державина // *Державинские чтения.* Т. 9. СПб.: Дорн, 2014. С. 110–143.
23. *Морозова Н.П.* 1815-й год в жизни Державина // *Державинские чтения.* Т. 11. СПб.: Дорн, 2016. С. 72–105.
24. *Шильдер Н.К.* Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. М.: Алгоритм, 1997. Т. 1.
25. *Ломоносов М.В.* Полн. собр. сочинений: [В 11 т.]. Т. 8: Поэзия, ораторская проза, надписи, 1732–1764. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 1280 с.
26. *Kotchetkova N.* Karamzin entre gallomanes et gallophobes // *Nikolaï Karamzin en France. L'image de la France dans les “Lettres d'un voyageur russe”.* Paris: Institut d'études slaves, 2014. P. 207–218.
27. *Klein J.* Karamzin, un Européen russe en France // *Nikolaï Karamzin en France. L'image de la France dans les “Lettres d'un voyageur russe”.* Paris: Institut d'études slaves, 2014. P. 202–206.
28. *Клейн И.* При Екатерине. Труды по русской литературе XVIII века. М.: Издательский дом ЯСК, 2021. 462 с.
29. *Успенский Б.А., Живов В.М.* Царь и Бог (Семиотические аспекты сакрализации монарха в России) // *Успенский Б.А. Избр. труды: [В 2 т.]. Изд. 2-е, испр. и перераб. М.: Школа “Языки русской культуры”.* 1996. Т. 1. С. 205–337.
30. *Клейн И.* Религия и Просвещение: Ода Державина “Бог” // *Клейн И. Пути культурного импорта. Труды по русской литературе XVIII века. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 489–497.*
31. *Гаспаров Б.М.* Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. Wien: Gesellschaft zur Förderung Slawistischer Studien, 1992.

32. Ларкович Д.В. Миф о Наполеоне-антихристе в поэтической рецепции Державина // “И вечной памятью двенадцатого года...”: Материалы Всерос. науч. конференции, посв. 200-летию Отечественной войны 1812 года. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2013. С. 43–54.
33. Карамзин Н.М. Полн. собр. стихотворений / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Ю.М. Лотмана. М.; Л.: Сов. писатель, 1966.
34. Батюшков К.Н. Сочинения: В 2 т. М.: Худож. лит., 1989.
35. Briant, Pierre. Alexandre: “Héros” des Lumières // Héroïsme et Lumières. Paris: Éditions Champion, 2010. P. 105–115.
36. Bonnet, Jean-Claude. Naissance du Panthéon. Essay sur le culte des grands hommes. Paris: Fayard, 1998. 414 p.
37. Гуковский Г.А. К вопросу о русском классицизме: (Состязания и переводы) [1928] // Гуковский Г.А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 251–276.
38. Основам К.А. Государственная словесность: Ломоносов, Сумароков и литературная политика И.И. Шувалова в конце 1750-х гг. // Европа в России: Сб. статей. М.: НЛЮ, 2010. С. 6–65.
9. Pypin, A.N. *Religioznye dvizheniya pri Alexandre I* [Religious Movements under Alexander I]. Petrograd, 1916. X, 483 p. (In Russ.)
10. Martin, Alexander M. *Romantics, Reformers, Reactionaries. Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I*. Northern Illinois University Press, 1997. 304 p.
11. Zorin, A.L. *Kormya dvuglavogo orla...* [Feeding the Double-Headed Eagle... Literature and State Ideology in Russia in the Last Third of the 18th – First Third of the 19th Century]. Moscow, 2001. 416 p. (In Russ.)
12. Altshuller, M.G. *Beseda lyubitelej russkogo slova...* [Conversation of Lovers of the Russian Word. At the Origins of Russian Slavophilism]. Moscow, 2007. 444 p. (In Russ.)
13. Klein, J. *Russkaya literatura v XVIII veke* [Russian Literature in the 18th Century]. Moscow, 2010. 440 p. (In Russ.)
14. Siegel, Holger (Hg.). *Der Briefwechsel zwischen Aleksandr I. Turgenev und Vasilij A. Žukovskij 1802–1829*. Köln, Weimar, Wien, Böhlau Verlag, 2012. (In Germ., in Russ.)
15. Mayofis, M.L. *Vozzvaniye k Yevrope...* [View of Europe: The Literary Society “Arzamas” and the Russian Modernization Project of 1815–1818]. Moscow, 2008. 800 p. (In Russ.)
16. Grot, Ya.K. *Zhizn Derzhavina* [Derzhavin’s Life]. Moscow, 1997. 685 p. (In Russ.)
17. Klein, J. *Derzhavin i Tilzitskij mir* [Derzhavin and the Tilsit Peace Treaty]. *XVIII vek* [The 18th Century]. Collection 31. St. Petersburg, 2022 (in print). (In Russ.)
18. Korovin, V.L. *Derzhavin i 1812 god: o smysle o kompozitsii “Gimna lyroepicheskogo na prognaniye frantsuzov iz otechestva”* [Derzhavin and Year 1812: The Imagery and Composition of “A Hymn, Lyric-and-Epic, on Making the French Retreat From <Our> Fatherland”]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2012, Vol. 71, No. 6, pp. 42–52. (In Russ.)
19. Zhukovsky, V.A. *Polnoye sobraniye sochinenij i pisem v 20 t.* [Complete Works and Letters in 20 Vols.]. Vol. 1: Poems of 1797–1814. Moscow, 1999. 760 p. (In Russ.)
20. Korovin, V.L. *Kak starik Derzhavin liru peredaval (o “mladykh pevtsakh” i “yunom tsare” v “Gimne lyroepicheskom”)* [As Derzhavin Passed the Lyre: (about “Youthful Singers” and “Young King” in “The Anthem Lyroepics”)]. *Novgorodskiy Derzhavinskiy sbornik* [Novgorod Derzhavinsky Collection (to the 200th Anniversary of the Poet’s Death)]. Velikiy Novgorod, 2016, pp. 84–97. (In Russ.)

REFERENCES

1. Shilder, N.K. *Imperator Alexandr Pervyj, jego zhizn i tsarsrvovaniye* [Emperor Alexander the First, His Life and Reign]. St. Petersburg, 1897–1898, Vol. 1–4. (In Russ.)
2. Massie, Suzanne. *Pavlovsk. The Life of a Russian Palace*. Boston, Toronto, London, 1990. XX, 394 p.
3. Wortman, Richard S. *Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy*. Princeton University Press. 1995. Bd. 1.
4. Holtz, Britta. Der “Retter Europas” und sein ruhmreicher Empfang in Russland im Jahr 1814. In: *Herrscherlob und Herrscher-kritik in den slawischen Literaturen. Festschrift für Ulrike Jekutsch zum 60. Geburtstag*. Wiesbaden, 2013, S. 109–125. (In Germ.)
5. Derzhavin, G.R. *Sochineniya* [Works with Explanatory Notes by Ya.K. Groth. 2nd Academic Edition]. Vol. 1–7. 1868–1878. (In Russ.)
6. Morozova, N.P. *1814-j god v zhizni Derzhavina* [The 1814th Year in Derzhavin’s Life]. *Derzhavinskiye chteniya* [Derzhavin Readings]. Coll. 10. St. Petersburg, 2015, pp. 144–183. (In Russ.)
7. Florovsky, G. *Puti russkogo bogosloviya* [The Ways of Russian Theology]. 3rd Ed. Paris, 1983. (In Russ.)
8. Rey, Marie-Pierre. *Alexandre Ier*. Paris, 2009. 593 p. (In French)

21. Pogodin, M.P. *Nikolai Mikhailovich Karamzin po yego sochineniyam, pismam i otzyvam sovremennikov* [Nikolai Mikhailovich Karamzin According to His Writings, Letters and Reviews of Contemporaries]. Moscow, 1866, Vol. 1. (In Russ.)
22. Morozova, N.P. *1813-j god v zhizni Derzhavina* [The 1813th year in Derzhavin's Life]. *Derzhavinskiye chteniya* [Derzhavin Readings]. Coll. 9. St. Petersburg, 2014, pp. 110–143. (In Russ.)
23. Morozova, N.P. *1815-j god v zhizni Derzhavina* [The 1815th year in Derzhavin's Life]. *Derzhavinskiye chteniya* [Derzhavin Readings]. Coll. 11. St. Petersburg, Dorn Publ., 2016, pp. 72–105 (In Russ.)
24. Shilder, N.K. *Imperator Nikolaj Pervyj, jeho zhizn i tsarsrvovaniye* [Emperor Nicolas the First, His Life and Reign]. Moscow, 1997, Vol. 1. (In Russ.)
25. Lomonosov, M.V. *Polnoye sobraniye sochinenij v 11 t. T. 8* [Complete Works in 11 Vols. Vol. 8]. Moscow, Leningrad, 1959. 1280 p. (In Russ.)
26. Kotchetkova, N. Karamzin entre gallomanes et gallophobes. *Nikolai Karamzin en France. L'image de la France dans les "Lettres d'un voyageur russe"*. Paris, 2014, pp. 207–218. (In French)
27. Klein, J. Karamzin, un Européen russe en France *Nikolai Karamzin en France. L'image de la France dans les "Lettres d'un voyageur russe"*. Paris, 2014, pp. 202–206. (In French).
28. Klein, J. *Pri Yekaterine. Trudy po russkoj literature XVIII veka* [Under Catherine. Works on Russian Literature of the 18th Century]. Moscow, 2021. 462 p. (In Russ.)
29. Uspensky B.A., Zhivov V.M. *Tsar' i Bog* [The Tsar and God (Semiotic Aspects of the Sacralisation of the Monarch in Russia)]. Uspensky, B.A. *Izbrannye trudy v 2 t.* [Selected Works in 2 Vols.]. 2nd ed., Reworked. Moscow, 1996, Vol. 1, pp. 205–337. (In Russ.)
30. Klein, J. *Religiya i Prosvescheniye: Oda Derzhavina "Bog"* [Religion and Enlightenment: Derzhavin's Ode "God"]. Klein, J. *Puti kulturnogo importa...* [Ways of Cultural Import. Works on Russian Literature of the 18th Century]. Moscow, 2005. pp. 489–497. (In Russ.)
31. Gasparov, B.M. *Poeticheskij yazyk Pushkina kak fakt russkogo literaturnogo yazyka* [Pushkin's Poetic Language as a Fact of the History of the Russian Literary Language]. Wien, 1992. (In Russ.)
32. Larkovich, D.V. *Myth o Napoleone-antikhriste v poeticheskoy retsepsii Derzhavina* [The Myth of Napoleon the Antichrist in the Poetic Reception of Derzhavin]. "I vechnij pamatyu dvenaditsatogo goda..." ["And the Eternal Memory of the Twelfth Year...": Materials of the All-Russian Scientific Conference Dedicated to the 200th Anniversary of the Patriotic War of 1812]. Yekaterinburg, 2013, pp. 43–54. (In Russ.)
33. Karamzin, N.M. *Polnoye sobraniye stikhotvirinij* [Complete Verses]. Moscow, Leningrad, 1966. (In Russ.)
34. Batyushkov, K.N. *Sochineniya v 2 t.* [Works in 2 Vols]. Moscow. 1989 (In Russ.)
35. Briant, Pierre. Alexandre: "Héros" des Lumières. In: *Héroïsme et Lumières*. Paris, 2010, pp. 105–115. (In French)
36. Bonnet, Jean-Claude. Naissance du Panthéon. Essay sur le culte des grands hommes. Paris, 1998. (In French)
37. Gukovsky, G.A. *K voprosu o russkom klassicizme (sostyazaniya i perevody)* [Russian Classicism Revisited (Competitions and Translations)]. Gukovsky, G.A. *Rannie raboty po istorii russkoj poezii XVIII veka* [Early Works on the History of Russian Poetry of the 18th Century]. Moscow, 2001, pp. 251–276. (In Russ.)
38. Ospovat, K.A. *Gosudarstvennaya slovesnost: Lomonosov, Sumarokov i literatutnaya politika I.I. Shuvalova v kontse 1750-kh gg.* [State Literature: Lomonosov, Sumarokov and I.I. Shuvalov's Literary Policy at the End of the 1750s]. *Yevropa v Russii* [Europe in Russia: Collection of Articles]. Moscow, 2010, pp. 6–65. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 21 марта 2022 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 20 мая 2022 г.

Статья принята к публикации: 29 июня 2022 г.

Дата публикации: 31 августа 2022 г.

Received by Editor on March 21, 2022

Revised on May 20, 2022

Accepted on June 29, 2022

Date of publication: August 31, 2022

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800021453-4

“Шпага кавалера”, “Победитель” и “Актер”: единство и преемственность трех пьес М. Е. Лёвберг

© 2022 г. В. Б. Зусева-Озкан

Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
v.zuseva.ozkan@gmail.com

Резюме. В статье вводятся в научный оборот неопубликованные пьесы Марии Евгеньевны Лёвберг (1892–1934) “Победитель” и “Актер” (1926). Высказывается гипотеза о датировке “Победителя” (ок. 1914–1915) при сопоставлении этого “драматического этюда” с опубликованным “драматическим presto” Лёвберг “Камни Смерти” (1915). Выявляются общие для “Победителя” и “Актера”, а также для опубликованной драмы Лёвберг “Шпага кавалера” (1916) сюжетно-мотивный комплекс и система образов. Во всех трех случаях разыгрывается сюжет о том, как роль и маска “прирастают” к лицу их носителя, причем в позднейшей пьесе “Актер” все тяжелое, сложное и трагическое, связанное с таким сюжетом, оказывается “снятым” благодаря автоматарефлексии. Во всех трех пьесах к центральному герою, представленному типом молодого человека “из народа”, остроумного авантюриста, жадного до жизни и успеха, но не лишенного благородных порывов, прикреплены мотивы избытка сил, жизнелюбия, влечения одновременно к великому и простому, высокому и “низменному”, а также мотивы удачливости, “избранничества”. Постоянен также мотив любви к “необыкновенному человеку”, которую испытывают по отношению к этим героям женские персонажи трех пьес. Благодаря автоматарефлексивному слою пьесы “Актер”, содержащемуся в ней панегирику театру и актерскому мастерству, включая древний тоpos “утешения искусством”, развитие ее конфликта завершается не двусмысленно, как в “Шпаге кавалера”, и не трагически, как в “Победителе”, а в комическом, разрешающем жизненные противоречия ключе.

Ключевые слова: М.Е. Лёвберг, драматургия, мотивно-сюжетный комплекс, мотив “приросшей” маски, автоматарефлексия.

Для цитирования: Зусева-Озкан В.Б. “Шпага кавалера”, “Победитель” и “Актер”: единство и преемственность трех пьес М.Е. Лёвберг // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 4. С. 21–32. DOI: 10.31857/S160578800021453-4

“Chevalier’s Epee”, “Victor” and “Actor”: Unity and Continuity of the Three Plays by M. E. Levberg

© 2022 Veronika B. Zuseva-Özkan

Doct. Sci. (Philol.),
Leading Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
v.zuseva.ozkan@gmail.com

Abstract. The article introduces the unpublished plays by Maria Evgenievna Levberg (1892–1934) “Victor” and “Actor” (1926). A hypothesis is put forward about the dating of the “Victor” (c. 1914–1915), based on comparison of this “dramatic study” with the published “dramatic presto” by Levberg “Stones of Death”

(1915). The plot and motif complex and the system of images, which are common for “Victor” and “Actor”, as well as for the published drama by Levberg “Chevalier’s Epee” (1916), are revealed. In all three cases, the plot may be reduced to the formula of the role and mask becoming the “true” face of their wearer; in the later play “Actor” everything that is “heavy”, “ambivalent” and “tragic” associated with such a plot turns out to be “removed” on the metalevel. In all three plays, the central character, represented by the type of a young man “of the people”, a witty adventurer, greedy for life and success, but not devoid of noble impulses, is charged with the motifs of excess strength, love of life, attraction at the same time to the great and simple, high and “low”, as well as the motifs of luck, of being “the chosen one”. The motif of love for the “extraordinary man”, which the female characters of three plays feel towards these heroes, is also constant. Due to the self-reflexive layer of the play “Actor” and the panegyric of the theater which it contains (including the ancient topos of “consolation by art”), the development of the play’s conflict ends not ambiguously, as in “Chevalier’s Epee”, and not tragically, as in “Victor”, but in a comical way that resolves life’s contradictions.

Key words: M.E. Levberg, theatre, plot and motif complex, motif of the fake identity becoming true, self-reflection of art.

For citation: Zuseva-Özkan, V.B. “Shpaga kavalera”, “Pobeditel” i “Akter”: edinstvo i preemstvennost’ treh pjes M.E. Ljovberg [“Chevalier’s Epee”, “Victor” and “Actor”: Unity and Continuity of the Three Plays by M.E. Levberg]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 4, pp. 21–32. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800021453-4

Мария Евгеньевна Лёвберг (1892–1934) — поэт, прозаик и драматург, чье творчество до настоящего времени остается мало исследованным, а драматургическое наследие, за исключением двух ранних пьес, никогда не публиковалось, хотя драмы ее (как и стихи) заслужили положительные отзывы целого ряда крупнейших писателей Серебряного века. О постановке ее пьес хлопотали А.А. Блок (благодаря усилиям которого на сцене БДТ в 1919 г. была поставлена пьеса Лёвберг “Дантон” [1]), А.М. Ремизов¹, А.М. Горький, Е.И. Замятин², рекомендовавшие ее режиссерам и известным актерам (в частности, А.И. Южину-Сумбатову [3, с. 249], К.С. Станиславскому [4, с. 8], Н.Ф. Монахову [4, с. 20–21], Г.Е. Ионину [5, с. 8–9]), но безуспешно. Как писала Мария Евгеньевна в письме Горькому от 7 мая 1927 г., «вся история моих театральных мытарств слишком длинна, чтобы письменно излагать ее Вам. Я предлагала “Актера” десяти театрам, ни больше, ни меньше. Хвалили — с вариациями — все. И — ни с места» [6, с. 535]; в письме от 3 октября 1928 г.: “Относительно пьесы продолжаю хлопотать. Все хвалят, а не берет никто. Лучше бы ругали!” [6, с. 538]; в письме от 7 марта 1929 г.: «С “Монтаной”, по-видимому, ничего не выйдет. Читают, хвалят и не берут» [6, с. 539].

Предлагаемая статья ставит целью ввести в научный оборот три пьесы М.Е. Лёвберг, которые

связаны целой сетью мотивов и трактуют схожие идеи и образы, но под разными углами зрения и в ассоциации с различными темами. Кроме того, мы попытаемся выдвинуть гипотезу о датировке одной из этих пьес, которая не упоминается ни в одном из сохранившихся документов, но при этом содержится в Архиве А.М. Горького ИМЛИ РАН (в виде машинописи) под фамилией Лёвберг и авторство которой действительно подтверждается стилем, сходством мотивов, типажей, образов. Эти три пьесы таковы: “Шпага кавалера” (опубликована в 1916 г. в журнале “Северные записки”), “Победитель” (не датирована, хранится в Архиве А.М. Горького ИМЛИ РАН), “Актер” (1926, хранится там же).

По нашему мнению, “Победитель” относится к самым ранним годам творчества Лёвберг и представляет собой “пару” к ее первой опубликованной пьесе “Камни Смерти” (1915) [7]. Во-первых, обе пьесы гораздо короче, чем все остальные; вообще, надо сказать, что по мере движения времени Лёвберг писала всё более и более длинные драмы. Во-вторых, их сближает некая “этюдность”, “пробность”, которая выражается, в частности, в жанровых именовании: “Камни Смерти” названы “драматическим престом”, “Победитель” — “драматическим этюдом”. В-третьих, действие этих двух пьес происходит в Италии, в весьма условном Ренессансе, тогда как во всех остальных пьесах Лёвберг действие разворачивается во Франции (кроме самой поздней “Монтаны”, где речь об Америке) и с гораздо более точным приурочиванием к исторической действительности. В-четвертых, в обеих

¹ См. хвалебные рецензии А.М. Ремизова на пьесы М.Е. Лёвберг “Камни Смерти”, “Шпага кавалера”, “Дантон” [2].

² См. записку М.Е. Лёвберг Е.И. Замятину: ОР ИМЛИ. Ф. 47. Оп. 3. Ед. хр. 116.

этих ранних пьесах можно выявить пушкинские претексты: в “Камнях Смерти” это “Египетские ночи”, в “Победителе” — “Пир во время чумы”, где вместо последней — осада Каррары, которая кажется вполне безнадежной для осажденных. Таким образом, “Победитель”, скорее всего, написан в промежутке с 1914 по 1916 год. Видимо, Лёвберг не удалось вовремя продвинуть его в печать, а в документах, например, в писательских анкетах, она упоминала либо опубликованные пьесы и поставленного на сцене “Дантона”, либо же пьесы, которые надеялась опубликовать / увидеть поставленными в театре (как в переписке с Горьким, который всячески ей в этом помогал в 1920-х годах), “Победитель” же настолько явно принадлежал дореволюционной эпохе, что не имел на это никаких шансов. Отсюда и молчание по его поводу.

Итак, по-видимому, речь идет о двух ранних пьесах и одной довольно поздней, которые разделены примерно десятилетием. Примечательно, что неоромантический и несколько даже “ювелирный”³, по выражению Горького, стиль Лёвберг к моменту написания “Актера” не только не потускнел, но, напротив, был заострен самим фактом того, что эта пьеса написана в стихах, в отличие от прозаических “Шпаги кавалера” и “Победителя” — да и, собственно, всех остальных известных нам ее драм: как показал С. Карлински, стихотворная форма представляет собой один из основных признаков русской неоромантической драмы [8, с. 17] (наряду с отнесением действия к прошлому и к иным странам, нежели Россия, — у Лёвберг, кстати, выполняются все три эти условия). Более того, это пьеса, как мы покажем далее, авторефлексивная и поэтологическая: используя те же мотивы и образы, что и первые две, она связывает их с театральной темой.

Осуществляя сравнительный анализ трех пьес, начнем с образа главного героя. Во всех трех случаях перед читателем и зрителем возникает обаятельная фигура совсем молодого человека “из народа”, т.е. не из благородного сословия, остроумного авантюриста, жадного до жизни и успеха, но не лишенного благородных порывов. В “Шпаге кавалера” это клерк Этьен-Мари Бартель (учитывая “предреволюционную” атмосферу пьесы, действие которой происходит незадолго до Великой французской революции, этот выбор

“профессии” героя многозначителен — именно из юристов, представителей “третьего сословия”, вышли значительнейшие деятели революции, в частности Дантон и Робеспьер), в “Победителе” — найденный Галеаццо, воспитанный хитрым стариком, который добывает себе пропитание как “колдун”, в “Актере” — не кончивший курса юридических наук и подавшийся в актеры вслед за своим дядей и воспитателем Жак. Кстати, читателю двух последних пьес сразу становится ясно, что отношения Жака и старого актера Полинэ “дублируют” отношения Галеаццо и его приемного отца Джорти, хотя первые описаны “душевнее”, с мягким юмором, отсутствующим в ученическом еще “Победителе” с его мрачной, чуть ли не “готической” атмосферой: задумчивое начинает проступать в облике Джорти лишь к финалу, когда становится ясна его любовь к своему воспитаннику, тогда как сначала он кажется персонажем явно отрицательным.

Все три молодых героя пытаются “продвинуть” свои позиции в обществе, притворяясь кем-то более высокопоставленным, играя чужую роль (в “Актере” — в двух смыслах, о чем мы скажем далее), причем, во-первых, используют для своего продвижения отношения с женщинами, а во-вторых — и это принципиально важно, — *настолько “входят” в свою роль, что маска как бы прирастает к лицу*. Этьен-Мари в “Шпаге кавалера” использует время карнавала, чтобы в костюме черта пробраться в дом маркиза де Верзака и изменить свою судьбу. Он ухитряется понравиться всем — самому маркизу, одному из умнейших людей Парижа, последователю энциклопедистов, его жене маркизе де Верзак, чьим любовником он становится (причем ее супруг об этом знает, но, любя жену, оказывается не способен испытать вражду к Этьену-Мари), и даже отцу маркизы герцогу Валлеруа, маршалу Франции и одному из столпов королевского двора, который по просьбе дочери дает ему титул кавалера. В пьесе отчетливо звучит классовая тема — Этьен-Мари и презирает аристократов, и хочет стать одним из них; и выступает как враг “старого режима”, и восторженно вступает в круг избранных: “Вот как живут аристократы!.. <...> Мне кажется, что этот вечер должен что-то изменить в моей судьбе. Но что, что мне сделать для этого? Как мало у меня средств для борьбы! Если бы у меня была шпага, я мог бы вызвать кого-нибудь на дуэль, а потом подружиться с соперником. Я не украду денег моего нотариуса. Моя книжка не доставит мне славы — да и стоит мне подписаться под нею, и я попаду в Бастилию” [9, с. 59].

³ Этот эпитет, взятый в кавычки как характеристика, данная адресатом, встречается в письме Лёвберг Горькому от 9 июня 1928 г.: «Еду к Вам <...> с новой пьесой, какой еще не знаю, т.е. только что кончила, но во всяком случае не “ювелирной» [6, с. 536].

Этьен-Мари покоряет окружающих своей пылкостью и силой своего остроумия. Так, маркиз говорит после разговора с маскированным Чертом: "...ваш голос звучит молодо, ваше появление дерзко, а слова — удачно подобраны. Будьте моим гостем, господин черт. Для умных людей широко открыты двери моего дома" [9, с. 61]. Но, когда Этьен-Мари раскрывает свое инкогнито, маркиз начинает говорить с ним холодно: "Черт *(после некоторого колебания сбрасывает маску. Зловещий костюм странно оттеняет бледное молодое лицо. Блестящие глаза опущены и губы слегка дрожат)*. Мне двадцать три года, господин маркиз. Мое имя Этьен-Мари Бартель, я третий клерк нотариуса Серандона. *(Поднимает глаза. У маркиза снова холодное лицо)*" [9, с. 71]. И лишь признание Этьена-Мари в том, что он написал книгу "Разумный символ веры атеиста", которая так нравится маркизу, исправляет положение. Схожая ситуация повторяется с маркизой:

Маркиза *(задумчиво)*. Как жаль, что ваше имя просто Этьен-Мари Бартель...

Этьен *(весело)*. И что я не ношу шпаги? О, госпожа, она у меня есть!

Маркиза. Да?

Этьен. Ее клинок — талант, ножны — хитрость, а эфес — остроумие. Моя шпага — разум! [9, с. 71].

Этьену-Мари вновь и вновь приходится доказывать надменным аристократам, что он достоин находиться в их обществе. Его личные достоинства действительно велики, но по мере чтения обнаруживается, что не одни лишь остроумие и смелость составляют его примечательные черты. Он еще и *arriviste*, напоминающий бальзаковского Растиньяка. Не вполне понятно, сколько в его восхищении и преданности маркизу правды, — как и в его любви к маркизе Генриэтте. Когда Этьен "меняет" свою шпагу остроумия на шпагу кавалера, между ним и маркизом де Верзаком происходит следующий диалог:

Этьен. Я радуюсь моей шпаге кавалера только потому, что она откроет мне все дороги.

Маркиз *(пристально смотря на него)*. Мне кажется, что вы способны на большие обманы, Этьен [9, с. 76].

Узнав об измене жены с Этьеном, маркиз задается вопросами: "Чего я мог ждать от кавалера-клерка? От дерзкого черта, остроумием покоряющего сердца? Диктуя ему свои мемуары, я раскрыл ему лучшую часть самого себя. Он воспользуется моими мыслями так же легко, как уроками фехтованья и танцев. А моя привязанность? На что она юноше, мечтающему завоевать жизнь?.. Тишина моего кабинета пугает всех, кто хочет

счастья. Но голос его дрожал, когда он спросил, люблю ли я его. Что говорило в нем? Раскаянье, стыд или благодарность?.." [9, с. 79]. Лёвберг изображает своего героя так, будто он действительно испытывает всю эту гамму чувств — он и любит маркизу, и испытывает восхищение перед маркизом, и стыдится своего прежнего положения, и гордится им — тем более велика его победа над собственной судьбой, тем более значителен его взлет.

Сам Этьен задается вопросами о мотивах собственных поступков: "Этьен *(один)*. Но я в самом деле люблю ее... <...> Как мне идет этот изящный фрак! *(Кладет руку на эфес.)* Маркиза любит вас, кавалер! *(Улыбаясь, отходит к авансцене.)* Но как давно я не был один. Как давно я о себе не думал. Несколько часов тому назад я готов был умереть за лишнюю минуту блаженства. Ни одна мысль не спугнула тогда моего волнения. Счастье я чувствовал тогда! Сейчас я спокоен. Рассудок сильнее, чем пьяный восторг торжества. Судьба за меня ставит ставки, но я выигрываю их своими силами?" [9, с. 85]. Думая о том, почему он бросил перчатку в лицо графа де Мариньи, прежнего любовника маркизы (о котором маркиз знал и с которым поддерживал внешне ровные отношения), Этьен-Мари спрашивает себя: "Благодарность ли, нерасчетливая ли вспышка гнева заставила меня бросить перчатку в лицо этого гордого офицера? Но не было ли тут... *(Страстно.)* Нет, клянусь, здесь не было расчета!.. <...> Пять дней тому назад я, смеясь и надеясь, отдал последние деньги за маскарадный костюм. Теперь все будущее в моей власти!.. Мне двадцать три года. Я люблю, я любим! Капитан королевской гвардии принял мой вызов! Один из умнейших людей Парижа поверяет мне свои мысли. Маршал Франции пригласил меня на обед. *(С счастливой улыбкой закрывает лицо руками. Потом, когда он снова подымает голову, лицо его почти торжественно серьезно.)* Но сам с собой я не лукавлю. Себе я не изменю. Во мне достаточно сил, чтобы любить и смеяться. Мой изящный костюм, сапфир в эфесе шпаги, фехтованье и танцы, весь блеск моей новой жизни — не отнимут от меня ни одной мысли. Уму своему я обязан торжеством. И кавалер де Сент-Арнэ не забудет, что Этьен Бартель завещал ему иную шпагу. <...> Пусть великий Вольтер бросает смелые вызовы из-за крепких стен далекого Фернейского замка. В Париже будет жить Этьен де Сент-Арнэ. Перед собой и родиной я буду честен. Моим должен стать Париж, но я взамен готов отдать Франции счастье и жизнь!.." [9, с. 85–86].

Финальные слова пьесы принадлежат маркизу де Верзаку, который, любя Этьена, всё же говорит ему:

К вам щедры люди, господин удачник! Вы им нравитесь. Они вам нужны. Уже в этом — залог успеха. Но есть что-то, чего вы никогда не поймете, милый Этьен.

Этьен (*следуя за ним*). Что же это?

Маркиз. Бескорыстное творчество [9, с. 88].

Этьен принадлежит к тому же типу людей, что и Дантон в более поздней пьесе Лёвберг. Он действительно горит революционным энтузиазмом и действительно сознает несправедливости жизни, но при этом он прежде всего эгоцентрик. Как и Дантон, он наделен своего рода *душевной неукротимостью, жаждой*, тем, что Лёвберг называет “силой души”. Оба проигрывают в душевном благородстве некоторым другим персонажам (Этьен — маркизу де Верзаку, Дантон — Готье де Кастиньяку), но превосходят их внутренним огнем, убежденностью, страстью. Отсюда сходство некоторых монологов Дантона и Этьена-Мари. В пьесе “Дантон” главный герой признается:

Когда я смотрю на яркие шелка, по спине моей пробегает холодок чувственного восторга. Глубина цветного бархата сводит меня с ума. Я хотел бы погрузить руки в индийский жемчуг, насытить взор блеском изумрудов, ступать по восточным коврам... (*Готье подливает ему ликера.*) И женщины... О, белизна нагих холеных тел! Мы заставили быстрее вертеться земной шар, и теперь... Ведь Революция — это война, и победители... <...> Да, я люблю все это! Но мне легко быть оборванцем. И дражные штаны по-своему тоже тешат мою гордыню. <...> (*Хмурясь.*) О чем я говорил? О женщинах, о битве... да, о том, что мною владеют все желания.

Готье (*поднимая бокал*). За исполнение твоих желаний!

Дантон. Ну их! Все это... нет, это не пустяки... а мелочь, цветочки... бисер. То, чему я весь отдался, моя любовь, мое священное, о да, клянусь, священное безумие...

Готье. Я знаю — это Франция⁴.

В “Шпаге кавалера”:

Этьен (*страстно*). Да. Но если сердце разрывается от новых желаний?.. Если голова закружилась от избытка сил?.. Вы говорили, что великие изменения должны скоро произойти в судьбах Франции! Сидеть ли мне всю жизнь за письменным столом? О, мне мало принять участие в уже разразившейся буре! Я сам хочу создать ее. Не высшее ли творчество в внезапном блеске мысли? Не высшее ли счастье в творчестве жизни? А жизнь прекрасна, сударь! Думать — еще не значит жить... А бешеный галоп, который вы советовали мне?.. А веселый шум карнавала?.. А купидон с отравленными стрелами? [9, с. 78].

⁴ Здесь и далее пьеса “Дантон” цитируется по машинописи с авторской правкой: РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Ед. хр. 242.

Избыток сил, жизнелюбие, жадность к жизни объединяют этих героев — как и чувство своей *избранности*, чувство, что удача на их стороне. Дантон говорит: “Любимец ли я судьбы? Нет, конечно. Я избранник ея”. А маркиз де Верзак называет Этьена “господином удачником”⁵.

Таким образом, появляясь сначала в костюме черта (что сразу задает мотивы маскарада, игры), герой “Шпаги кавалера” в итоге принимает роль аристократа, кавалера де Сент-Арнэ, — и почти сливается с ней. Хотя и мечтая работать во имя революции, герой становится плотью от плоти аристократии, вживается в этот мир, о котором так долго мечтал, будучи простым клерком.

В пьесе “Победитель” ситуация схожая: герой, бедный найденый, воспитанный стариком-“колдуном” (который эту роль лишь разыгрывает ради денег, обманывая аристократов), притворяется графом ди Вантерра и добивается любви герцогини Джоанны Каррарской. Однажды она застаёт его у колдуна Джорти и тот, не зная ситуации, раскрывает ей, что этот юноша всего лишь найденый. Подобно маркизе де Верзак, которая не может любить простого клерка (и поэтому делает Этьена кавалером), гордая Джоанна не может любить незнатного бедняка — и в наказание за унизивший ее обман приказывает ему выпить отравленное вино:

Герцогиня. Я знаю, кто ты. Я никому не скажу об этом. Я все-таки буду благословлять богов за нашу встречу. Я люблю тебя, Галеаццо. Пей!

Галеаццо (*с ужасом*). Я хочу жить!

Герцогиня. О, как я ненавижу тебя!⁶

Джоанна еще и презирает слабость и нерешительность, страх смерти — так же, как Адрианна де Бюри, которая в пьесе “Дантон” приказывает Готье заколоться кинжалом, когда тот не может решиться на убийство Дантона, и затем выказывает ему свою ненависть, видя, что тот хочет жить: “Я не могу допустить, чтобы тот, кого хотя бы на минуту я назвала любимым... (*Вынимает кинжал.*) Готье, вот тот кинжал, которым вы не сумели воспользоваться. Хотите, я подарю его вам? (*Готье протягивает руку.*) Пойдите. Я даю

⁵ В ряде других отношений Этьен-Мари схож не с Дантоном, а с Готье — тоже молодым человеком, привлекающим всеобщие симпатии и играющим роль, которая впоследствии “прирастает” к его лицу (из монархиста он становится сторонником Дантона, хотя сначала только притворяется им, чтобы вернуться в революционный Париж и убить Дантона).

⁶ Здесь и далее пьеса “Победитель” цитируется по машинописи с авторской правкой: АГ ИМЛИ РАН. Рав-бп-18-12-1.

его вам для того, чтобы... Покончить с собою, когда хочется жить, это тоже что-то вроде подвига”.

Галеаццо боится смерти (он в целом трусоват, в чем упрекает его даже приемный отец: “Какую ошибку сделала судьба, сотворив тебя мужчиной!”) и, сбежав из-под стражи, возвращается к Джорти:

Джорти. Успокойся, сынок. Не для того я возил с тобой так долго, чтобы безропотно выдать тебя палачам.

Галеаццо (*обнимая его ноги*). Спасите меня!

Джорти (*строго*). Встань и брось реветь. Иначе я не буду говорить с тобой. (*Галеаццо поднимается и, продолжая вздрагивать от слез, садится на скамью.*) Неженка ты, Галеаццо! <...> Ум, деньги, сила... не только с челядью герцогини, с целой Италией мы можем еще бороться. Деньги у меня есть. Ума хватит на тысячу таких глупцов, как ты. Вот сила... <...> Можешь ли ты хоть на день стать смелым, Галеаццо? (*Галеаццо молчит.*) Тьфу! И зачем только я учил тебя военной науке? Правда, ты сумел бежать из тюрьмы... Все равно, надо попробовать. (*Решительно.*) Слушай, мальчик, скоро произойдет большая битва... <...> Пойдем в лагерь. Ты будешь разыгрывать из себя знатного синьора, а я притворюсь твоим слугой до тех пор, пока суতোлка торжества или поражения не поможет нашему бегству.

Хитрый план Джорти поначалу идет как по маслу, однако в конце концов проваливается — и именно потому, что в процессе игры роль храбреца и благородного аристократа перестает быть для Галеаццо “ролью” и становится его сущностью. Он так увлекается ею, что действительно воодушевляет каррарцев, считающих свое дело проигранным, отбрасывает войско осаждающих и позволяет им дожидаться прибытия герцога Каррарского со свежими силами. Пьеса заканчивается так:

Герцог. Я вовремя подоспел к вам на помощь, не правда ли, Джоанна? <...> Я никогда не думал, что так легко одерживать победы. Мне не пришлось даже обнажить моего меча. Они вихрем неслись нам навстречу, но, увидев меня, испугались до того, что сразу стали сдаваться в плен <...>. Один только юноша вздумал броситься на меня, да и то потом оказалось, что это какой-то безумец из лагеря Гальди, в темноте не отличавший нас от врагов.

Герцогиня (*с отчаянием*). Он жив?

Герцог. Какое! Вся конница прошла над ним. (*Слуги обносят кубки, наполняя их вином.*) <...>

Герцогиня (*встает*). <...> Я счастлива, как не была еще счастлива ни одна женщина. Меня сжигает пламя любви и торжества! Я знаю, я была прекрасна и горда недаром, раз я могу сейчас выпить этот кубок. (*Быстро ставит поданный ей кубок на стол и вместо него высоко поднимает отравленный.*) За победителя! (*Пьет его. Лауретта, маркиз и другие в ужасе бросаются к ней*).

Эта ультраромантическая пьеса мрачностью тона и бескомпромиссностью героев при попытке воссоздать некую их душевную сложность, противоречивость напоминает первую драму Лёвберг “Камни Смерти”, с которой она делит также ряд мотивов и деталей: это и постоянно упоминаемая “роковая” бледность героев (которая также проходит лейтмотивом в пьесе Лёвберг “Жанна д’Арк” 1920 г.), и мотив “небесного огня”, который становится своего рода знаком свыше, осеняя главного героя и его подвиг. См., например, в “Камнях Смерти”, где герой преодолевает на челне непроходимые скалы ради героини:

Четвертый. Почему вы печальны, синьор Джиианни?

Отец Пиетро. Дитя мое, как бледны твои щеки! (*Огненный зигзаг сверкает на востоке.*)

Джиианни (*торжественно*). Синьоры, взгляните! Зажглась зарница [7, с. 56].

В “Победителе” герой в волшебном зеркале (которое Джорти считает совершенно обычным) видит: “В его отражении луч солнца превращается в блуждающий огонь. Вот он блеснул сейчас и скрылся... О, мэссере, какое ослепительное сияние! <...> Опять это пламя! Оно сейчас исчезнет, как прежде... Нет! Оно становится всё ярче. Кровавым заревом залито стекло. (*Делает шаг вперед.*) Огонь погас. Тяжелый сумрак сменил его. Я вижу разрушенную стену, людей... Они бегут... <...> (*Схватив один из факелов, хочет разбить зеркало, и вдруг останавливается с поднятой рукой.*) <...> У черной башни блистает чей-то белый шлем. Как строен этот юноша! <...> Почему мне знакомы его движения? <...> Каким-то холодом овевая душа... я чувствую восторг, я сам хочу сражаться... Хвала небу — войска опять сомкнулись в ровные колонны. Он зовет их за собой. Неужели он бросится вниз? Он обернулся... О, Боже! (*Роняет факел <...>*)”. Галеаццо узнает в этом чудесном воине себя, а в финале одна из дам говорит, что все видели нимб над его челом.

Далее, Галеаццо и Джоанну связывает любовь-ненависть⁷, как и Джиианни с Джеммой в “Камнях Смерти”; в обоих случаях герой фактически отправляется на смертное испытание из-за гордыни героини. Но Джиианни, сын герцога в “Камнях Смерти”, не обладает специфической *изворотливостью*, характеризующей Галеаццо и Этьена из “Шпаги кавалера” — этих *бедняков, стремящихся в мир аристократии и ощущающих на себе пропасть между сословиями*. Как Этьену

⁷ Которая также характеризует отношения Адрианны де Бюри и Дантона в пьесе Лёвберг “Дантон”.

несколько раз приходится “поправляться”, срочно менять тактику, искать нужные слова, чтобы вновь попасть в милость к маркизам де Верзак, так Галеаццо пробует разные тактики с незадачливыми защитниками Каррары, которых он пробует воодушевить на сопротивление врагу: “Война... Жизнь, отданная ради славы... За мной! Я укажу вам путь к победе! <...> (*Быстро поднимается по башенной лестнице и, достигнув последней ступени, оборачивается. За ним нерешительно следуют несколько человек. Его лицо искажается гневом.*) Жалкие трусы! (*В толпе возгласы возмущения.*) <...> (*Проводит рукой по глазам. Медленно.*) Я назвал вас трусами для того, чтоб посмотреть, можно ли безнаказанно оскорблять вас. Это было испытанием. Вы хотели убить меня? Спасибо, мои герои! (*На мгновение останавливается и продолжает с тайной горечью.*) <...> Я славу обещал вам? Вздор! Я обещаю тысячи червонцев, всех неприятельских коней, вино, которое найдется в лагере, богатство и добычу!”. Как и Этьен-Мари, Галеаццо *внутренне противоречив*, обладает противоположными качествами и интенциями, но в этой, предположительно более ранней, пьесе характер героя выписан с меньшим мастерством: в “Шпаге кавалера” герой до конца сохраняет внутреннюю сложность, тогда как в “Победителе” он фактически перерождается, из труса превращаясь в храбреца, из человека, думающего только о себе и своих удовольствиях, — в защитника города, чуть ли не святого воина.

В пьесе “Актер”, которая, с нашей точки зрения, представляет собой лучшее творение Лёвберг в области драматургии, писательница, с одной стороны, воспроизводит основные мотивы и образы “Шпаги кавалера” и “Победителя”, а с другой — делает это на совершенно новом уровне. Вся пьеса фактически является признанием в любви к театру, она *автоматарефлексивна*, поэтому уже знакомые нам мотивы и образы испытывают реконфигурацию, *приобретают второй план*. При этом пьеса написана уже не юным, а умудренным жизнью и опытом автором — отсюда не характерная для ранних опытов Лёвберг (и продиктованная отчасти жанром комедии) “юмористическая апология индивидуальности”, когда «комический разрыв между внутренней и внешней сторонами “я-в-мире”, между лицом и маской» ведет “к обнаружению подлинной индивидуальности” “в качестве некой внутренней тайны, несводимой ни к каким шутовским маскам”, когда осмеиваются маски, а «неосмеянным остается <...> свободно играющее ими “я”, скрытое под шелухой ролевого поведения личностное ядро жизни» [10, с. 65].

Здесь вновь действует герой, который *играет принятую на себя роль столь усердно, что та вполне овладевает им*, однако в этой лирической комедии она не требует от него “полной гибели всерьез”. Сюжет этой никогда не публиковавшейся пьесы, чей, скорее всего, единственный существующий экземпляр представляет собой рукопись в тетрадке, посланную автором М. Горькому в октябре 1926 г., состоит в том, что молодой актер Жак в компании своего дяди, комика Полинэ, в марте 1815 г., т.е. в течение “Ста дней” Наполеона, а точнее, его “полета орла” (марша в Париж), прибывает в маленький французский городок, где местные сторонники Бонапарта готовят заговор в его пользу. Ждут наполеоновского генерала Андрэ, чтобы совершить переворот и провозгласить город и его гарнизон подвластными императору. Но вот незадача: генерал арестован, а без него “не начать восстания”. Диане, любовнице бонапартиста Невильи, одного из главных заговорщиков, приходит в голову... нанять Жака, в которого она успела мгновенно влюбиться, сыграть главную роль его жизни — роль генерала Андрэ. И тот с успехом исполняет ее, замечательно в нее вживаясь и комически используя свои новые возможности, чтобы поиздеваться над Невильи, например:

Невильи.

Я пять минут прошу для разговора
Необходимого!

Жак.

Вас позовут, когда
Освобожусь я⁸.

Жак входит в роль настолько, что произносит перед полками не написанную Невильи речь, а свою собственную, продиктованную ему исполняемым им характером. Он физически ощущает себя наполеоновским генералом, “вспоминает” взгляд Наполеона:

Африканский зной...

Мне снилось это?... Или это было?

Песок... зеленый берег Нила...

Толпа людей, бегущих предо мной...

И вдруг, под тенью треуголки черной

Повелевающий, упорный

Взгляд этих глаз, прозрачных, словно лед...

Его превращение настолько полно, что он, простой актер, недоучившийся правовед, никогда не бравший в руки оружия, побеждает в дуэли герцога де Верни, губернатора города и сторонника Бурбонов (а также мужа одной из его

⁸ Здесь и далее пьеса “Актер” цитируется по рукописи: АГ ИМЛИ РАН. Рав-бп-18-12-2.

возлюбленных, герцогини Люсиль). Более того, в финале как бы *повторяется сцена из “Победителя”*, когда Жак геройски несется в бой:

Красавчик генерал стремится в бой,
Хватя! Вырывает у кого-то знамя,
Как ветер, пролетает перед нами
И всех зовет вдогонку за собой!
А все стоят, потупясь, как бараны...
Гудит труба... грохочут барабаны!..
За ним солдат десятка два
Помчалось... Выстрелы...
<...>
(Громкий и радостный звон колоколов.)

Но тут входит настоящий генерал Андрэ, который вырвался из-под ареста. Жака же должны судить за подмену. Однако Полинэ и Жак, актеры до мозга костей, разыгрывают мелодраматическую сцену — Жак притворяется мертвым, а Полинэ произносит над ним панегирическую “надгробную” речь, и всё устроивается как нельзя более благополучно:

Как пусто в театральном зале!
Мой голос, как предсмертный стон, звучит...
Терпенье, господа! Мой мальчик спящий
Не может встать. Поймите... он убит!
Он не подаст мне реплики блестящей
Уж никогда.
(Закрывает лицо руками.)
<...>
Ужели вы обман
Ему доселе не простили?
Чем перед вами провинился он?
Зачем тогда ликует этот звон?
Зачем в церквах молебен отслужили?
<...>
Иль вам приветствие толпа кричала?
Иль, может быть, победою пьяна,
На опоздавшего к сраженью генерала
Свою любовь направила она?
Иль мертвому готовит мщение?
<...>
Какое преступление
Свершил мой сын? Виновен он лишь в том,
Что умереть посмел за ваше дело,
Что шпага у него в руках закованела,
Что грудь его украшена крестом,
Который вы отнимете?

Присутствующие настолько растроганы, что признают правоту Полинэ, и, когда Жак “воскресает”, всё оказывается ему прощено:

Вставай! Вот видите ли, умер генерал,
Но жив актер.
(Помогает Жаку встать.)
Вставай скорей, сыночек!
<...>
Жак (ко всем; смущенно).
Даю вам слово, я бы умер, но...
Невилль (решительно подходя к нему).
Такой игры не видел я давно.

Вот вам моя рука.
(Пожимает руку Жака.)
Диана (с улыбкой).
Моя — хотите — тоже!
(Жак целует протянутую руку.)
Герцогиня.
Что ж! И моя!
(Жак целует ей руку.)
Невилль (протягивает Жаку кошелек).
Возьмите, чтоб опять
По Франции с сумою не гулять.
Вас слава ждет!

Таким образом, трагическая тема “Победителя” здесь трактована комически: герой не только не погибает, но и исполняет мечту о богатстве, о собственном театре и великолепных ролях; более того, две его возлюбленные — Диана и герцогиня Люсиль — прощают его измену и обе согласны любить его:

Жак (подбегая к Диане).
Диана!
Диана (весело и нежно).
Жак... до скорого свиданья!
Жак (подбегая к герцогине).
Люсиль!.. Прошу я только обещанья
О встрече скорой.
Герцогиня (весело и нежно).
До свиданья, Жак!

Как и в двух других разбираемых пьесах, подчеркивается простое происхождение Жака, поднимается сословная тема: “Отец мой был скрипач, а Полинэ / Мне крестный. Я дитя народа”, — говорит о себе Жак. В другом месте это подчеркивает Полинэ:

Ведь мне и Жаку — наплевать
На вашего Наполеона!
Мы — скоморохи, мы — народ!
Пускай Людовик рядом с ним ворона,
Пускай орла великолепен лёт —
Мы всё же не намерены стремиться
Стать кормом благородной птицы!

Подобно Джоанне из “Победителя” и маркизе де Верзак из “Шпаги кавалера”, герцогиня де Верни поначалу стыдится любить Жака и лишь позднее отказывается от ложной гордости:

О, Жак, я гордость, как лоскут ненужный,
Отбросила, и всё же никогда
Я боле не была горда,
Мой победитель милый!

Кстати, во всех трех пьесах повторяется *мотив любви к “необыкновенному человеку”*: только такого разрешают себе любить героини. В “Шпаге кавалера”: “Маркиза. Что мне веселие? Я много веселилась прежде, и веселие надоело мне. О, если б

поверить, что хотя одна маска таит за собой необыкновенного человека” [9, с. 58]; “Маркиза (*открывая дверь, полушутя, полусерьезно*). Поздравляю вас, сударь. Ваш секретарь, право, необыкновенный человек!” [9, с. 68]; «Этьен (*вкрадчиво*). Вы хотели “необыкновенного человека”, маркиза? Оставьте ли вы мне то, что я любил, чем я жил прежде?» [9, с. 84]. Собственно, и мужа своего маркиза отвергает потому, что, по ее собственным словам, “была глупой девочкой и приняла” его “за необыкновенного человека”, а он “оказался только учеником великих людей” [9, с. 74]. В “Победителе” Джоанна говорит о своем возлюбленном в беседе с Джорти:

Но скажи — ты должен знать и это, — каков он? Может быть, это томный юноша, рожденный в мир только для наслаждения? Мне не надо тогда его любви!

Джорти. Не бойтесь, синьора. Я вижу печать величия на его челе.

В “Актере” этот мотив выражен в наименьшей степени, но присутствует и здесь — герцогиня понимает всю силу своей любви, когда Жак побеждает ее супруга на дуэли, а затем признается, что он не генерал, а “бродяга” (“Случайно мне досталась эта шпага. / Я только молодой актер!”): тогда Люсиль осознает его личную исключительность, которой он не обязан происхождению и власти.

Подобно Этьену-Мари, Галеаццо, Дантону, Жаком владеет *жажда жизни, причем его влечет и великое и простое, и высокое и “низменное”* — с равной страстью он говорит о прелестях аристократической жизни и о власти стихии:

Бросьте! Мир — не мягкая перина,
А дивный Хаос. Каждый, кто живет,
Не должен знать мгновения покоя.
Не буду плыть я тихою рекою,
Когда меня зовет водоворот.
<...>

(*Любуется своей ногой.*)

Мерцанье лака
Нежней расплавленного серебра.

В Жаке кипит избыток жизненной силы, он ищет всего сразу:

Во сне — герой, бродяга наяву,
Всегда желающий такого,
Чего в обыкновенной жизни нет.
Вас... красоты... опасностей, побед.
Как видите, с сумою за плечами
По Франции веселой я иду
Искать свою счастливую звезду.

Обе его возлюбленные сравнивают его с самой жизнью: именно то, что он человек безудержных желаний и сил, отнюдь не отказывающийся от жизненных удовольствий, привлекает в нем и

Диану, и Люсиль. В сцене, когда обе героини, узнавшие о том, что Жак ищет встреч с обеими, пытаются убедить себя в том, будто вовсе не любят его, Люсиль говорит:

Тоска о нем мне счастья дороже...
А может быть, и вовсе не о нем
Моя тоска, — о жизни, что ключом
Могучим может сквозь гранит пробиться,
Безудержно сверкая и звеня,
О жизни, веселее птицы,
О жизни, горячей огня,
Свободней ветра!

Диана противопоставляет Жака своему любовнику Невильи по признаку “огонь / холод”, “жизнь / безжизненность” — подобно тому, как маркиза де Верзак противопоставляет Этьену-Мари своему мужу (“Я знаю, что вы умны. Но так много нужно было, чтобы простить вам ваш сдержанный холод, спокойствие вашей любви” [9, с. 74]; сам маркиз говорит о себе Этьену: “Для дружбы и любви нужна сильная душа. Этим даром я не владею. Я буду помогать вам” [9, с. 88]), а Адрианна де Бюри — Дантона любящему ее Оливье (“Вы ведь созданы не Богом, а Механиком; вы только очень сложная игрушка”):

С пером в руках, за скучною газетой
Об императоре вы грезите своим,
Мечты перелагая на бумагу.
А он... вот этот молодой бродяга —
Он не умеет думать... Он живет!
За ним, пожалуй, с песнью беззаботной
И я могла бы кинуться вперед!..

Рядом с этим опьянением жизнью — по Лёвберг, свойством необыкновенных людей — идут *мотивы избранничества и удачливости*, уже знакомые нам по “Шпаге кавалера” и “Победителю”. Маркиз де Верзак Этьена, а Полинэ — Жака называют одним словом — “удачник”: “Сыночек, не грусти! / Удачник ты! Несбывшихся желаний / Немного будет на твоём пути...”. Сам Жак говорит о себе, имея в виду свою принадлежность сцене, театру:

Был Сидом я, — и Цезарем бывал
Не меньше, чем когда бы форум
Признал многоголосым хором
Меня избранником своим.
Избранник я. Мне надо быть на сцене.

Если Дантон — избранник судьбы в том смысле, что он меняет историю (и думает, что управляет ею), то Жак избранник потому, что *наделен талантом*.

Собственно, все мотивы и образы, знакомые нам по предшествующим двум пьесам, оказываются в “Актере” преобразованы благодаря театральной теме. Пьеса автометарефлексивна:

действующие лица постоянно *сопоставляют реальность и искусство*. Так, Диана, предлагая Невильи свой план подмены, утверждает, что между романом и жизнью нет отчетливой границы:

Диана.
Бывает жизнь похожа на роман,
И здравый смысл в ней не всегда уместен.
К тому же мой роман прелестен!
Невилли.
Ваш план хорош,
Но на роман действительно похож!
Диана.
Не больше, чем судьба Наполеона!

Уговаривая Жака, она *уподобляет жизнь театру и наоборот* через серию метафор:

Вам предстоит свершить переворот,
Вам сценой будет государство, —
Мы в генералы вас произвели!
Суфлером — господин де Невильи,
Костюмом — форма лучшего покроя,
Огнями в рампе — сумрак голубой,
Жизнь декорацией, оружие — мишурой,
Статистами — полки, идущие на бой⁹.

По мысли самого Жака, театр и актеры существуют для того, чтобы пробуждать людей к жизни:

Да, люди глухи к песням и словам
И слепы к образам. Но нам
Судьба непостижимая велела
Их пробуждать от тягостного сна.
Не слышат... не живут они как будто,
Размеренна их жизнь и холодна,
Но занавес поднялся, и в минуту
Оцепененье спало, и душа
Уже живет, волнуясь и спеша.

В начале пьесы Жак провозглашает, что его жизненная цель — стать настоящим актером: “Ценой каких бы ни было усилий, / Лишений, жертв, опасностей, трудов — / Я ко всему решительно готов. / Актером стану я...”, — но все действие пьесы именно и представляет собой достижение этой цели. Интересно, что, как и для любого профессионала, главной референтной группой, способной по достоинству оценить его, является для Жака не публика, а собраты по ремеслу,

⁹ Ср. сходную серию метафор, уподобляющую жизнь театральному представлению, в комедии Э. Ростана “Романтики” (“Les Romanesques”, 1891): “Да, кукольный театр... но как хорош был он! / Кулисы нам тогда деревья парка <...> / У рампы яркие блестели светляки, / Оркестр невидимый был — майские жуки <...> / А пьесу дивную дала играть актерам / Любовь! Сама любовь! Любовь в семнадцать лет!” [11, с. 90–91]. Это еще раз указывает на неоромантическую природу театра Лёвберг; в “Актере” влияние Ростана особенно существенно.

что очевидно в сцене, где Полинэ ругает героя за предпринятый им поединок с герцогом:

Ты речь сказал отлично.
Но поединок! Это неприлично,
Неслышанно! Во имя всех чертей
Скажи, зачем его ты вставил в пьесу?
Не генерала ты играл — повесу!
Я был глубоко возмущен!
<...>
Минутами ты забывал играть
И становился сам собою. Это
Ужаснее всего! Ведь под конец
Пред нами был мальчишка, сорванец,
Из шалости надевший эполеты.

Жак (*робко*).
Но... все поверили!

Полинэ.
Осел!

Я не поверил! [Подчеркивание М.Е. Лёвберг. — В.З.-О.]

Судьба актера предстает в устах старика-пьяницы и молодого бродяги высоким долгом, служением. Когда Жак готов пойти на попятную, не доиграв роли, Полинэ журит его:

Ты должен пьесу до конца сыграть, —
Бежать от зрителя актеру не годится!
Я уговаривал тебя и заклинал,
Чтоб ты импровизации не брал,
Но ведь с тобою трудно сговориться!
Теперь дороги нет уже назад.
Актер не меньше связан, чем солдат,
Уздой долга. Самообладанье —
Наш первый долг.

Сам Жак в первом действии произносит пламенный монолог, превозносящий театральное искусство:

Хочу я, крестный, мир завоевать!
Но не мечом. Мне трудно вам сказать...
Слова беспомощны, а мысли смелы.
Но вы — актер. Поймете вы.
Дано
Нам в жизни воплощение одно
И тесно нам в плену души и тела:
А мне и вам запретное открыто.
<...>
Освободить от оболочки дух,
Дать волю каждому изгибу тела!

Именно автометарефлексивный слой пьесы позволяет *преобразовать центральный, сюжетообразующий мотив маски, приросшей к лицу ее носителя*, таким образом, что развитее сюжета завершается не двусмысленно, как в “Шпаге кавалера”, и не трагически, как в “Победителе”, а в комическом, разрешающем жизненные противоречия ключе. Дело в том, что для автометарефлексивного искусства в принципе свойственно оправдание мира самим фактом его бытия, проистекающее

из игровой природы таких произведений. Дух комизма и литературная игра неизменно смягчают напряженность философского и нравственного поиска, позволяя оставить “последние вопросы” без ответов и утверждая благодатную незавершенность и динамичную противоречивость жизни. То же происходит и в “Актере”, где характерные для других пьес Лёвберг мотивы не просто репродуцируются, но встраиваются в своего рода панегирик искусству и тем самым теряют свою “жизненную” аксиологическую сложность. В этой замечательной пьесе с ее гармонией формы и содержания все тяжелое, сложное, трагическое оказывается “снятым” в театральном действе, через панегирик театру и актерскому мастерству, тем самым “включая” древний топос “утешения искусством”.

В проанализированных пьесах можно найти еще целый ряд мотивных совпадений (в частности, мотив карнавала, гиппиусовский мотив стремления к “тому, чего нет на свете”¹⁰) и повторяющихся типажей¹¹ (скажем, гендерные “перевертыши” и постоянное возвращение к образу сильной женщины, которая при этом несколько старше и опытнее своего возлюбленного), но главное о единстве и преемственности трех пьес М.Е. Лёвберг, надеемся, в этой статье сказано.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зусева-Озкан В.Б. Пьеса М.Е. Лёвберг “Дантон” в восприятии А.А. Блока // Литературный факт. 2021. № 2 (20). С. 115–130.
2. Ремизов А.М. Русалия. Собрание сочинений. СПб.: Росток, 2016. Т. 12. С. 590–594.
3. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. М.: Наука, 2006. Т. 12.
4. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. М.: Наука, 2016. Т. 18.
5. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. М.: Наука, 2017. Т. 19.
6. Семашкина М.А. Письма М.Е. Лёвберг М. Горькому (По материалам Архива А.М. Горького) // Горький. Неизвестные страницы истории (материалы

¹⁰ Ср., например, в “Актере”, в реплике Жака (“Всегда желаящий такого, / Чего в обыкновенной жизни нет”), и в “Шпаге кавалера”, в реплике маркизы де Верзак (“...я мечтаю о том, чего не бывает в жизни...” [9, с. 75]).

¹¹ Можно было бы поразмышлять о мотиве “приросшей” к лицу маски не только в драматургии, но и в прозе Лёвберг (см. ее новеллу “Бальтазар Пуль”, которая была опубликована в 1922 г. в сборнике “Северное утро” и в которой, напротив, аристократ играет роль простолюдина).

и исследования). Вып. 12. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 523–551.

7. <Лёвберг М.Е.> Камни Смерти. Драматическое “presto” Джентиле Ферранте. (Gentile Ferrante. Pietrae della morte. Presto drammatico.) – С итальянского. Перев. М. Лёвберг // Русская мысль. 1915. № 8. С. 48–58.
8. Karlinsky S. Kuzmin, Gumilev and Cvetaeva as Neo-Romantic Playwrights // Studies in the Life and Works of Mixail Kuzmin. Wien: Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien, 1989. S. 17–30.
9. Лёвберг М. Шпага кавалера. Пьеса в 3-х действиях // Северные записки. 1916. №3 (март). С. 57–88.
10. Тюна В.И. Типы эстетического завершения // Теория литературы: В 2 т. М.: Издательский центр “Академия”, 2004. Т. 1. С. 54–77.
11. Ростан Э. Пьесы / пер. с франц. Т. Щепкиной-Куперник. М.: Правда, 1983. С. 17–96.

REFERENCES

1. Zuseva-Özkan, V.B. *Pjesa M.E. Ljovberg “Danton” v vosprijatiji A.A. Bloka* [M.E. Levberg’s Play “Danton” as Perceived by A.A. Blok]. *Literaturnyj fakt* [Literary Fact]. 2021, No. 2 (20), pp. 115–130. (In Russ.)
2. Remizov, A.M. *Rusaliya. Sbornie sochinenij* [Rusaliya. Collected Works]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2016, Vol. 12, pp. 590–594. (In Russ.)
3. Gorky, M. *Polnoe sobranie sochinenij. Pisma: V 24 t.* [Complete Works. Letters: in 24 vol.] Moscow, Nauka Publ., 2006, Vol. 12. (In Russ.)
4. Gorky, M. *Polnoe sobranie sochinenij. Pisma: V 24 t.* [Complete Works. Letters: in 24 vol.] Moscow, Nauka Publ., 2016, Vol. 18. (In Russ.)
5. Gorky, M. *Polnoe sobranie sochinenij. Pisma: V 24 t.* [Complete Works. Letters: in 24 vol.] Moscow, Nauka Publ., 2017, Vol. 19. (In Russ.)
6. Semashkina, M.A. *Pisma M.E. Ljovberg M. Gorkomu (Po materialam Arhiva A.M. Gorkogo)* [The Letters from M.E. Levberg to M. Gorky (Based on the Materials of A.M. Gorky’s Archive)]. *Gorkij. Neizvestnye stranicy istorii (materialy i issledovanija)* [Gorky. Unknown Pages of History (Materials and Studies)]. Issue 12. Moscow, IMLI RAN Publ., 2014, pp. 523–551. (In Russ.)
7. <Levberg, M.E.> *Kamni Smerti. Dramaticheskoe “presto” Dzgentile Ferrante. (Gentile Ferrante. Pietrae della morte. Presto drammatico.) – S italijanskogo. Perv. M. Ljovberg* [Stones of Death. Deamatic “Presto” by Gentile Ferrante. (Gentile Ferrante. Pietrae della morte. Presto drammatico.) – Translated from Italian by M. Levberg]. *Russkaja mysl* [Russian Thought]. 1915, No. 8, pp. 48–58. (In Russ.)

8. Karlinsky, S. *Kuzmin, Gumilev and Cvetaeva as Neo-Romantic Playwrights*. Studies in the Life and Works of Mixail Kuzmin. Wien, Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien Publ., 1989, pp. 17–30.
9. Levberg, M. *Shpaga kavalera. Pjesa v 3-h dejstvijah* [Chevalier's Epee. Play in Three Acts]. *Severnye zapiski* [Northern Notes]. 1916, No. 3 (March), pp. 57–88. (In Russ.)
10. Tjupa, V.I. *Tipy jesteticheskogo zavershenija* [Types of Aesthetic Completion]. *Teorija literatury: V 2 t.* [Theory of Literature: in 2 Vols.] Moscow, Izdatelskij centr "Akademija" Publ., 2004, Vol. 1, pp. 54–77. (In Russ.)
11. Rostand, E. *Pjesy* [Plays], translated from French by T. Shhepkina-Kupernik. Moscow, Pravda Publ., 1983, pp. 17–96. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 18 марта 2022 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 29 апреля 2022 г.
Статья принята к публикации: 29 июня 2022 г.
Дата публикации: 31 августа 2022 г.

Received by Editor on March 18, 2022
Revised on April 29, 2022
Accepted on June 29, 2022
Date of publication: August 31, 2022

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800021454-5

“...В серый пролетарский монастырь под звон рапповских колоколов...”: поэт Владимир Луговской — из “попутчиков” в рапповцы

© 2022 г. Р. Е. Клементьев

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
ruslankle@gmail.com
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2861-6400>

Резюме. В статье по архивным документам и периодике прослеживается путь поэта-конструктивиста Владимира Луговского, начиная с кануна его вступления в РАПП в 1930 г. вместе с Владимиром Маяковским и Эдуардом Багрицким до партийного постановления 1932 г. “О перестройке литературно-художественных организаций”. На фоне трагической судьбы Маяковского, покончившего с собой через два месяца после вступления в РАПП, и его взаимоотношений с рапповским руководством история Луговского предстает, с одной стороны, как удачный пример “перестройки” бывшего попутчика по канонам рапповской идеологии, с другой — как образец правильных взаимоотношений с попутчиками, усвоению которого помешал роспуск РАПП.

Благодарность. Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 20-18-00394) «“Стенограмма”: Политика и литература. Цифровой архив литературных организаций 1920–1930-х гг.».

Ключевые слова: РАПП, литературная политика, архивные документы, Луговской, Маяковский, Багрицкий, поэты-конструктивисты, попутчик, пролетарский поэт.

Для цитирования: Клементьев Р.Е. “...В серый пролетарский монастырь под звон рапповских колоколов...”: поэт Владимир Луговской — из “попутчиков” в рапповцы // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 4. С. 33–42. DOI: 10.31857/S160578800021454-5

“...To a Gray Proletarian Monastery Under the Ringing of RAPP’s Bells ...”: Poet Vladimir Lugovskoy — from “Fellow Travelers” to RAPP-Member

© 2022 Ruslan E. Klementiev

Cand. Sci. (Philol.),
Senior Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
ruslankle@gmail.com
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2861-6400>

Abstract. Based on archival documents and periodicals, the article traces the path of the constructivist poet Vladimir Lugovsky from the eve of his entry into the RAPP in 1930, together with Vladimir Mayakovsky and Eduard Bagritsky, to the party resolution of 1932 “On the restructuring of literary and artistic organizations”. Against the backdrop of the tragic death of Mayakovsky just two months after joining the RAPP and the attitude of the Rapp leadership towards him, the story of Lugovskoy appears, on the one hand, as a successful version of the “*perestroika*” of the former fellow traveler (*poputchik*), according to the canons of Rapp’s

ideology, on the other hand, Lugovskiy's example was to become a model for future relations with fellow travelers, but this was prevented by the dissolution of the RAPP.

Acknowledgements. The research was carried out at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (RNF, project No. 20-18-00394) «“Transcript”: Politics and Literature. Digital archive of literary organizations of the 1920s–1930s».

Key words: RAPP, literary politics, archival documents, V. Lugovskoy, V. Mayakovsky, E. Bagritsky, constructivist poets, *poputchik*, proletarian poet.

For citation: Klementiev, R.E. “...*V seryi proletarskii monastyr' pod zvon rappovskikh kolokolov...*”: Poet Vladimir Lugovskoy: iz “*poputchikov*” v rappovtsy [“...To a Gray Proletarian Monastery Under the Ringing of RAPP's Bells...”: Poet Vladimir Lugovskoy – from “Fellow Travelers” to RAPP-Member]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 4, pp. 33–42. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800021454-5

Владимир Александрович Луговской (1901–1957) вошел в поэзию в середине 1920-х годов и стал характерной фигурой советской литературы в период своего членства в Российской ассоциации советских писателей (1930–1932 гг.), т.е. в последние годы существования этого объединения перед постановлением “О перестройке литературно-художественных организаций”, положившим конец литературной групповщине.

Если история вступления Луговского в РАПП хорошо изучена [1]; [2]; [3]; [4], то период его членства в Ассоциации исследован меньше. В настоящей статье на основе впервые выявленных в Отделе рукописей ИМЛИ РАН новых архивных материалов не только приводятся новые подробности этого этапа в жизни поэта, но также реконструируется стратегия работы рапповского руководства с новыми членами Ассоциации – с попутчиками.

К концу 1929 г. Луговской был одним из самых заметных поэтов-конструктивистов наряду с Э. Багрицким и И. Сельвинским. Уже были изданы его знаковые книги “Сполохи” (1926) и “Мускул” (1929); сам Луговской – активной участник литературной жизни: в мае 1929 г. он побывал в составе писательской бригады на Урале и Северном Кавказе; был избран первым председателем правления клуба ФОСП. Рапповская печать не обходила вниманием Луговского, но первые пространственные разборы его поэзии передоверила главному теоретику Литературного центра конструктивистов (ЛЦК) Корнелию Зелинскому [5]. Предоставив трибуну “заинтересованной стороне”, редколлегия журнала “На литературном посту” отмежеввалась от оценок Зелинского, интересных, как было отмечено в редакционном примечании, только с точки зрения знакомства с мировоззрением ряда представителей советской интеллигенции [5, с. 50]. Вторая поэтическая

книга Луговского – “Мускул” – в рецензии критика журнала “На литературном посту” А. Тарасенкова была охарактеризована как «поэзия органичная, т.е. в глубокой степени искренняя, “нутряная”», но политически поверхностная и зависимая от влияния “основного учителя” – И. Сельвинского [6]. С однозначно положительным откликом на творчество Луговского на страницах рапповского издания выступил молодой поэт Л. Шемшелевич, назвавший стихи Луговского как одну из “творческих побед пролетарской литературы и левого фланга попутчиков” наряду с “Тихим Доном” М. Шолохова, “Брусками” Ф. Панферова и др. [7, с. 72].

Начало нового этапа взаимоотношений РАПП с писателями-“попутчиками” принято отсчитывать от программной статьи “За консолидацию коммунистических сил пролетарской литературы”, опубликованной в “Правде” 4 декабря 1929 г. Спустя два месяца, накануне Первой областной конференции МАПП, 31 января 1930 г. в статье “Наши задачи”, опубликованной “Правдой”, конкретизировалась стратегия РАПП в отношении попутчиков в реконструктивный период: “Напряженность обстановки заставляет сделать выбор: либо окончательно перейти в лагерь честных союзников пролетариата, либо быть отброшенными в ряды буржуазных писателей” [25]. Статья призывала к изжитию групповщины и жесткой самокритике и объявляла консолидацию всех литературных сил вокруг РАППа.

Самым значительным событием упомянутой конференции МАПП стало вступление в РАПП В. Маяковского, обычно описываемое в истории литературы как один из важных признаков мировоззренческого кризиса поэта, всего через два месяца поставившего “точку пули в своем конце” (“Флейта-позвоночник”, 1915). Однако рапповский эпизод жизни Маяковского важен

не только для творческой биографии поэта, но и с точки зрения институциональных процессов пролетарской литературы. В статьях Д.С. Московской попытки Маяковского вписаться в ценностную парадигму РАППа и ответы пролеткритиков на это стремление впервые были рассмотрены как более общая проблема взаимоотношений интеллигенции и пролетарско-партийных функционеров эпохи первой пятилетки [22]; [23] и как значимый итог рапповской борьбы за “консолидацию пролетарских литературных сил” под своим началом. РАПП, при поддержке Отдела печати ЦК ВКП(б), взял на себя роль ОГПУ в литературе – роль разоблачителя врагов советской власти в писательской среде. Очевидно, что единственным путем самосохранения литераторов непролетарского происхождения в этих условиях было вступление-слияние с РАППом. С конца 1929 г. решается вопрос приема в РАПП бывших “переверзевцев” из рядов слушателей Комакадемии, Института красной профессуры и РАНИОН. В 1930 г. продолжается долгая и сложная история взаимоотношений РАППа и группы писателей “Кузница”; “сдаются” в РАПП писатели и поэты Литературного центра конструктивистов.

Среди вступивших в РАПП конструктивистов особо выделяются фигуры поэтов Владимира Луговского и Эдуарда Багрицкого. Они принимались в РАПП отдельно и раньше остальных представителей ЛЦК как “наиболее близкие пролетариату”. Как показывают архивные материалы, Луговской всерьез и, как представляется, искренне стремился завоевать рапповское признание и звание “настоящего” пролетарского поэта.

Еще в начале декабря 1929 г. и Луговской, и Багрицкий опровергали слухи о своем уходе из ЛЦК. Багрицкий с возмущением опровергал причастность к некой организации “Пролетарских рационалистов”, к которой его “приписал” в выступлении по радио И. Уткин [11]. Луговской, хотя и отрицал в “Литературной газете” свое намерение войти в РАПП, не исключал, однако, такой возможности в перспективе: “Относясь со всяческой симпатией к РАПП (так же, как и мои товарищи по ЛЦК), я считаю, что организационное объединение может состояться только в общем порядке, то есть постановлением ЛЦК и РАПП. <...> Конструктивизм, по моему мнению, может явиться одним из течений пролетарской поэзии” [12]. И несмотря на эти заявления, Луговской и Багрицкий идут в РАПП раньше основного состава ЛЦК и одновременно с Маяковским. В обзоре итогов Первой областной конференции МАПП “Вечерняя Москва” комментировала

прием Луговского и Багрицкого в РАПП словами В. Ермилова, утверждавшего, что своим заявлением поэты преодолели главную ошибку конструктивистов – противопоставление интеллигенции рабочему классу [13]. Надо заметить, что ярлыки “пролетарский писатель”, “пролетарский поэт”, равно как и интеллигент-“попутчик”, в рапповской терминологии имеют смысл политико-бюрократический. Как бы ни определяли содержание понятия “настоящей” пролетарской поэзии или прозы пролетарские теоретики, по факту “заслужить” это “звание” можно было, только влившись в ряды Ассоциации. Напомним известные слова Маяковского из выступления 1925 г.: “Вот товарищ Артем Веселый, когда был в ВАППе, был пролетарским писателем, а когда остался в Лефе – стал попутчиком. <...> Таким образом, в два счета происходит перевод из пролетарских писателей в попутчики и из попутчиков в пролетарские писатели” [14, с. 522].

В редакционной статье “На литературном посту”, посвященной итогам мапповской конференции, вступление Маяковского, Луговского и Багрицкого в РАПП характеризовалось как пример тяги советской интеллигенции к пролетариату: “Органически включиться в пролетарскую действительность, стать одним из ее элементов – вот к чему должно сводиться стремление революционной интеллигенции. <...> Само собой разумеется, что вступление этих товарищей в РАПП отнюдь не означает, что они стали пролетарскими писателями. Им еще предстоит сложная и трудная работа над собой для того, чтобы стать пролетарскими писателями, и напостовское, большевистское ядро пролетарской литературы должно оказывать всяческую помощь им в этом отношении” [15, с. 4]. Главному рапповскому органу вторила и редакционная статья журнала “Рост”, ориентированного преимущественно на членов литкружков и рядовых членов АППов. Здесь было высказано сомнение в реальном преображении новых членов в подлинных пролетарских поэтов. По мнению “Роста”, этот прием лишь увеличил прослойку “внутреннего попутничества” [16]. Иначе говоря, после формальной фиксации членства Маяковского в рядах РАПП последний не был готов к безоговорочному включению поэта в пролетарскую писательскую “семью”. Как пишет Д.С. Московская, после вступления в Ассоциацию «Маяковский так и не был усыновлен РАПП. <...>. Поэт был принят “как один из самых близких пролетариату художников” <...>. Но все же – не родной» [10, с. 244].

Руководство РАПП поставило творчество новых членов на особый контроль: “Есть чрезвычайная опасность, что некоторые критики в восторге от фактов вхождения талантливых попутчиков в РАПП начнут расценивать их творчество уже как стопроцентно пролетарское. <...> Возрастает ответственность РАППа и перед начинающими писателями. <...> Молодой писатель будет учиться у попутчика, думая, что усваивает элементы пролетарского творчества” [17].

В информационном письме “фракциям всех АПП” от 15 марта 1930 г. была сформулирована официальная позиция в отношении Маяковского, Луговского и Багрицкого: “Если основная литературно-политическая сущность творчества Маяковского за годы революции в общем такова, что делает его личное вступление в РАПП естественным (чего отнюдь нельзя сказать о группе РЕФ в целом), то это однако не значит, что в нем, в частности, в его методе, нет таких элементов, которые нельзя расценивать иначе, чем путнические, отнюдь не идущих по генеральной линии пролетлитературы, что далее он эти особенности своего творчества изжил. <...> То же самое должно быть сказано и в отношении т.т. Луговского и Багрицкого, в творчестве которых до сих пор не изжиты чисто интеллигентские проблемы, специфический угол зрения, которые тем не менее, будучи более творчески молодыми, нежели Маяковский, имеют, следовательно, свои преимущества”¹.

Новопринятые начали активную деятельность, стремясь показать себя в обновленном качестве. 24 февраля 1930 г. в Клубе писателей (ул. Воровского, 52) состоялся вечер-дискуссия на тему “Как читать стихи”. Среди выступающих поэтов в объявлении были заявлены Асеев, Багрицкий, Луговской, Кирсанов, Маяковский, Каменский, Сельвинский, а также чтецы и поэты [19]. 6 марта – литературный вечер Багрицкого и Светлова в Доме печати [20]. В марте Луговской в составе писательской бригады МАПП работает вместе с Агаповым, критиком Беком и др. на заводе “Амо” [21]. 16 марта – доклад Багрицкого “Моя работа под микроскопом” в кабинете начинающего писателя ФОСП [22]. 22 марта 1930 г. Луговской отправляется в первую поездку по Туркмении в качестве члена первой ударной бригады писателей, в которую вошли также Вс. Иванов, Н. Тихонов, П. Павленко, Л. Леонов и Г. Санников [2, с. 652]. Луговской, у которого в начале

1930 г. вышла третья поэтическая книга – “Страдания моих друзей”, начинает в Туркмении работать над новым своим поэтическим сборником, первым после вступления в РАПП. Во время пребывания Луговского в Туркмении в Москве происходят значимые литературные события: “капитулирует” и “сдается” РАППу ЛЦК, бывшие товарищи Луговского и Багрицкого пытаются стать внутрирапповской Бригадой М1, но принимаются в РАПП с недоверием, теперь им придется бесконечно публично раскаиваться в своем прошлом; смерть Маяковского еще больше усложняет положение бывших конструктивистов, которых “Комсомольская правда” обвиняет в попытке спекуляции на его памяти, – идет печатная полемика “Комсомольской правды” и РАПП (подробнее о взаимоотношениях ЛЦК в целом и РАПП см.: [23]).

Внутри главной пролетарской литературной организации также идет борьба “старожилов” против новых членов из бывших попутчиков, продиктованная, как показала Д.С. Московская [24, с. 93], писательской ревностью. Ее обнаруживают сатирические страницы “На литературном посту”, посвященные недавно вступившему в РАПП Луговскому: “Возле Сельвинского, / Зелинского возле, / Жил-был у бабушки / Серенький козлик. / Захотелось козлику / В мэтры, / В кентавры... / И остались от козлика – / Гетры / Давлавы...” [25].

Не иначе как ревностью и ущемленным самолюбием продиктован и весьма любопытный архивный документ – отправленное во фракцию РАПП письмо поэта-рапповца М.П. Юрина от 21 апреля 1930 г. В нем он протестовал против имеющего место, по его мнению, чрезмерного внимания к новым кадрам – “слащавое заигрывание с попутчиками”; “нежно-лиловое отношение к поэтам и поэтикам из породы хотя бы конструктивистов” – в ущерб старым рапповцам: «...Начинается выбрасывание за борт нашего пролетарского литературного корабля таких подлинно наших поэтов, как Жаров, Безыменский и прочие. И тут появляются теории и рассуждения <...> об учебе у “подлинных” мастеров слова из конструктивистского стана и тут выплывают на поверхность заявления и заявления вроде: “Собственно почему Жаров, Безыменский или, например, Юрин – пролетарский поэт? А почему с таким же успехом не назвать пролетарским поэтом хотя бы Луговского? Ведь у нас пока еще нет ни своей формы, ни своего стиля, а метод конструктивистов – метод действенный, метод

¹ ОР ИМЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Ед. хр. 752. Л. 34–35; Впервые опубликовано в комментариях Е.А. Диннерштейна к письмам Э. Багрицкого: [18, с. 455].

идейно насыщенный и т.д. и т.п.” И Луговской действительно стал “пролетарским поэтом”².

РАПП, вынужденный лавировать и откровенно бороться с непрекращаемой, несмотря на кризис отношений с читателями и литераторами, прижизненной репутацией Маяковского как настоящего, не нуждающегося в рапповском одобрении пролетарского поэта, был поставлен в еще более сложную ситуацию после трагедии 14 апреля 1930 г. Траурные материалы газет были заполнены “опасными” оценками жизни и творчества погибшего поэта, а в литературных кулуарах ходят “контрреволюционные” слухи и домыслы. В довершение официальное обращение секретариата РАПП по поводу нездоровой литературной обстановки, вызванной самоубийством поэта, не печатают ни “Правда”, ни “Литературная газета”. РАПП, паникуя, обращается 26 апреля с письмом к Сталину и Молотову с просьбой вмешаться и навести порядок: “...нам нужно направить силы на борьбу с нездоровыми настроениями советского писательства и части молодежи, нужно вести нормальную литературную работу, и в частности приступить к серьезной критической оценке того огромного и ценного наследия, которое оставлено Маяковским”. В резолюции Молотова от 28 апреля предлагалось «поручить кому-либо из авторов записки дать статью по затронутому ими вопросу в “Правде”» [26]. Статья, посмертно жестко прорабатывающая великого поэта, появляется 19 мая под невинным заглавием “Памяти Маяковского” [27].

О смерти Маяковского Луговской узнает, находясь в первой поездке по Туркменистану, где начинает писать первую часть книги “Большевикам пустыни и весны”. По возвращении он продолжает вести активную литературно-общественную деятельность, которую многие, вероятно, воспринимали как показную попытку выслужиться перед официальными пролетарскими институтами. Летом 1930 г. Луговской участвует в работе нового мапповского объединения “Коммуна поэтов”: 1 июля на собрании “Коммуны” делает доклад о поездке в Туркменистан и читает новые стихи; 10 июля вместе с Багрицким, Сурковым, Голодным и Дементьевым едет в Тулу на оружейный завод [35] и т.д. В конце июля участвует в создании ЛОКАФ (Литературное объединение Красной армии и флота). В августе командирован от ЛОКАФ за границу, готовит по итогам этой поездки поэтическую книгу “Европа”. Зимой 1930 г. принимает участие в конференции революционных писателей в Харькове. В 1931 г. снова

едет в Среднюю Азию, где несколько месяцев работает в рядах пограничных войск, пишет вторую книгу “Большевикам пустыни и весны”.

Критики журнала “На литературном посту” следят за успехами Луговского на пути к признанию его пролетарским поэтом. В ноябре 1930 г. вышла статья Б. Петровского “Вл. Луговской и эпоха пролетарской революции” [26]. В январе 1931 г. печатается статья Б. Кора “Не попутчик, а союзник или враг”, в названии которой очевидна смена идеологических доминант. Понятие “попутчик” слишком аморфно: в условиях ударных лет пятилетки РАППу нужны союзники, готовые противостоять врагам пролетарской литературы, тогда как враги — подлежат уничтожению. О Луговском здесь сказано: “Недавний попутчик, талантливый и молодой поэт Луговской, <...> — этот поэт, несмотря на ряд важных недостатков, приущих его творчеству, оказывается уже таким союзником, который имеет серьезные шансы стать пролетарским писателем” [28].

В феврале 1931 г. в статье “Творческие пути пролетарской поэзии” А. Селивановский, полемизируя с тезисом Н. Полетаева о невозможности стать пролетарским поэтом поэту из интеллигентов, обреченных “остаться в плену мелкобуржуазной идеологии”, привел в пример классовую перестройку Луговского: “Творческий путь Луговского есть путь революционной переделки, — путь (хотя лишь начатого) пролетарского перевооружения революционно-союзнического поэта” [29, с. 19].

Неудивительно, что усердие Луговского под крылом РАППа, вознаграждавшееся положительными, хотя и сдержанными, откликами рапповской критики, вызывало зависть и злословие. Недобрая ирония по поводу рьяной и разнообразной активности Луговского сквозит в поэтической сатире “Человек-оркестр” в мартовском номере “На литературном посту” за 1931 г.: “От Арбата до Тверской / Оглушает Луговской / Революции кентавр! / Гром победы, / Звон литавр. / Звуков полное лукошко, / Вообще — мажорный тон: / Колокольчики, / Гармошка, / Барабан и / Флексотон. / Инструментов — / Штук за тридцать. / Превнушительный / реестр. / Как в народе говорится: — / Каждый / Сам / Себе / Оркестр!” [30].

24 сентября 1931 г. состоялось Совещание творческого актива МАПП³, на котором был представлен и обсужден отчет Луговского

² ОР ИМЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Ед. хр. 425. Л. 3–4.

³ Стенограмма совещания творческого актива МАППа 24 сент. 1931 г. // ОР ИМЛИ. Ф. 158 (МАПП). Оп. 1. Ед. хр. 16.

о проделанной за полтора года работе. Даже простое перечисление достижений Луговского должно было составить мнение о полном соответствии его трудов идеологическому курсу РАППа. Здесь и работа над поэтической книгой “Большевикам пустыни и весны” (1930), которой предшествовала четырехмесячная поездка в Среднюю Азию, Туркменистан и Узбекистан в составе ударной писательской бригады. Выступил Луговской и как один из организаторов ЛОКАФа, сплавал как военный корреспондент с Черноморским флотом в Грецию, Турцию и Италию. С ноября по февраль обрабатывал этот материал, положив в основу своей пятой книги стихов “Европа”, на момент обсуждения еще готовившейся к печати в издательстве “Федерация”. Говорил он и о своих творческих планах, о новой поездке в Среднюю Азию, чтобы написать еще одну книгу, не отвлекаясь уже на азиатскую экзотику. В отчете Луговского присутствовала предписанная РАППом самокритика. Он старательно перечислял допущенные им ошибки и “грехи”, не забывая о малейших отступлениях от принципа простоты и ясности мысли, определяющих чертах пролетарской поэзии. Однако не избежал вопроса о сущности “ошибок конструктивизма”⁴ и снова пустился в самоосуждение и рассказ о том, как он борется с наследием конструктивизма в себе, со своим “ячеством”, индивидуализмом и мучительно стремится к требуемой простоте. При обсуждении всплыла болезненная тема “внутреннего попутничества”: несмотря на все усердие Луговского, на декларированный им отказ от прошлого, признавать его своим полноправным членом РАПП не спешил. Однако в заключительном слове председателя совещания секретаря МАППа Н. Борового было признано, что доклад Луговского опровергает мнение, что перестройка попутчика в пролетарского поэта невозможна: “Я не говорю, что Луговской настолько смог перестроиться в своей работе, что можно будет сказать, что поэзия Луговского есть действительно настоящая пролетарская поэзия. <...> Важно, что он включился в эту действительность не как созерцатель, не как поэт с высокой башни, а как активный участник этой действительности, этой борьбы. <...> Но одновременно то неокрепшее достаточно еще миросозерцание сказывается <...> в последних его стихах”⁵.

Итак, РАПП, хотя и признавал успехи Луговского, все же отказывал ему в соответствии искомого статуса пролетарского поэта. Ситуация кардинально изменилась через несколько месяцев — и

уже без деятельного участия Луговского. В феврале 1932 г. началась подготовка к поэтическому совещанию. Постановление о созыве второго производственного совещания поэтов было принято секретариатом РАПП 22 февраля 1932 г.⁶ В качестве “генеральной репетиции” был запланирован новый отчет Луговского, как будто бы забыв о недавнем, прошедшем в сентябре 1931 г. обсуждении его творческих достижений. 4 марта 1932 г., завершая заседание секретариата РАПП, Л. Авербах сообщил: “На днях будет 2-я годовщина приема в РАПП Луговского и Багрицкого. Это первый опыт по приему в РАПП наиболее близких нам союзников. Мы должны проверить, правильно ли мы сделали, или неправильно, и с другой стороны, чтобы товарищи сказали, что им дал РАПП, чтобы они покритиковали. О Луговском нет никакого сомнения, что линия его развития — есть линия наибольшего приближения к нам”⁷.

Итак, Луговской стал главной фигурой заседания 10 марта 1932 г.⁸ Луговской рассказал о том, что для него “стояла проблема зарождения нового поэта, нового писателя, который действительно скажет большим голосом и простыми словами, понятным всем языком без того словоблудия и без того упадочничества и чрезмерной условности <sic>, до которых дошли наши поэты, скажет большими словами большую правду наших дней”⁹. Среди слов о стремлении к массовости творчества, к простоте, но значительности, был разбор “ошибок”, “творческая самокритика” его поэтических книг, очередные оправдания за строчку “Возьми же меня в переделку и двинь, грохоча, вперед...”, за которую его любили ругать последние два года; были слова об успешном отказе ради объективности от своего “я” в книге “Европа”; не без торжества сообщил он и о том, что больше не будет писать вещи, подобные “Песни о ветре”, где сменяются 26 ритмов. Поэт нашел в себе силы упрекнуть рапповских критиков в недостаточном внимании к его поэзии, они почти ничего не написали после выхода книги “Большевикам пустыни и весны”: “Мне объясняли так: если иного можно легко отнести к какой-то категории, то ты выбиваешься из категории. Это говорили с грустью, как будто бы так, чтобы я сам напросился в какую-то категорию”¹⁰.

⁶ ОР ИМЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Ед. хр. 175. Л. 1.

⁷ ОР ИМЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 79.

⁸ Стенограмма сохранилась в ОР ИМЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Ед. хр. 69.

⁹ ОР ИМЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Ед. хр. 69. Л. 2 об.

¹⁰ Там же. Л. 21.

⁴ Там же. Л. 18.

⁵ Там же. Л. 43.

При обсуждении доклада Луговскому хотя и указали на оставшиеся “недостатки”, по преимуществу его все же хвалили, и тон отзывов разительно отличался от дискуссии в сентябре 1931 г. По иронии один из выступавших посетовал на то, что стихи Луговского формально обеднели: “...я лично обращаю внимание на то, что в самых разнообразных местах у него повторяется ритм. Получается, как будто бы бедность ритмом. Вы посмотрите, как у него совершенно разные стихи написаны по существу одинаковым ритмом”¹¹. Неоднозначную реакцию вызвала и идея пьесы “Граница”, задуманной Луговским на основе реальных событий. По сюжету большая группа туркменских пограничников должна была противостоять огромной банде басмачей. Перед лицом смерти пограничники должны были принять в партию единственного среди них беспартийного. И, продолжая перестреливаться с басмачами, они устраивают по всем требованиям устава заседание партийной ячейки и задают кандидату полагающиеся вопросы. Гипертрофированная партийность фабулы смутила слушателей, почувствовавших сатирический потенциал сцены, хотя никто не решился однозначно высказаться против¹². В выступлении Жарова прозвучала мысль о важности новой оценки достижений Луговского для целей рапповского руководства литературой: Луговской оказался ярким первым примером перестроившегося в рапповцы интеллигента и “известным опытом, который мы можем распространять и уже распространяем в известной мере на некоторые другие близкие нам попутнические слои”¹³.

17 марта “Литературная газета” лишь кратко упомянула о прошедшем отчете Луговского [31], однако 23 марта дала полноценный обзор прошедшего заседания с оценкой отчета Луговского, творчество которого, несмотря на остатки индивидуализма, налет романтизма, некоторую абстрактность и риторику, едва ли не в первый раз было названо рапповским. Луговской, как сообщала “Литературная газета”, свидетельствует о правильности рапповской “линии на приближение к пролетариату и перестройку лучшей части интеллигенции”, а также общего “курса на размежевку” попутчиков с целью перехода их лучшей части в союзники пролетарской литературы [32].

¹¹ Там же. Л. 51 об.

¹² Там же. Л. 18.

¹³ Там же. Л. 28.

16–22 апреля 1932 г. состоялось второе поэтическое совещание, к которому РАПП готовил Луговского как вставшего на пролетарские рельсы поэта-интеллигента, доказавшего на своем примере эффективность самокритики и действенность вовлечения литератора в социалистическое строительство. “Чествование” Луговского началось уже в первые дни совещания. Опыт творческого и идеологического общения РАПП с Луговским с целью обращения его в пролетарского писателя оценивался в речи Авербаха как успешная модель работы с интеллигенцией.

Сам Луговской выступил 18 апреля. Его доклад имел отчасти характер воспоминания. Луговской вспоминал о тех, кто отговаривал некогда от вступления в РАПП с его жесткой партийной дисциплиной и идеологическим доктринерством: «от цветов, от любви, от прочей буколки, от всего, чего угодно, я должен был, по их мнению, отказаться и идти “в серый пролетарский монастырь” под звон рапповских колоколов. <...> А чем оказались мой “тупик” и моя “келья” и рапповский “колокольный звон”? Это был огромный выход во внешний мир из кризисного состояния личного “я”, из кризисного тупика в мир тем и идей, мир, ничем не стесненный. РАПП для меня был настоящей школой — и политической, и литературной»¹⁴. Еще до окончания совещания речь Луговского в спешном порядке была подготовлена для печати и в сокращенном виде вышла 21 апреля в “Известиях” [33] под заглавием “Мой путь к пролетарской литературе”. Очевидно, что переход Луговского из попутчиков-интеллигентов в пролетарские поэты был легитимизирован. 20 апреля¹⁵ ему было доверено председательствовать на вечернем заседании, а 22 апреля¹⁶ закрыть совещание: “...Это совещание показало, что старые кадры РАПП могут быть теперь более спокойными в некоторых смыслах, со всех четырех сторон двигаются новые подкрепления, со всех холмов видны штыки нового пополнения призыва ударников в литературу. На этом объявляю второе производственное совещание поэтов РАПП закрытым”¹⁷.

Поэтическое совещание, на котором фигура Луговского стала своего рода символом успеха

¹⁴ ОР ИМЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Ед. хр. 198. Л. 29.

¹⁵ Стенограмма вечернего заседания второго поэтического совещания 20 апреля 1932 г. // ОР ИМЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Ед. хр. 181.

¹⁶ Стенограмма вечернего заседания второго поэтического совещания 22 апреля 1932 г. // ОР ИМЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Ед. хр. 184. Л. 1–69.

¹⁷ Ф. 40. Оп. 1. Ед. хр. 184. Л. 69.

новой политики РАПП в отношении непролетарских писателей и свидетельством перестройки руководства Ассоциации, стало последним в жизни РАППа. 23 апреля постановлением “О перестройке литературно-художественных организаций” он прекратил свое существование.

Доклад Луговского был опубликован еще раз в новой редакции в майском номере “Красной нови” 1932 г. [34] в качестве документа “очень серьезного общественно-политического значения”: перестройку Луговского редакция журнала стремилась представить успехом не ликвидированного РАППа, а партийного руководства искусством и литературой. По словам авторов редакционного предисловия к публикации, Луговской “показывает глубокую жизненность и правильность линии партии на перестройку писателей, вышедших из рядов интеллигенции” [34, с. 175].

В самом начале 1933 г. вышел новый том Литературной энциклопедии, включавший статью Ан. Тарасенкова о Луговском. Пострапповские официальные оценки творчества поэта в целом соответствовали рапповским формулировкам весны 1932 г. и не пересматривались: “Не до конца преодолевший романтическую абстрактность художественного метода, не умеющий подчас дать показа конкретных человеческих образов, Л. на сегодняшнем этапе своего творчества, однако, закономерно входит в русло пролет. поэзии. Творчество Л. чрезвычайно богато достижениями современной поэтической техники. Богатство и разнообразие стихотворных приемов Л. ставят его в ряд крупных мастеров современной поэзии” [18].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Громова Н. Узел. Поэты. Дружбы. Разрывы. Из литературного быта конца 20-х–30-х годов. М.: Corpus, 2015. 608 с.
2. Коваленко С.А. Поэты-конструктивисты // Портреты поэтов. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 612–656.
3. Коваленко С.А. Романтики боев и походов: Николай Тихонов, Эдуард Багрицкий, Владимир Луговской, Михаил Светлов // Портреты поэтов. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 657–712.
4. Прилепин З. “Пока капкан судьбы не шелкнул...” Слово про Луговского // Прилепин З. Непохожие поэты. Трагедии и судьбы большевистской эпохи: Анатолий Мариенгоф, Борис Корнилов, Владимир Луговской. М.: Молодая гвардия, 2015. С. 243–365.
5. Зелинский К. Кентавр революции (О Владимире Луговском) // На литературном посту. 1929. № 6 (март). С. 42–50.
6. Тарасенков А. [Рецензия на книгу В. Луговского “Мускул”] // На литературном посту. 1929. № 14 (июль). С. 65–66.
7. Шемшелевич Л. О художественной литературе второй ступени и рабочем читателе // На литературном посту. 1930. № 2 (январь). С. 71–74.
8. Новые задачи // Правда. 1930. 31 января. С. 3.
9. Московская Д.С. “Я по существу мастеровой, братцы...”: Владимир Маяковский в реминисценциях пьесы Андрея Платонова “Высокое напряжение” // Русская литература. 2012. № 1. С. 178–192.
10. Московская Д.С. Андрей Платонов и литературные институты. К вопросу о комментировании произведений эпохи социалистической реконструкции // Studia Litterarum. 2019. Т. 4, № 4. С. 232–251.
11. Петровский Б. Вл. Луговской и эпоха пролетарской революции // На литературном посту. 1930. № 21–22 (ноябрь). С. 42–45.
12. Письма в редакцию // Литературная газета. 1929. 2 дек. С. 4.
13. Кут А. Кризис пролетарской поэзии // Вечерняя Москва. 1930. 10 февр. С. 3.
14. Галушкин А.Ю. Над строкой партийного решения. Неизвестное выступление В.В. Маяковского в ЦК РКП(б) // Творчество В.В. Маяковского в начале XXI века: Новые задачи и пути исследования. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 509–539.
15. В наступление по всему фронту (Основные итоги 1-й областной конференции МАПП) // На литературном посту. 1930. № 4 (февраль). С. 1–5.
16. На переломе: Итоги конференции МАПП // Рост. 1930. № 2. С. 7.
17. Два пути // Резец. 1930. № 6 (февр.). С. 1.
18. Литературная энциклопедия. Т. 6. М.: ОГИЗ РСФСР, гос. словарно-энцикл. изд-во “Сов. Энцикл.”, 1932.
19. Вечерняя Москва. 1930. 24 февр. С. 4.
20. Вечерняя Москва. 1930. 6 марта. С. 4.
21. Вечерняя Москва. 1930. 11 марта. С. 3.
22. Вечерняя Москва. 1930. 15 марта. С. 3.
23. Корниенко Н.В., Кlementьев Р.Е. Литературный центр конструктивистов на пути в РАПП (К истории литературной жизни рубежа 1920–1930-х гг.) // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 3. С. 304–321.
24. Московская Д.С. Пролетарская литература как проект // Новое литературное обозрение. 2021. № 5. С. 80–93.

25. Швецов С. На Луговского // На литературном посту. 1930. № 5–6 (март). С. 122.
26. После рокового выстрела: Владимир Маяковский и “неистовые ревнители” // Правда. 1988. 22 июля. С. 4.
27. Авербах Л., Сутырин В., Панферов Ф. Памяти Маяковского // Правда. 1930. 19 мая. С. 4–5.
28. Кор Б. Не попутчик, а союзник или враг // На литературном посту. 1931. № 2 (январь). С. 40. (39–40).
29. Селивановский А. Творческие пути пролетарской поэзии [часть 2] // На литературном посту. 1931. № 6 (февраль). С. 18–25.
30. Человек-оркестр // На литературном посту. 1931. № 8 (март). С. 39.
31. Творческий отчет В. Луговского // Литературная газета. 1932. 17 марта. С. 4.
32. Кто оказался прав? Творческий отчет В. Луговского // Литературная газета. 1932. 23 марта. С. 1.
33. Луговской В. Мой путь к пролетарской литературе. (Из доклада на поэтическом совещании в РАПП) // Известия. 1932. 21 апр. С. 4.
34. Луговской В. Мой путь к пролетарской литературе // Красная новь. 1932. № 5. С. 175–188.
35. Как мы работаем // Литературная газета. 1930. 5 июля. С. 3.
- Lugovsky). *Na literaturnom postu* [At the Literary Post]. 1929, No. 6 (March), pp. 42–50. (In Russ.)
6. Tarasenkova, A. [Retsenziia na knigu V. Lugovskogo “Muskul”] [Review of the Book by V. Lugovsky “Muscle”]. *Na literaturnom postu* [At the Literary Post]. 1929, No. 14 (July), pp. 65–66. (In Russ.)
7. Shemshelevich, L. *O khudozhestvennoi literature vtoroi stupeni i rabochem chitatele* [On Fiction of the Second Stage and the Working Reader]. *Na literaturnom postu* [At the Literary Post]. 1930, No. 2 (January), pp. 71–74. (In Russ.)
8. *Novye zadachi* [New Tasks]. *Pravda* [Truth]. Jan. 31, 1930, p. 3. (In Russ.)
9. Moskovskaya, D.S. “Ia po sushchestvu masterovoi, bratysy...”: Vladimir Maiakovskii v reministsentsiakh pjesy Andreia Platonova “Vysokoe napriazhenie” [“I am Essentially a Workman, Brothers...”: Vladimir Mayakovsky in Reminiscences of Andrey Platonov’s Play “High Voltage”]. *Russkaia literatura* [Russian Literature]. 2012, No. 1, pp. 178–192. (In Russ.)
10. Moskovskaya, D.S. *Andrei Platonov i literaturnye institutsii. K voprosu o kommentirovanii proizvedenii epokhi sotsialisticheskoi rekonstruktsii* [Andrei Platonov and Literary Institutions. To the Question of Commenting on the Works of the Era of Socialist Reconstruction]. *Studia Litterarum*. 2019, Vol. 4, No. 4, pp. 232–251. (In Russ.)
11. Petrovsky, B. *VI. Lugovskoi i epokha proletarkoi revoliutsii* [VI. Lugovskoy and the Era of the Proletarian Revolution]. *Na literaturnom postu* [At the Literary Post]. 1930, No. 21–22 (Nov.), pp. 42–45. (In Russ.)
12. *Pisma v redaktsiiu* [Letters to the Editor]. *Literaturnaya gazeta* [Literary Newspaper]. Dec. 2, 1929, p. 4. (In Russ.)
13. Kut, A. *Krizis proletarskoi poezii* [The Crisis of Proletarian Poetry]. *Vecherniaia Moskva* [Evening Moscow]. Feb. 10, 1930, p. 3. (In Russ.)
14. Galushkin, A.Yu. *Nad strokoi partiinogo resheniia. Neizvestnoe vystuplenie V.V. Maiakovskogo v TsK RKP(b)* [Above the Line of the Party Decision. Unknown Speech by V.V. Mayakovsky in the Central Committee of the RCP(b)]. *Tvorchestvo V.V. Maiakovskogo v nachale XXI veka: Novye zadachi i puti issledovaniia* [V.V. Mayakovsky at the Beginning of the 21st Century: New Tasks and Ways of Research]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2008, pp. 509–539. (In Russ.)
15. *V nastuplenie po vsemu frontu (Osnovnye itogi 1-j oblastnoi konferentsii MAPP)* [On the Offensive Along the Entire Front (Main Results of the 1st Regional Conference of the MAPP)]. *Na literaturnom postu* [At the Literary Post]. 1930, No. 4 (February), pp. 1–5. (In Russ.)
16. *Na perelome: Itogi konferentsii MAPP* [At the Turning Point: Results of the MAPP Conference]. *Rost* [Growing]. 1930, No. 2, p. 7. (In Russ.)
17. *Dva puti* [Two Ways]. *Rejets* [Cutter]. 1930, No. 6 (February), p. 1. (In Russ.)

REFERENCES

1. Gromova, N. *Uzel. Poety. Druzhby. Razryvy. Iz literaturnogo byta kontsa 20-kh–30-kh godov* [Knot. Poets. Friendship. Breaks. From the Literary Life of the Late 20s–30s]. Moscow, Corpus Publ., 2015. 608 p. (In Russ.)
2. Kovalenko, S.A. *Poety-konstruktivisty* [Constructivist Poets]. *Portrety poetov* [Portraits of Poets]. Vol. 1. Moscow, IMLI RAN Publ., 2008, pp. 612–656. (In Russ.)
3. Kovalenko, S.A. *Romantiki boev i pokhodov: Nikolai Tikhonov, Eduard Bagritskii, Vladimir Lugovskoi, Mikhail Svetlov* [Romantics of Battles and Campaigns: Nikolai Tikhonov, Eduard Bagritsky, Vladimir Lugovskoy, Mikhail Svetlov]. *Portrety poetov* [Portraits of Poets]. Vol. 1, Moscow, IMLI RAN Publ., 2008, pp. 657–712. (In Russ.)
4. Prilepin, Z. “Poka kapkan sudby ne shchelknul...” *Slovo pro Lugovskogo* [“Until the Trap of Fate Clicked...” A Word about Lugovskoy]. Prilepin, Z. *Nepokhozhie poety. Tragedii i sudby bolshevistskoi epokhi: Anatolii Mariengof, Boris Kornilov, Vladimir Lugovskoi* [Dissimilar Poets. Tragedies and Fates of the Bolshevik Era: Anatoly Mariengof, Boris Kornilov, Vladimir Lugovskoy]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2015, pp. 243–365. (In Russ.)
5. Zelinsky, K. *Kentavr revoliutsii (O Vladimire Lugovskom)* [Centaur of the Revolution (About Vladimir

18. *Literaturnaia entsiklopediia* [Literary Encyclopedia]. Vol. 6, Moscow, OGIZ RSFSR, state. dictionary-encyclopedia publishing house “Sov. Encycl.”, 1932. (In Russ.)
19. *Vecherniaia Moskva*. [Evening Moscow]. Feb. 24, 1930, p. 4. (In Russ.)
20. *Vecherniaia Moskva*. [Evening Moscow]. March 6, 1930, p. 4. (In Russ.)
21. *Vecherniaia Moskva*. [Evening Moscow]. March 11, 1930, p. 3. (In Russ.)
22. *Vecherniaia Moskva*. [Evening Moscow]. March 15, 1930, p. 3. (In Russ.)
23. Kornienko, N.V., Klementiev, R.E. *Literaturnyi tsentr konstruktivistov na puti v RAPP (K istorii literaturnoi zhizni rubezha 1920–1930-kh gg.)* [Literary Center of the Constructivists on the Way to RAPP (On the History of Literary Life at the Turn of the 1920s–1930s)]. *Studia Litterarum*. 2021, V. 6, No. 3, pp. 304–321. (In Russ.)
24. Moskovskaya, D.S. *Proletarskaya literatura kak proekt* [Proletarian Literature as a Project]. *Novoe literaturnoe obozreniye* [New Literary Review]. 2021, No. 5, pp. 80–93. (In Russ.)
25. Shvetsov, S. *Na Lugovskogo* [On Lugovsky]. *Na literaturnom postu* [At the Literary Post]. 1930, No. 5–6 (March), p. 122. (In Russ.)
26. *Posle rokovogo vystrela: Vladimir Maiakovskii i “neistovye revniteli”* [After the Fatal Shot: Vladimir Mayakovsky and the “Frantic Zealots”]. *Pravda* [Truth]. July 22, 1988, p. 4. (In Russ.)
27. Averbakh, L., Sutyurin, V., Panferov, F. *Pamiati Maikovskogo* [In Memory of Mayakovsky]. *Pravda* [Truth], May 19, 1930, pp. 4–5. (In Russ.)
28. Kor, B. *Ne poputchik, a soizuznik ili vrag* [Not a Fellow Traveler, but an Ally or an Enemy]. *Na literaturnom postu* [At a Literary Post]. 1931, No. 2 (January), pp. 39–40. (In Russ.)
29. Selivanovsky, A. *Tvorcheskie puti proletarskoi poezii [chast 2]* [Creative Ways of Proletarian Poetry [Part 2]]. *Na literaturnom postu* [At the Literary Post]. 1931, No. 6 (Feb.), pp. 18–25. (In Russ.)
30. *Chelovek-orkestr* [Man-Orchestra]. *Na literaturnom postu* [At the Literary Post]. 1931, No. 8 (March), p. 39. (In Russ.)
31. *Tvorcheskii otchet V. Lugovskogo* [Creative Report of V. Lugovsky]. *Literaturnaia gazeta* [Literary Newspaper]. March 17, 1932, p. 4. (In Russ.)
32. *Kto okazalsia prav? Tvorcheskii otchet V. Lugovskogo* [Who Was Right? Creative Report of V. Lugovsky]. *Literaturnaia gazeta* [Literary Newspaper]. March 23, 1932, p. 1. (In Russ.)
33. Lugovskoy, V. *Moi put' k proletarskoi literature. (Iz doklada na poeticheskom soveshchanii v RAPP)* [My Way to Proletarian Literature. (From a Report at a Poetry Meeting at RAPP)]. *Izvestiia* [News]. Apr. 21, 1932, p. 4. (In Russ.)
34. Lugovskoy, V. *Moi put' k proletarskoi literature* [My Way to Proletarian Literature]. *Krasnaya Nov'* [Red Novelty]. 1932, No. 5, pp. 175–188. (In Russ.)
35. *Kak my rabotaem* [How We Work]. *Literaturnaia gazeta* [Literary Newspaper]. July 5, 1930, p. 3. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 24 апреля 2022 г.
 Статья поступила после рецензирования и доработки: 15 мая 2022 г.
 Статья принята к публикации: 29 июня 2022 г.
 Дата публикации: 31 августа 2022 г.

Received by Editor on April 24, 2022
 Revised on May 15, 2022
 Accepted on June 29, 2022
 Date of publication: August 31, 2022

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800021455-6

Ранняя проза И. А. Бунина: источниковедение, текстология, атрибуция, датировка

© 2022 г. С. Н. Морозов

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 191069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
morozov.sn@yandex.ru

Резюме. В статье впервые предпринята попытка дать общее представление о текстологии ранней прозы И.А. Бунина. Рассматриваются проблемные вопросы источниковедения, текстологии, датировки, атрибуции. Дается краткий обзор архивных собраний материалов И.А. Бунина, исследуются особенности выбора основного текста ранних прозаических произведений, выявлены основные сложности в датировке ранней прозы писателя. Впервые предлагается выработанная общая методика по атрибуции анонимных или подписанных псевдонимами публикаций условно-нехудожественной прозы И.А. Бунина (статей, корреспонденций) в провинциальных газетах Орла, Киева и Одессы. Исследованные в статье основные вопросы источниковедения, текстологии, атрибуции и датировки ранней прозы писателя позволят выявить более частные проблемы и вопросы, которые будут решаться в практической работе над подготовкой первого научного Полного собрания сочинений и писем И.А. Бунина.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00347 “Раннее творчество И.А. Бунина: поэзия, проза, критика, публицистика, переводы (1883–1902 гг.)”.

Ключевые слова: И.А. Бунин, ранняя проза, источниковедение, текстология, атрибуция, датировка.

Для цитирования: Морозов С.Н. Ранняя проза И. А. Бунина: источниковедение, текстология, атрибуция, датировка // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 4. С. 43–51. DOI: 10.31857/S160578800021455-6

Ivan Bunin's Early Prose: Source Studies, Textual Criticism, Attribution, Dating

© 2022 Sergey N. Morozov

Cand. Sci. (Philol.),
Senior Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 191069, Russia
morozov.sn@yandex.ru

Abstract. The present paper represents a first attempt at the general idea of textology of Ivan Bunin's early prose. The problematic issues of source studies, textual studies, dating, and attribution are considered. Also, the paper aims at giving a brief overview of the archive collections of Ivan Bunin's materials as well as studying the problems of the choice of the main text of early prose works, and revealing the main difficulties in dating the writer's early prose. The author presents a newly developed general methodology for attribution of anonymous or pseudonymously signed publications of conditionally non-fictional prose by Ivan Bunin (articles, correspondence) in the provincial newspapers of Orel, Kiev and Odessa. The main issues of source

studies, textual studies, attribution and dating of the writer's early prose studied in the paper are to reveal more specific problems and issues that will be solved during the preparation of the first academic Complete works and letters of Ivan Bunin.

Acknowledgements. The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Scientific Foundation No. 22-18-00347 "Ivan Bunin's early work: poetry, prose, criticism, journalism, translations (1883–1902)".

Key words: Ivan Bunin, early prose, source studies, textual criticism, attribution, dating.

For citation: Morozov, S.N. *Rannyyaya proza I. A. Bunina: istochnikovedenie, tekstologiya, atribuciya, datirovka* [Ivan Bunin's Early Prose: Source Studies, Textual Criticism, Attribution, Dating]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 4, pp. 43–51. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800021455-6

Отечественные литературоведы начали заниматься изучением творчества И.А. Бунина с середины 1950-х годов. После долгого периода замалчивания имени писателя в СССР настоящим открытием для русского читателя стало Собрание сочинений И.А. Бунина в 5 томах, вышедшее в качестве приложения к журналу "Огонек" в 1956 г. [1]. Это было первое собрание сочинений писателя, выпущенное массовым тиражом. И уже в этом популярном издании, которое готовилось П.Л. Вячеславовым, были предприняты первые попытки текстологического исследования прозы Бунина: в примечаниях иногда говорилось об авторской правке текстов рассказов при их последующих публикациях, приводились некоторые разночтения из разных публикаций конкретного рассказа. Это был самый первый период изучения творчества писателя и издания его текстов. В то время еще совершенно не была разработана библиография Бунина, были неизвестны очень многие сохранившиеся автографы произведений писателя, его переписка и другие архивные документы. П.Л. Вячеславов начал переписку с В.Н. Муромцевой-Буниной, задавал ей необходимые вопросы, посылал ей некоторые публикации из русской прессы. Вера Николаевна, в свою очередь, пыталась ответить на все поставленные вопросы, кое-что присылала из архива И. Бунина. Личный архив П.Л. Вячеславова, к сожалению, сохранился фрагментарно¹, в небольшом личном фонде П.Л. Вячеславова в Отделе рукописей ИМЛИ РАН хранятся, в частности, машинописные копии писем В.Н. Буниной к нему. В парижском архиве В.Н. Буниной сохранилось 29 писем П.Л. Вячеславова к ней².

Такие же фрагментарные попытки представить историю работы писателя с текстами были предприняты и в более поздних собраниях сочинений

Бунина: в 9 томах [2] и в 6 томах [3]. Однако систематического и масштабного исследования текстологии прозы Бунина до настоящего времени не предпринималось, научного издания художественной прозы писателя до сих пор нет. На данный момент существует только первое научное издание поэзии И.А. Бунина, подготовленное Т.М. Двинятиной [4].

Благодаря полученному гранту Российского научного фонда "Раннее творчество И.А. Бунина: поэзия, проза, критика, публицистика, переводы (1883–1902 гг.)" мы имеем возможность фактически начать подготовку первого научного Полного собрания сочинений и писем И.А. Бунина. Пакет документов для подготовки этого собрания сочинений (положение, текстологическая инструкция, план-проспект) был составлен в рамках предыдущего нашего проекта РНФ "Академический Бунин. Источниковедение, текстология, методология", прошел обсуждение среди ведущих текстологов ИМЛИ РАН, после внесения необходимых уточнений он выложен на портале "Академический Бунин". На данном портале представлены итоги работы научного коллектива, создавшего фундаментальную источниковедческую и текстологическую базу для дальнейшей работы по подготовке научного Полного собрания сочинений и писем И.А. Бунина.

В дополнение к текстологической инструкции более детально принципы и методы текстологии прозы Бунина выработаны и представлены в двух наших статьях (в соавторстве с Т.М. Двинятиной): "Проза И.А. Бунина. Выбор основного текста (к постановке вопроса)" [5]; "Проза И.А. Бунина 1917–1920 гг. К вопросу об основном тексте" [6].

Источниковедение

Следует отметить, что с самого начала своего творческого пути будущий писатель пытался работать практически во всех литературных видах и

¹ ОР ИМЛИ. Ф. 550.

² РАЛ. MS 1067/7405–7439.

жанрах: поэзия и проза, критика и публицистика, журнальные обзоры и рецензии, переводы иностранных авторов (прозаические и поэтические), газетные передовицы и статьи по общественным и хозяйственным вопросам, корреспонденции и театральные рецензии. Таким образом, к этому раннему периоду относятся практически все эти тексты, с чем связана и широкая тема всего нашего проекта.

Как вспоминал Бунин, он начал пытаться писать с 8 лет [2, т. 9, с. 257]. Однако автографы его ранних произведений сохранились за более поздние годы: поэзия с 1883 г., проза и переводы с 1886 г., критика с 1888 г. Как известно, печататься Бунин начал в 1887 г., почти одновременно появляются в печати его стихотворения, рассказы, статьи, корреспонденции, поэтические и прозаические переводы.

Необходимо обратить внимание на такую закономерность: сохранились автографы тех произведений, которые Бунин не печатал, а появившиеся в печати произведения за редким исключением не имеют автографов. Это объясняется тем, что Бунин очень не любил оставлять черновики своих рукописей, а беловики отправлялись в редакции журналов и газет. После опубликования сочинений, посланных в периодические издания, писатель уничтожал все черновики. Например, из ранних прозаических текстов до нас дошли автографы только тех сочинений, которые не были напечатаны: повесть “Увлечение” (1886–1887)³, рассказы “Свет жизни” (1887)⁴, <“Песня жаворонка”> (1887)⁵.

Дошедшие до нас автографы (черновики, машинописи с правкой), которые относятся как к раннему, так и к более позднему периодам творчества писателя, хранятся сегодня в целом ряде отечественных и зарубежных архивохранилищ (ОГЛМТ. Ф. 14; РГАЛИ. Ф. 44; ОР ИМЛИ. Ф. 3; ОР РГБ. Ф. 429; ГЛМ. Ф. 52; ОР ИРЛИ; ОР РНБ; РАЛ, Великобритания).

По поводу печатных источников прозаических сочинений писателя следует заметить, что особенно в ранний период своего творчества Бунин печатался в самых различных периодических изданиях: это были популярные иллюстрированные журналы, провинциальные газеты, детские журналы. Однако вскоре его произведения начали появляться в “толстых” журналах: с 1889 г.

в “Северном вестнике”, с 1890 г. в “Наблюдателе”, с 1892 г. в “Мире Божьем”, с 1893 г. в “Русском богатстве” и “Вестнике Европы”, с 1896 г. в “Русской мысли”.

До недавнего времени библиография Бунина была недостаточно полно собрана и доступна. В настоящее время наиболее полная библиография изданий произведений Бунина и литературы о нем представлена на портале “Академический Бунин”, она является одной из важнейших фундаментальных основ для работы по подготовке научного Полного собрания сочинений и писем Бунина. Безусловно, в процессе этой работы настоящая библиография будет пополняться и уточняться.

Текстология

Самые ранние прозаические сочинения Бунина, не попавшие в печать: повесть “Увлечение” и рассказы “Свет жизни” и <“Песня жаворонка”>, известные нам только по автографам, именно по этим автографам и будут печататься в научном Полном собрании сочинений писателя. Ранние напечатанные рассказы Бунина в основном имели только одну публикацию, но не имели автографа, следовательно, в научном собрании сочинений эти тексты будут печататься по имеющейся единственной публикации, например, рассказы “Нефедка” (1887), “День за день” (1889), “Первая любовь” (1890) и др. Однако были исключения. Так, например, первый напечатанный рассказ “Два странника” (1887) [7] через два года Бунин опубликовал второй раз в газете “Орловский вестник” [8]. Две публикации одного произведения дают возможность провести текстологическую работу при подготовке этого рассказа для научного Полного собрания сочинений Бунина. В газетной публикации рассказ появился не только под другим заглавием “Божьи люди. Очерк”, были также изменены имена двух героев рассказа и была внесена довольно существенная правка: стилистическая и содержательная. На примере этого раннего рассказа мы видим, что Бунин уже проявил свою основную авторскую черту: при каждой новой публикации основательно править свои тексты.

Начиная с рассказов, появившихся в журнале “Русское богатство” в 1893 и 1895 гг., количество последующих авторских публикаций конкретных произведений значительно увеличивается: например, рассказ “Танька” был опубликован автором 10 раз, “Кастрюк” — 13 раз, “На хуторе” — 7 раз. Здесь предстоит серьезная текстологическая работа и по определению основного

³ ОГЛМТ. Ф. 14. № 963 оф.

⁴ ОГЛМТ. Ф. 14. № 962, 8760 оф.

⁵ ОГЛМТ. Ф. 14. № 966 оф.

текста, и по выявлению разночтений. Принимая во внимание выработанный нами (в соавторстве с Т.М. Двинятиной) в двух статьях принцип определения основного текста прозы Бунина [5], [6], ранние рассказы, публиковавшиеся автором несколько раз, следует печатать по последней доэмигрантской авторской публикации. В основном это будет текст Полного собрания сочинений Бунина в 6 томах (Пг., 1915) [9], например, для 11 рассказов данное издание было последней авторской публикацией. Однако в остальных случаях следует определять основной текст по каждому произведению отдельно.

Например, рассказ “На Донце” (1895) публиковался Буниным 8 раз, последний раз в России он был напечатан в Полном собрании сочинений (Пг., 1915) [9, т. 2, с. 95–104], а в эмиграции этот рассказ был напечатан писателем еще один раз в парижской газете “Последние новости” 15 марта 1930 г. под новым заглавием “Святые Горы” [10]. История публикации этого рассказа и его текстология требуют отдельного исследования. Здесь мы только обратим внимание на то, что данный рассказ был дважды отвергнут в редакциях журналов “Северный вестник” и “Вестник Европы”, в связи с чем впервые был напечатан только в сборнике Бунина “На край света и другие рассказы” (СПб., 1897) [11, с. 233–254].

В эмиграции для газетной публикации Бунин значительно сократил и отредактировал текст рассказа: переписаны некоторые фразы и предложения, были вычеркнуты отдельные абзацы, изъяты целиком вторая глава, вторая половина третьей главы. Таким образом, в “Последних новостях” [10] появился совсем другой текст. Возможно, так резко сократив рассказ, Бунин пытался подогнать его под нужный объем одного газетного подвала, а может быть, его побудило так отредактировать текст творческое желание — сделать рассказ более сжатым, убрав описание двух спутников и диалоги с ними. Так или иначе, в научном Полном собрании сочинений Бунина основной текст рассказа “На Донце” должен печататься по Полному собранию сочинений (Пг., 1915) [9, т. 2, с. 95–104], а эмигрантский сокращенный и переработанный вариант рассказа должен быть полностью воспроизведен в разделе редакций и вариантов.

Рассказ “Антоновские яблоки” (1900) публиковался автором 12 раз, последняя публикация была уже в эмиграции в 1921 г. [12], а в России этот рассказ был в последний раз напечатан в 1919 г. в небольшом сборнике Бунина “Избранные рассказы”, вышедшем в серии “Народно-школьная

библиотека” [13]. После исследования нами текстологии всех публикаций рассказа “Антоновские яблоки” [14] удалось установить, что в 3-х изданиях сборника Бунина “Избранные рассказы” [15] Бунин подготовил несколько сокращенный текст специально для серии “Народно-школьная библиотека” [14, с. 720–721]. Таким образом, в качестве основного текста рассказа “Антоновские яблоки” для публикации в научном Полном собрании сочинений Бунина следует избрать текст Полного собрания сочинений (Пг., 1915) [9, т. 2, с. 163–177].

Подготавливая рассказ “Сосны” (1901) к единственной публикации в эмиграции в сборнике “Начальная любовь” [12, с. 129–144], Бунин по сравнению с Полным собранием сочинений (Пг., 1915) [9, т. 2, с. 196–206] — последней авторской публикацией в России — по обыкновению сокращает рассказ, убирая некоторые выражения и фрагменты предложений, вычеркивает конец 1-й главы и начало 2-й главы с последним ее абзацем, объединяя их в одну. Надо заметить, что в сборнике “Начальная любовь” [12, с. 129–144] в тексте рассказа были допущены несколько опечаток. По принятому текстологическому принципу, в качестве основного текста будет взят текст Полного собрания сочинений (Пг., 1915) [9, т. 2, с. 196–206].

По этим нескольким примерам можно уже понять, что выбор основного текста будет аналитически определяться и обосновываться отдельно по отношению к каждому рассказу, публиковавшемуся несколько раз. Даже при выработанных нами принципах выбора основного текста формального подхода к решению этого основополагающего вопроса текстологии быть не может.

Атрибуция

Отдельный вопрос — это атрибуция текстов Бунина, опубликованных без подписи. В основном это относится к его корреспонденциям, передовым статьям, которые он публиковал, например, в газетах “Орловский вестник” и “Киевлянин”. В рамках нашего проекта мы начали работу по атрибуции этих материалов, уже имеются определенные результаты и вырабатывается конкретная методика.

В газете “Орловский вестник” Бунин работал в редакции наиболее плодотворно в 1890–1891 гг., он там “был всем, чем придется, — и корректором, и передовиком, и театральным критиком” [2, т. 9, с. 260], помимо текущей редакционной работы начинающий писатель публиковал в газете свои стихи и прозу, переводы. Бунин писал для газеты

“Орловский вестник” передовые статьи на разные актуальные темы, вел новостные рубрики “Дневник” и “Наука и искусство”, где сообщались известия о новых театральных постановках, событиях городской жизни и др. Принимал участие в рубрике “Литература и печать”. Все эти тексты публиковались без подписи. Установить авторство этих многочисленных публикаций не представляется возможным, однако значительную часть их удалось атрибутировать, во-первых, на основании упоминаний конкретных публикаций в письмах Бунина к его старшему брату Ю.А. Бунину, а во-вторых, по сохранившимся редакционным подшивкам “Орловского вестника”, в которых имеются карандашные пометы “Бун” — эти пометы были необходимы для расчета гонорара сотрудникам редакции. К сожалению, эти редакционные подшивки сохранились не полностью, часть их погибла во время войны. В Государственном архиве Орловской области сохранились редакционные подшивки 1890 г. за январь—июнь⁶; 1891 г. за январь—июнь⁷, подшивки за вторую половину года указанных лет отсутствуют.

Таким образом, благодаря упоминаниям в переписке и карандашным пометам в редакционных подшивках к настоящему времени удалось атрибутировать 29 публикаций Бунина за 1890—1891 гг., напечатанных в “Орловском вестнике” без подписи или под криптонимами.

Ситуация с газетой “Киевлянин” сложнее, т.к. никаких редакционных подшивок не сохранилось, а упоминание о публикациях корреспонденций Бунина, появлявшихся в данной газете всегда без подписи, есть только самого общего характера. Например, В.Н. Муромцева-Бунина в книге “Жизнь Бунина” пишет о полтавском периоде жизни начинающего писателя: «Когда начались земские собрания, то вся семья Буниных с большим интересом посещала их, когда это было возможно. А младший Бунин стал посылать корреспонденции в газеты “Киевлянин”, “Харьковский вестник”, что увеличивало его заработок. Кроме отчетов о земских собраниях, он посылал корреспонденции о текущих делах, о борьбе с насекомыми, об урожаях свекловицы и т.д.» [16, с. 130].

По такой очень скудной информации довольно проблематично атрибутировать какие-либо тексты Бунина. Однако была предпринята попытка решить эту проблему. В первую очередь были фронтально просмотрены все подшивки газеты

“Киевлянин” за 1892—1897 гг. — именно за те годы, когда Бунин приезжал в Полтаву, потом жил и работал там. Во время просмотра выявлялись все опубликованные корреспонденции из Полтавы и полностью фотокопировались. В результате этой работы были собраны копии всех выявленных корреспонденций из Полтавы и распределены по годам. После сплошного прочитывания собранного материала удалось выявить следующую закономерность: часть этих корреспонденций была написана на основе сообщений о полтавских новостях из других южных газет, данные корреспонденции были озаглавлены просто — “Полтава”; другая большая часть корреспонденций имела более развернутый текст и печаталась под заголовком «Полтава. (Корреспондент <Киевлянина>)». Первую часть этих публикаций, по всей видимости, стоит сразу исключить из возможных публикаций Бунина, т.к. эти сообщения составлялись, скорее всего, редакционными сотрудниками “Киевлянина”, которые просматривали южную прессу и выписывали оттуда наиболее интересные и значимые новости о Полтаве.

По поводу второй части собранных публикаций есть проблемные вопросы: во-первых, Бунин мог быть не единственным полтавским корреспондентом “Киевлянина”, во-вторых, при исследовании этой части публикаций было необходимо соотносить даты событий, о которых рассказывалось в корреспонденциях, и время пребывания Бунина в Полтаве, т.к. естественно предположить, что, уезжая из Полтавы, он уже не мог писать о городских событиях и посылать свои корреспонденции в “Киевлянин”. Однако во втором случае не надо забывать тот факт, что в Полтаве в указанные годы постоянно жил и работал Ю.А. Бунин — старший брат начинающего писателя. Можно предположить, что во время отсутствия И. Бунина в Полтаве Юлий Алексеевич мог посылать ему городские новости, вышедшие брошюры с отчетами губернской земской управы и другие материалы, на основе которых Иван Алексеевич мог продолжать писать корреспонденции и посылать их в “Киевлянин”. При этом, конечно, нельзя проводить атрибуцию этих публикаций по стилю, т.к. в основном это был общий газетный стиль, который, по всей видимости, выдерживался сотрудниками данной газеты. Однако, на наш взгляд, при тщательном изучении собранных текстов можно выявить некоторые особенности именно бунинских корреспонденций. Так или иначе атрибуцию каждого текста требуется проводить отдельно, с привлечением всех возможных косвенных свидетельств: тематика корреспонденции, место нахождения Бунина

⁶ ГАОО. № 1271, 1272.

⁷ ГАОО. № 1273, 1274.

в дни описываемых событий, возможные краткие упоминания в переписке и т.д.

По самым предварительным подсчетам в газете “Киевлянин” было обнаружено более 100 предполагаемых публикаций Бунина. Это пока очень предварительные результаты, требующие специального исследования и подтверждения авторства Бунина в каждой отдельно взятой статье.

Датировка

Вопросам датировки была посвящена наша статья “Проблема датировки прозы И.А. Бунина” [17]. В основном, в статье рассматривалась датировка произведений зрелого периода творчества писателя в России и в эмиграции. Из ранних сочинений исследована датировка только трех рассказов “Перевал” (1892–1898), “Скит” (1901), “Свиданье” (1902) [17, с. 318–320]. Более широкого изучения датировки ранней прозы писателя еще не предпринималось.

Одна из главных проблем в вопросе датировки ранней прозы Бунина заключается в том, что почти не сохранилось автографов опубликованных рассказов. А в печатных текстах (в газетах и журналах) авторские даты в ранний период своего творчества Бунин не ставил. В связи с этим при определении даты написания того или иного произведения этого периода мы можем исходить только из даты первой публикации его или основываясь на авторских датах, поставленных в Полном собрании сочинений (Пг., 1915) [9].

В сохранившихся автографах ранних ненапечатанных произведений Бунина всегда стояли даты. При определении датировки в опубликованных рассказах необходимо принимать во внимание не только дату первой публикации, но пытаться собирать все прямые и косвенные сведения о конкретном произведении из переписки Бунина, упоминании в дневниках и других документах.

Следует отметить, что из ранних произведений Бунина в Полное собрание сочинений (Пг., 1915) вошли рассказы 1892–1902 гг., но не все — 11 рассказов этого периода не были включены Буниным в это издание. А в эмигрантское Собрание сочинений (Петрополис) [18, т. I] ранняя проза вообще не вошла до 1906 г. включительно.

Датировка самых ранних рассказов Бунина “Два странника” и “Нефедка”, опубликованных в журнале “Родина” в 1887 г., на наш взгляд, не вызывает сомнения: оба они были написаны в 1887 г. Однако можно попытаться датировать эти рассказы более точно. Рассказ “Два странника” впервые был напечатан в “Родине”

28 сентября 1887 г. [7], следовательно, он был написан не позднее конца августа 1887 г., т.к. следующее время должно было уйти на посылку рукописи рассказа в редакцию журнала в Петербург, рассмотрение редактором вопроса о принятии его к печати, набор текста, корректуру и т.д. Особо отметим, что в таких случаях более целесообразно определять именно возможную позднюю границу даты написания, потому что мы точно не можем знать, сколько времени над этим рассказом работал Бунин, т.е. начало написания данного рассказа определить невозможно.

По такой же методике можно датировать и второй рассказ “Нефедка”, который был напечатан в “Родине” 20 декабря 1887 г. [19]. Таким образом, данный рассказ мог быть написан не позднее второй половины ноября 1887 г. Хотя нельзя исключать и такой вариант, что оба рассказа могли быть посланы одновременно — в конце августа 1887 г., но это предположение ни на чем не основано, поэтому будет более аргументировано опираться только на дату публикации в журнале.

Что касается произведений, опубликованных в газетах, то, по нашему мнению, датировать их можно еще более точно, но опять-таки по вышеизложенной методике. Так, рассказ “День за день” напечатан в газете “Орловский вестник” 22 ноября 1889 г. [20]. Однако при датировке следует обращать внимание на местонахождение Бунина, его здоровье и другие детали. В самом начале ноября 1889 г. юный писатель приехал на несколько дней в Орел, затем, в начале 10-х чисел ноября, взяв аванс в “Орловском вестнике”, уехал в Харьков к Ю.А. Бунину, по приезде в Харьков Бунин заболел [21, с. 64]. По всей видимости, именно в Харькове, между 12 и 20 ноября он написал рассказ “День за день” и послал его в “Орловский вестник” в счет погашения взятого аванса. Таким образом, этому рассказу можно дать редакторскую дату: между 12 и 20 ноября 1889 г.

Следуя этой методике, можно датировать и рассказ “Первая любовь”, напечатанный в двух номерах “Орловского вестника” 13 и 14 февраля 1890 г. [22]. Скорее всего, Бунин сам привез в редакцию свой новый рассказ, т.к. в это время уже был сотрудником этой газеты и периодически бывал в Орле. Исходя из вышеизложенной методики, рассказ “Первая любовь” можно датировать так: до 11 февраля 1890 г. Аналогичным образом можно датировать и другие ранние рассказы Бунина 1890–1891 гг.

Отдельно следует сказать о рассказе “Мелкопоместные”, который публиковался в “Орловском вестнике” частями с 27 октября по 22 декабря

1891 г. [23]. Этот рассказ имел подзаголовок “Очерки из жизни елецких помещиков”, а перед текстом стояла римская цифра I. Опубликованные части складываются по сюжету и действующим лицам в один большой рассказ. По всей видимости, Бунин задумал написать цикл таких очерков, но позднее общее заглавие “Мелкопоместные” уже не употреблял. Возможно, рассказ “Помещик Воргольский” [24] мог быть следующим очерком из цикла “Мелкопоместные”, но Бунин опубликовал его как самостоятельный рассказ с подзаголовком «Из очерков “Старое и новое”».

Для датировки рассказа “Мелкопоместные” следует привлечь дополнительные свидетельства, т.к. создавался этот длинный рассказ в продолжение двух месяцев. Начало работы над этим произведением опять-таки определить сложно, т.к. никаких автографов не сохранилось. Так или иначе, у Бунина был написан первый фрагмент рассказа в начале 20-х чисел октября 1891 г., потому что публикация его началась в “Орловском вестнике” 27 октября 1891 г. [23]. Затем наступает довольно большой перерыв, который был связан с обстоятельствами, изложенными Буниным в письме к Ю.А. Бунину от 25 ноября 1891 г., речь идет о ссоре с редактором газеты Б.П. Шелеховым: «Что мне делать с эдаким мерзавцем? <...> Начал я “Мелкопоместн<ых>”, но тут мы поссорились и он, идиот, в пику мне решил, что напечат<ает> 2 главу только по окончании “Сердца женщины” <П. Бурже>. Просто не знаю, что делать, а дописать надо...» [21, с. 124]. Последние слова из письма говорят о том, что Бунин последовательно работал над рассказом, а не написал его сразу целиком. Вскоре публикация рассказа “Мелкопоместные” продолжилась. Таким образом, датировать этот рассказ, на наш взгляд, следует широкой датой: с 25 октября — до 20 декабря 1891 г.

Датировке рассказов, публиковавшихся Буниным несколько раз, следует уделить отдельное внимание. Дело в том, что авторские даты под текстами рассказов Бунина стали появляться, начиная с его сборника “Перевал” (М., 1912) [25], а также все тексты в Полном собрании сочинений (Пг., 1915) [9] имеют авторские даты. Безусловно, при датировке ранней прозы Бунина следует принимать во внимание эти авторские даты, однако их необходимо критически проверять. Так, например, рассказ “На Донце”, который был в последний раз опубликован автором уже в эмиграции в газете “Последние новости”, имеет авторскую дату “1894 г.” [10],

однако в дореволюционных изданиях этот рассказ — в сборнике “Перевал” [25, с. 146] и в Полном собрании сочинений [9, с. 104] — датирован 1895 г. Таким образом, в научном Полном собрании сочинений Бунина рассказ “На Донце” должен быть датирован 1895 г., потому что в эмигрантской газетной публикации в дате могла быть простая опечатка или можно допустить ошибку памяти писателя.

Подготовка научного Полного собрания сочинений и писем И.А. Бунина предпринимается впервые. В рамках подготовки данного первого научного издания предстоит огромная текстологическая и источниковедческая работа. В нашей статье мы представили основные проблемные вопросы настоящего научного проекта, однако не все, например, не затрагивался вопрос комментирования художественных и других прозаических текстов писателя, т.к. это тема для отдельных исследований. Исходя из поставленных задач и главной научной проблемы — представить в научном издании критически выверенные тексты Бунина без каких-либо искажений, — нам предстоит впервые собрать максимально возможный объем всего литературного наследия писателя, представить все имеющиеся разночтения (варианты и редакции) и написать реальный и историко-литературный комментарий. В дальнейшем требуются отдельные исследования по датировке прозы И.А. Бунина, уточнение и детализация выработанных общих текстологических принципов, методики атрибутирования анонимных текстов писателя. Решение всех указанных научных задач возможно только в практической работе над подготовкой Полного собрания сочинений и писем И.А. Бунина, которая уже началась.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бунин И.А. Собрание сочинений: в 5 т. / вступ. ст. Л.В. Никулина; подгот. текста и примеч. П.Л. Вячеславова. М.: Правда, 1956. (Библиотека “Огонек”).
2. Бунин И.А. Собрание сочинений: в 9 т. / под общ. ред. А.С. Мясникова, Б.С. Рюрикова, А.Т. Твардовского. М.: Худож. лит., 1965–1967.
3. Бунин И.А. Собрание сочинений: в 6 т. / ред. кол.: Ю.В. Бондарев, О.Н. Михайлов, В.П. Рынкевич. М.: Худож. лит., 1987–1988.
4. Бунин И.А. Стихотворения: в 2 т. / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Т.М. Двинятиной. СПб.: Пушкинский Дом, Вита Нова, 2014. (Новая Библиотека поэта).

5. Двинятина Т.М., Морозов С.Н. Проза И.А. Бунина. Выбор основного текста (к постановке вопроса) // Литературный факт. 2020. № 2 (16). С. 68–79.
6. Двинятина Т.М., Морозов С.Н. Проза И.А. Бунина 1917–1920 гг. К вопросу об основном тексте // Литературный факт. 2021. № 3 (21). С. 220–227.
7. Бунин И.А. Два странника // Родина. 1887. № 39. 28 сентября. Стб. 1224–1229.
8. Бунин И.А. Божьи люди: Очерк // Орловский вестник. 1889. 20 сентября. № 125. С. 2–3.
9. Бунин И.А. Полное собрание сочинение: в 6 т. Пг.: Изд. Т-ва А.Ф. Маркс, 1915. (Бесплатное приложение к журналу “Нива”).
10. Бунин И.А. Святые Горы // Последние новости. Париж, 1930. 15 марта. № 3279. С. 2.
11. Бунин И.А. На край света и другие рассказы. СПб.: Изд. О.Н. Поповой, 1897.
12. Бунин И.А. Начальная любовь. Прага: Славянское издательство, 1921.
13. Бунин И.А. Избранные рассказы. 3-е изд. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1919. (Сер. “Народно-школьная библиотека”).
14. Морозов С.Н. Текстология рассказа И.А. Бунина “Антоновские яблоки” // Творчество И.А. Бунина в историко-литературном контексте (биография, источниковедение, текстология) / ред.-сост. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов. М.: Литфакт, 2019. С. 704–727. (Академический Бунин; вып. 1).
15. Бунин И.А. Избранные рассказы. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1914. (Сер. “Народно-школьная библиотека”). 2-е изд. М., 1918.
16. Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина, 1870–1906. Беседы с памятью / сост., предисл. и примеч. А.К. Бабореко. М.: Сов. писатель, 1989.
17. Морозов С.Н. Проблема датировки прозы И.А. Бунина // Литературный факт. 2017. № 4. С. 317–325.
18. Бунин И.А. Собрание сочинений: в 11 т. Берлин: Петрополис, 1934–1936.
19. Бунин И.А. Нефедка: Святочный рассказ // Родина. 1887. № 51. 20 декабря. Стб. 1613–1615.
20. Бунин И.А. День за день: Старая история // Орловский вестник. 1889. 22 ноября. № 156. С. 2.
21. Летопись жизни и творчества И.А. Бунина / сост. С.Н. Морозов. Т. 1 (1870–1909). М.: ИМЛИ РАН, 2011.
22. Бунин И.А. Первая любовь. Из воспоминаний детства: Рассказ // Орловский вестник. 1890. 13 февраля. № 26. С. 2–3; 14 февраля. № 27. С. 2–3.
23. Бунин И.А. Мелкопоместные: Очерки из жизни елецких помещиков // Орловский вестник. 1891. 27 октября. № 285. С. 2; 29 ноября. № 317. С. 2; 8 декабря. № 326. С. 2–3; 13 декабря. № 331. С. 2–3; 17 декабря. № 335. С. 2–3; 22 декабря. № 340. С. 2. Подпись: И.А.Б.
24. Бунин И.А. Помещик Воргольский: Из очерков “Старое и новое” // Орловский вестник. 1892. 3 июня. № 143. С. 2; 4 июня. № 144. С. 2–3; 5 июня. № 145. С. 2; 6 июня. № 146. С. 2.
25. Бунин И.А. Перевал и другие рассказы. 4-е изд., испр. и доп. М.: Московское книгоиздательство, 1912.

REFERENCES

1. Bunin, I.A. *Sobranie sochinenii v 5 t.* [Collected Works in 5 Volumes], introd. by L.V. Nikulin; text and notes by P.L. Viacheslavov. Moscow, Pravda Publ., 1956. (Biblioteka “Ogonek”). (In Russ.)
2. Bunin, I.A. *Sobranie sochinenii v 9 t.* [Collected Works in 9 Volumes], ed. by A.S. Miasnikov, B.S. Riurikov, A.T. Tvardovsky. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1965–1967. (In Russ.)
3. Bunin, I.A. *Sobranie sochinenii v 6 t.* [Collected Works in 6 Volumes], ed. by Iu.V. Bondarev, O.N. Mikhailov, V.P. Rynkevich. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1987–1988. (In Russ.)
4. Bunin, I.A. *Stikhotvoreniia v 2 t.* [Poems in 2 Volumes], introd., ed. by T.M. Dviniatina. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., Vita Nova Publ., 2014. (Novaia Biblioteka poeta series). (In Russ.)
5. Dviniatina, T.M., Morozov, S.N. *Proza I.A. Bunina. Vybor osnovnogo teksta (k postanovke voprosa)* [Ivan Bunin’s Prose. The Choice of the Main Text Question]. *Literaturnyi fakt* [Literary Fact]. 2020, No. 2 (16), pp. 68–79. (In Russ.)
6. Dviniatina, T.M., Morozov, S.N. *Proza I.A. Bunina 1917–1920 gg. K voprosu ob osnovnom tekste* [Prose by Ivan Bunin’s Prose of 1917–1920. The Choice of the Main Text Question]. *Literaturnyi fakt* [Literary Fact]. 2021, No. 3 (21), pp. 220–227. (In Russ.)
7. Bunin, I.A. *Dva strannika* [Two Wanderers]. *Rodina* [Motherland]. 1887, No. 39, September 28, Column 1224–1229. (In Russ.)
8. Bunin, I.A. *Bozhji liudi: Ocherk* [God’s People: An Essay]. *Orlovskii vestnik* [Oryol Bulletin]. 1889, September 20, No. 125, pp. 2–3. (In Russ.)
9. Bunin, I.A. *Polnoe sobranie sochinenii v 6 t.* [Complete Works in 6 Volumes]. Petrograd, Izd. T-va A.F. Marks Publ., 1915. (*Besplatnoe prilozhenie k zhurnalu “Niva”* [“Niva” Series]). (In Russ.)
10. Bunin, I.A. *Sviatye Gory* [Holy Mountains]. *Poslednie novosti* [The Last News]. Paris, 1930, March 15, No. 3279, p. 2. (In Russ.)
11. Bunin, I.A. *Na krai sveta i drugie rasskazy* [To the End of the World and Other Stories]. St. Petersburg, Izd. O.N. Popovoi Publ., 1897. (In Russ.)

12. Bunin, I.A. *Nachalnaia liubov* [Initial Love]. Prague, Slavianskoe izdatelstvo Publ., 1921. (In Russ.)
13. Bunin, I.A. *Izbrannye rasskazy* [Selected Stories]. 3-e edition. Moscow, Knigoizdatelstvo pisatelei v Moskve Publ., 1919. ("Narodno-shkolnaia biblioteka" Series). (In Russ.)
14. Morozov, S.N. *Tekstologiya rasskaza I.A. Bunina "Antonovskie iabloki"* [Textology of Ivan Bunin's Short Story "Antonov Apples"]. *Tvorchestvo I.A. Bunina v istoriko-literaturnom kontekste (biografiia, istochnikovedenie, tekstologiya)* [Ivan Bunin's Creative Work in the Historical and Literary Context (Biography, Source Studies, Textual Studies)], ed. by O.A. Korostelev, S.N. Morozov. Moscow, Litfakt Publ., 2019, pp. 704–727. (Akademicheskii Bunin series, issue 1). (In Russ.)
15. Bunin, I.A. *Izbrannye rasskazy* [Selected Stories]. Moscow, Knigoizdatelstvo pisatelei v Moskve Publ., 1914. ("Narodno-shkolnaia biblioteka" Series). 2nd ed. Moscow, 1918. (In Russ.)
16. Muromtseva-Bunina, V.N. *Zhizn' Bunina, 1870–1906. Besedy s pamiatiu* [Bunin's Life, 1870–1906. Conversations with Memory], ed. by A.K. Baboreko. Moscow, Sov. pisatel Publ., 1989. (In Russ.)
17. Morozov, S.N. *Problema datirovki prozy I.A. Bunina* [The Problem of Dating Ivan Bunin's Prose]. *Literaturnyi fakt* [Literary Fact]. 2017, No. 4, pp. 317–325. (In Russ.)
18. Bunin, I.A. *Sobranie sochinenii v 11 t.* [Collected Works in 11 Volumes] Berlin, Petropolis Publ., 1934–1936. (In Russ.)
19. Bunin, I.A. *Nefedka: Sviatochnyi rasskaz* [Nefedka: A Yuletide Story]. *Rodina* [Motherland]. 1887, No. 51, December 20, Column 1613–1615. (In Russ.)
20. Bunin, I.A. *Den' za den': Staraia istoriia* [Day by Day: An Old Story]. *Orlovskii vestnik* [Oryol Bulletin]. 1889, November 22, No. 156, p. 2. (In Russ.)
21. *Letopis zhizni i tvorchestva I.A. Bunina* [Chronicle of the Life and Works of Ivan Bunin], ed. by S.N. Morozov. Vol. 1 (1870–1909). Moscow, IMLI RAN Publ., 2011. (In Russ.)
22. Bunin, I.A. *Pervaia liubov'. Iz vospominanii detstva: Rasskaz* [First Love. From Childhood Memories: A Story]. *Orlovskii vestnik* [Oryol Bulletin]. 1890, February 13, No. 26, pp. 2–3; February 14, No. 27, pp. 2–3. (In Russ.)
23. Bunin, I.A. *Melkopomestnye: Ocherki iz zhizni elet-skikh pomeshchikov* [Small-Scale Gentry: Essays from the Life of Yelets Landowners]. *Orlovskii vestnik* [Oryol Bulletin]. 1891, October 27, No. 285, p. 2; November 29, No. 317, p. 2; December 8, No. 326, pp. 2–3; December 13, No. 331, pp. 2–3; December 17, No. 335, pp. 2–3; December 22, No. 340, p. 2. Signed: I.A.B. (In Russ.)
24. Bunin, I.A. *Pomeshchik Vorgolskii: Iz ocherkov "Staroe i novoe"* [Landowner Vorgolsky: From the "Old and New" Essays]. *Orlovskii vestnik* [Oryol Bulletin]. 1892, June 3, No. 143, p. 2; June 4, No. 144, pp. 2–3; June 5, No. 145, p. 2; June 6, No. 146, p. 2. (In Russ.)
25. Bunin, I.A. *Pereval i drugie rasskazy* [The Pass and Other Stories]. 4th ed., corr. Moscow, Moskovskoe knigoizdatel'stvo Publ., 1912. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 18 мая 2022 г.
 Статья поступила после рецензирования и доработки: 31 мая 2022 г.
 Статья принята к публикации: 29 июня 2022 г.
 Дата публикации: 31 августа 2022 г.

Received by Editor on May 18, 2022
 Revised on May 31, 2022
 Accepted on June 29, 2022
 Date of publication: August 31, 2022

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800021456-7

О строфических предпочтениях Г. Р. Державина (на материале прижизненного собрания сочинений)

© 2022 г. Е. А. Пастернак

Аспирант филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,
младший научный сотрудник Института мировой культуры МГУ имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1 стр. 51
katrusia95@mail.ru

Резюме. В статье анализируется строфика стихотворений Г.Р. Державина на материале подготовленного им самим собрания сочинений (Ч. 1–5, 1808–1816). В научной литературе творчество поэта обычно показано или как полное экспериментов, или как легко вписывающееся в современный ему контекст. Анализ корпуса стихотворений уточняет это представление в отношении строфики. С одной стороны, поэт действительно выбирает для многих произведений “обычные”, предсказуемые строфы (например, катрены или 8-стишия). Хотя многими популярными строфами у Державина написано не так уж много произведений, неудивительно, что его творчество во многом ассоциируется именно с ними. К примеру, именно оды “Бог” и “Фелица”, написанные одическими децимами, являются одними из визитных карточек поэта, хотя в целом на долю этой строфы приходится всего чуть больше 7% стихотворений, или 12% стихов. С другой стороны, от 5% до 25% произведений, написанных какими-либо одинаковыми строфами, выделяются среди остальных по какому-либо параметру: это может быть сам по себе выбор редкой строфы, необычная рифмовка, нестандартное сочетание строфы и размера. При этом многие виды приемов, с помощью которых Державин создает необычность строфы, повторяются и поддаются классификации. Соответственно, в творчестве поэта находится место и “традициям”, и экспериментам — последних у него действительно достаточно много, хотя даже в разных строфах они часто довольно однотипны.

Благодарность. Исследование выполнено в Институте мировой культуры МГУ имени М. В. Ломоносова за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 19-78-10132).

Ключевые слова: Г.Р. Державин, стиховедение, строфика, строфический справочник, оригинальные строфы.

Для цитирования: Пастернак Е.А. О строфических предпочтениях Г.Р. Державина (на материале прижизненного собрания сочинений) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 4. С. 52–59. DOI: 10.31857/S160578800021456-7

On the Strophic Preferences of G. R. Derzhavin (Based on the Material of his Lifetime Collected Works)

© 2022 Ekaterina A. Pasternak

Postgraduate student of the Faculty of Philology at the M.V. Lomonosov Moscow State University,
Junior Researcher of the Institute of World Culture at the M.V. Lomonosov Moscow State University,
1 bld. 51 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
katrusia95@mail.ru

Abstract. The article analyzes the stanza of G.R. Derzhavin on the material of the collected works prepared by him (Part 1–5. St. Petersburg, 1808–1816). In scholarly literature, Derzhavin's work is usually either presented as full of experiments, or easily fits into his contemporary context. Analysis of the corpus of poems clarifies

this idea in relation to strophic. On the one hand, the poet really chooses for many poems “usual”, predictable stanzas (for example, quatrains or 8-verses stanzas). Although Derzhavin wrote not so many works with many popular stanzas, it is not surprising that his work is largely associated with them. For example, the odes “God” and “Felitsa”, written in odic decims, are one of the poet’s “calling cards”, although in general this stanza accounts for only a little more than 7% of poems, or 12% of poems. On the other hand, from 5% to 25% of works written with some identical stanzas stand out from the rest in some way: it can be the choice of a rare stanza, unusual rhyming, non-standard combination of stanza and meter. At the same time, many techniques, with the help of which Derzhavin creates the unusualness of a stanza, are repeated and amenable to classification. Accordingly, in this corpus there is a place for both “traditions” and experiments – he really has quite a lot of the latter, although even in different stanzas they are often quite the same type..

Acknowledgements. This article results from the research project based at the Institute for World Culture of Lomonosov Moscow State University (MSU) and supported by the Russian Scientist Foundation (RSF, project no. 19-78-10132).

Key words: G.R. Derzhavin, versification, stanza, stanza reference book, experimental stanzas.

For citation: Pasternak, E. A. *O stroficheskikh predpochteniyakh G.R. Derzhavina (na materiale prizhiznennogo sobraniya sochineniy)* [On the Strophic Preferences of G.R. Derzhavin (Based on the Material of his Lifetime Collected Works)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 4, pp. 52–59. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800021456-7

1. Общая характеристика строфики Державина

Сюжеты, связанные с версификацией Г.Р. Державина, неоднократно становились предметом исследования ученых, однако его строфика так и не была комплексно проанализирована. В научных работах можно найти или анализ строфики какого-либо периода, частично совпадающего с годами жизни поэта, или анализ отдельных примечательных в строфическом отношении произведений вроде “Фонаря” (см., напр.: [1, с. 57–110]; [2, с. 41–42]). В творчестве Державина принято выделять именно его версификационные эксперименты. Анализ корпуса стихотворений, вошедших в прижизненные “Сочинения Державина”, составленные самим поэтом (ч. 1–4, 1808; ч. 5, 1816), делает картину более полной и показывает, что в его творчестве есть место и “традиции”, и новаторству¹. Цель этой работы – составить строфический справочник указанного корпуса стихотворений ([4, ч. 1–3]; [5, ч. 5], в которой собраны драматические произведения, не рассматривалась) и кратко прокомментировать его.

Как видно из таблицы, к позднему периоду Державин становится большим экспериментатором, чем раньше: только в ч. 5, содержащей стихи 1808–1816 гг., встречаются все виды строф из тех, которые поэт в принципе использует. Конечно, в каждом томе хватает “обычных”, очень распространенных строф вроде 6- и 8-стиший, однако каждый раз Державин разбавляет их чем-то еще. Более того, если посмотреть на весь

Таблица. Распределение строф в стихотворениях Державина (таблица составлена автором статьи)

Строфы	Ч. 1	Ч. 2	Ч. 3	Ч. 5
Катрены	11	8	32	6
5-стишия	4	4	1	2
6-стишия	13	10	6	9
7-стишия	1	1	-	2
8-стишия	10	22	11	16
9-стишия	3	-	-	1
Одическая децима	8	7	2	7
Другие 10-стишия	5	6	1	1
11-стишия	-	-	-	1
12-стишия	1	5	1	1
Сонет ²	-	-	4	1
Гиперстрофы	1	4	2	1
Сочетания строф	3	4	3	5
Строфоиды	2	5	3	2
Нет деления на строфы	4	3	57	2

корпус (325 стихотворений), мы увидим, что катренами написано всего 17,54% стихотворений, 6-стишиями – 11,69%, 8-стишиями – 18,15%, а

² Хотя сонет относится к твердым формам, особо отметим его в строфическом справочнике; 5 державинских сонетов требуют отдельного рассмотрения. Кратко отметим, что 3 из них (переложения из Петрарки) устроены абсолютно одинаково: АБАБАБАВВВгДДг, еще в одном терцеты связаны цепочкой рифм: ВВгВВг. Нестандартно устроен только поздний сонет, входящий в ч. 5 и являющийся абсолютно авторским: АБАВВгВгДДеЖЖе. Все 5 сонетов написаны традиционным для этой формы ЯБ. Даже в такой, казалось бы, регламентированной твердой форме Державин находит место для экспериментов.

¹ В оценке “обычности” и “оригинальности” строф Державина для того времени автор статьи ориентируется на работы М.Л. Гаспарова [2] и К.Д. Вишневого [3].

больше всего удивляет одическая децима — ею написано всего 7,38% стихотворений, или 12% стихов. Остальное приходится на другие строфы (примерно 20%)³. Однако при соотнесении с текстами произведений эти числа становятся более понятными. Например, одической децимой написаны оды “Бог” и “Фелица”, ставшие визитными карточками Державина, — неудивительно, что эта строфа сразу всплывает в памяти при мысли о творчестве поэта.

Соответственно, если посмотреть только на то, какие именно строфы выбирает Державин, его не получится назвать ни абсолютным консерватором, ни абсолютным экспериментатором. У него достаточно много “обычных” строф, однако все же пятую часть составляют необычные, оригинальные строфы. В связи с этим интересно рассмотреть два сюжета: проанализировать, как именно устроены “обычные” строфы Державина, есть ли там что-то необычное в версификационном плане, и рассмотреть “оригинальные” строфы.

2. “Обычные” строфы

Катрены (480 строф). Большая часть (372 катрена) предсказуемо имеет самую распространенную схему рифмовки АБАБ. Только в трех стихотворениях, “Петру Великому”, “Хор I на Шведской мир” и “Песнь Баярда”, структура более сложная: они включают в себя “припев” (при этом схема рифмовки во всем произведении остается одинаковой). Приведем пример из 1-го стихотворения:

Россия, в славу облеченна,
Куда свой взор ни обратит,
Везде, весельем восхищенна,
Везде труды Петровы зрит.
Неси на небо гласы, ветр:
Бессмертен ты, Великий Петр!
[4, ч. 1, с. 225]

Еще 48 катренов приходятся на схему аББа, в одном стихотворении, “Невесте”, используется более редкая рифмовка АббА (6 строф). Только 54 катрена (или 11,25% катренов) написаны более оригинально.

³ Около 4% текстов написано строфоидами, примерно 20% — вообще без деления на строфы или строфоиды, в 4,62% встречаются сочетания строф (эту часть корпуса мы лишь обозначим, но не будем рассматривать в рамках этой статьи; кроме того, некоторые особенно яркие стихотворения вроде уже упоминавшегося “Фонаря” и так прокомментированы едва ли не в любом пособии по стиховедению). Кратко отметим, что в последнем случае Державин в основном ограничивается самым выбором разнообразных строф и не стремится как-то необычно их организовать.

В “Даре” катрен АБАБ находится в рамке из двух катренов аБаБ с каждой стороны, в “Пеночке” дважды повторяется группа ААбб ВгВг. Очень необычно написана “Скромность”: здесь все катрены связаны между собой рифмовкой АБвв:

Тихий, милый ветерочек,
Коль порхнешь ты на любезну,
Как вздыханье ей в ушко шепчи;
Если спросит, чья? — молчи.
Чистый, быстрый ручеечек,
Если встретишь ты любезну,
Как слезинка ей в лицо плещи;
Если спросит, чья? — молчи.
[4, ч. 3, с. 83]

В ч. 5 есть три “античных” стихотворения — “К Меркурию”, “К Каллиопе” и “К Бахусу”, написанных белыми катренами, причем в 1-м содержатся только женские клаузулы, во 2-м системно чередуются женские и мужские (ХхХх), а в 3-м оба этих вида клаузул использованы без соблюдения строгой последовательности — приведем пример из последнего:

Вакха вдали, верь мне потомство, я видел:
Меж диких он скал сидящий, петь учил песни
Нимф, ставших вокруг, внимавших его, и вверх
Завостренных ушми козлоногих Сатиров.
Эвоа! Дрожит еще сердце от страха;
Ужасом бога исполненно, скачет оно
С радости дикой. Эван! Шади, о шади!
От грозного тирса я трясусь, цепenea!
[5, с. 202]

С точки зрения метрики большая часть катренов не представляет особого интереса: 197 из них написаны Я4, 98 — Х4 (в основном за счет объемного позднего произведения “Царь-Девница”), 46 — Я6, 20 — Я3. Однако 119 катренов (около 25%) написаны по-другому. В некоторых используется распространенный прием — укорачивание четных стихов / последнего стиха в строфе (Я4-3; Х5-4; Я6-6-6-4, Я4-4-4-3). Лишь дважды Державин более творчески относится к укорачиванию / удлинению стихов: Х4-4-5-4 в “Скромности” (причем с точки зрения рифмовки оно тоже необычно, см. пример выше) и Я4-6-6-3 в “К Меркурию” (написан белыми стихами) — приведем из него пример:

Обманом некогда из стада,
Быв юн еще, волов ты свел у Аполлона,
И он, коль не отдашь, грозил; но стрел вмиг в туле
Не взвидев — рассмеялся.
[5, с. 196]

По-настоящему необычны только несколько случаев: “Весна”, написанная логоэдом, “Лето” (Дк4-4-4-2, в последнем стихе анакруста 1) и “К Бахусу” (имитация одного из “античных”

размеров, какими их представлял Державин) — два стихотворения являются переложениями из Горация, а одно — подражанием античным авторам. Последовательно приведем примеры первых двух произведений (см. цитату из “К Бахусу” выше):

Тает зима дыханьем Фавона,
Взгляда бежит прекрасной весны;
Мчится Нева к Бельту на лоно,
С берега суда спущены.
[4, ч. 2, с. 207]

Знойное лето весна увенчала
Розовым, алым по кудрям венцом;
Липова роща, как жар, возблистала
Вкруг меда листом.
[4, ч. 2, с. 228]

6-стишия (383 строфы). Они устроены гораздо более разнообразно, при этом одна из самых распространенных схем, АБАБВВ, встречается редко — только в “Сострадании” и “На крещение великого князя Николая Павловича”. Еще трижды поэт употребляет похожую схему АБАбвв, а один раз (“К Скопихину”) — самую необычную версию, аБаБвв:

Не блещет серебро, в скупой
Земле лежаще сокровенным.
Скопихин! враг его ты злой,
Употреблением полезным
Пока твоим не оценишь,
Сияющим не учинишь.
[4, ч. 2, с. 193]

Трижды также встречаются чередования или сочетания строф такого типа (“Водопад” — аБаБвв / АБАБВВ, “Храповицкому” — аБаБвв и АБАбвв; “Радуга” — абаБВВ и АБАБВВ).

Если 6-стишие начинается с пары женских рифм, продолжение может быть разным. В “Успокоенном неверии” используется необычная парная рифмовка ааББвв:

Когда то правда, человек,
Что цепь печалей весь твой век:
Почто ж нам веком долгим льститься?
На то ль, чтоб плакать и крушиться
И, меря жизнь свою тоской,
Не знать отрады никакой?
[4, ч. 1, с. 31]

В “Решемыслу” получается ААБВБВ:

Веселонравная, младая,
Нелицемерная, простая,
Подруга Флаккова и дочь
Природой данного мне смысла!
Приди ко мне, приди теперь,
О Муза! славить Решемысла.
[4, ч. 1, с. 120]

Еще в трех после пары женских рифм дальше идет опоясывающая — ААБВВБ, напр., в “Помощи Божией”:

Возвел я мысленные взоры
В небесны лучезарны горы,
И помощь мне оттолть пришла.
Я помощь сильную приемлю
От Сотворившего всю землю
И в небе звезды без числа.
[4, ч. 1, с. 26]

Самый необычный вариант представлен в “Памятнике герою”: 11 6-стиший начинаются с пары женских рифм, а остальные стихи — холостые женские:

Всегда разборчива, правдива,
Нигде и никому не льстива,
О! строгого Кунгдзе Муза,
Которая его вдыхала
Играть на нежном, звонком кинне
И трогать поученьем сердце!
[4, ч. 1, с. 126]

Самыми интересными выглядят 6-стишия с излюбленной Державиным скользящей рифмой (8 стихотворений). Так поэт придает им особую оригинальность, держит читателя в напряжении и заставляет его перечитывать произведение более внимательно. Обычно такая рифма находится в двух последних стихах каждой строфы и связывает между собой два соседних 6-стишия. Выделяется только стихотворение “К Каллиопе”, где строфы связываются между собой именно с помощью такой рифмы (4 стиха до этого — все время холостые):

Сойди, бессмертная, с небес
Царица песней, Каллиопа!
И громкую трубу твою,
Иль лучше лиру нежно-звучну,
Иль, если хочешь, голос твой
Ты согласи со мной.
[4, ч. 1, с. 67]

В “Гитаре” финал строф оказывается более необычным: с помощью скользящей рифмы связываются только последние стихи, а 5-й стих — холостой с женской клаузулой:

Шестиструнная гитара
У красавицы в руках,
Громы звучного Пиндара
Заглушая на устах,
Мне за гласом звонким, нежным
Петь велит любовь.

Я пою под миртой мирной,
На красы ее смотря,
Не завидуя обширной
Власти самого царя;
Взгляд один ее мне нежный
Всех милей чинов.
[4, ч. 3, с. 161]

Целых 13 раз (101 строфа, 26,37% всех 6-стиший, что очень необычно для своего времени) Державин использует противоположный прием. После 4 стихов с перекрестной рифмовкой (обычно АБАБ; может быть также вариант с опоясывающей рифмовкой аББа) идут два холостых, всегда в сочетании Хх. В таких строфах, также необычно звучащих, создается ощущение “разъединенности”, несвязанности текста. Приведем одну такую строфу (“Четыре возраста”):

Как светятся блески
На розе росы, —
Так милы усмешки
Невинной красоты.
Младенческий образ —
Вид в капле зари.
[4, ч. 2, с. 232]

Только “На кончину Императрицы Екатерины II, и на восшествие на престол Императора Павла I” написано белыми 6-стишиями со случайными рифмами.

В плане метрики ситуация напоминает описанную ранее: повтор “обычных”, распространенных размеров: Я4 (263 строфы) и Х4 (24 строфы); укорачивание последнего стиха (Я4-4-4-4-4-3; Х4-4-4-4-4-3); упорядоченное чередование более длинных и более коротких стихов (Я4-4-4-4-2-4; Я5-3-5-3-4-3; Я6-5-5-5-6-3 — всего 61 строфа). Только 35 строф (9,14%) метрически более интересны: по одному стихотворению написано ЯЗ и ХЗ; используются 3-сложные размеры — Амф2 (дважды) и Дк2 (“Пчела”); “Радугу” можно воспринимать как не совсем урегулированный логзед или вольный 3-сложник. Приведем примеры из “Пчелы” и “Радуги”:

Пчелка золотая!
Что ты жужжишь?
Все вокруг летая,
Прочь не летишь?
Или ты любишь
Лизу мою?
[4, ч. 2, с. 68]

Взглянь, Аппеллес! взглянь в небеса!
В сумрачном облаке там,
Видишь, какая из лент полоса,
Огненна ткань блещет очам,
Склоняясь над твоею главою
Дугою!
[4, ч. 2, с. 266]

8-стишия (581 строфа). Державин использовал огромное количество таких строф — 581 в 59 стихотворениях. Очень часто они устроены вполне предсказуемо — полностью написаны АБАБВгВг (252 строфы), АБАБВВгг (50 строф), аБАБВВГГ, аББаВгВг, АббАвГГв, ААббВгВг или сочетаниями

этих строф. Очевидно, что в таких случаях 8-стишие мыслится как два соединенных катрена, формально оно устроено очень просто. Необычной можно назвать только 61 строфу, или 10,5% 8-стиший. В “Маневрах” строфы связаны между собой скользящей рифмой, описанной выше. В “Тоске души” подавляющее количество стихов — холостые, однако в каждой строфе есть одна пара мужских рифм:

Ночная тьма темнее стала;
Вкруг в гибком камыше, в кустах
Чуть слышимо погод шептанье
В меня вливалось некий страх.
Во слух мой доходили звуки
Так нежны, сладки, как свирель.
Отколь они ко мне неслись?
Но в сердце так вещали мне: <...>
[5, с. 51]

“Первая песнь Пиндара Пифическая” полностью написана белыми стихами (встречаются только случайные рифмы), а в “Осени во время осады Очакова” 5 раз повторяется сочетание 8-стиший — белого и зарифмованного:

В опушке заяц быстроногий,
Как колпик поседев, лежит;
Ловцы раздаются роги,
И выжили лай и гул гремит.
Запасишься крестьянин хлебом,
Ест добры щи и пиво пьет;
Обогащенный щедром небом,
Блаженство дней своих поет.
Борей на Осень хмурит брови
И Зимы с севера зовет,
Идет седая чародейка,
Косматым машет рукавом;
И снег, и мраз, и иней сыплет
И воды претворяет в льды;
От холодного ее дыханья
Природы взор оцепенел.
[4, ч. 1, с. 137]

Метрика большинства 8-стиший также проста: по-видимому, Державин воспринимал эту строфу как нейтральную, не предполагающую особых экспериментов (в этом смысле похожую на одическую дециму). 479 строф написаны Я4, 44 — Х4, 38 — ямбом с укорачиванием последнего стиха / урегулированным чередованием разностопных стихов. “Умиленье” написано ЯЗ, в “Явлении” Я5 написаны все строфы, кроме последней (ЯЗ), а по-настоящему интересным выглядит только позднее стихотворение “На покорение Парижа”, в котором “основные” строфы написаны ДкЗ, а “припев” (по определению самого Державина) — Дк2:

Милостью больше, чем гневом,
В славе блестящ там, как Бог,

Препровожденный вшел небом
В древний Бурбонов чертог;
Дух к ним народа любовью
Возжегши, их воскресил;
Бедства московски не кровью,
Благом злодеям отмстил.

Здрав, Александр,
Царь будь царей,
Что без наград
Твердой твоей
Сверг злость ты душой,
Доблесть вознес,
Прямо герой!
Славься сим днесь!
[4, ч. 4, с. 215]

Таким образом, видно, что подавляющее большинство “обычных”, распространенных строф у Державина действительно устроено вполне обычно и предсказуемо. Однако каждый раз у него находится место экспериментам: от 5% до 25% строф в каждой группе оказываются по какому-либо параметру выбивающимися из числа традиционных.

3. “Необычные” строфы

Рассмотрим теперь необычные, редкие строфы, которые использует Державин. Некоторые из них (напр., 5-стишия) являются редкими именно для этого поэта, некоторые, как 7- или 11-стишия, вообще нечасты.

5-стишия (11 стихотворений). Державин явно воспринимает эту строфу как необычную, каждый раз он старается организовать ее как-то по-новому. Это и строфы, связанные скользящей рифмой: аБаБв гДгДв (трижды повторяются в “Праведном Судии”), ААббВ ГГддВ (трижды повторяются в стихотворении “К лире”), ААббВ ГГддВ (4 раза повторяются в “Осени”), АбАбв ГдГдв (трижды повторяются в “Г. Озерову на приписание Эдипа”), — и разнообразно построенные 5-стишия в стихотворении “На безбожников” (аБаБв гДгДв еЖеЖз иЙиЙз клкЛх), и строфы с вайзе АбАбХ, аБаБх и аББаХ, и белые стихи. Интересно, что только в ч. 3 5-стишия встречаются один раз: видимо, Державин считал их “неподходящими” для анакреонтической лирики.

Большинство 5-стиший написано “нейтральным” Я4, одно — Х4. Эксперименты здесь не очень часты. “К лире” написано Дк3, “На безбожников” — логаяд или Дк, 4-стопный с усеченной стопой перед цезурой и последним стихом, написанным Дк3 (интерпретация зависит от взглядов того, кто анализирует его схему), “Осень” — логаяд, в “Г. Озерову на приписание Эдипа” чередуются Амф3-Я4-Амф3-Я4-Амф2 (приведем пример из него):

Вития! кому Мельпомена,
Надев котурн, дала кинжал;
А север, как лавром, из клена
Венцом зеленым увенчал
Блестяще чело.
[4, ч. 2, с. 243]

7-стишия (4 стихотворения). Эта редкая строфа явно воспринималась Державиным как экзотическая, требующая изысков, и все 4 произведения написаны ею необычно. Дважды (“На новый год” и “На новый 1798 год”) 7-стишие представляет собой как будто “стандартное” 6-стишие АбАб-ВВ, к которому прикреплен стих-вайзе. Оба текста достаточно длинные, так что читатель успевает привыкнуть к использованию этого приема. Схема строфы позднего стихотворения “На победу Александром Им Наполеона под Люциным” — хХхаББа: каждые первые три стиха — холостые, дальше — опоясывающая рифмовка, сама по себе более редкая, чем, например, перекрестная. Последнее стихотворение в этом собрании, “Полигимнии”, также написано крайне причудливыми 7-стишиями. Здесь как будто зеркально по отношению к предыдущему стихотворению зарифмованы каждые первые 4 стиха, а последние 3 — холостые, причем клаузулы все время бессистемно меняются от строфы к строфе. Интересно, что только это произведение написано необычным размером, который поэт явно понимал как “античный” (на практике у него получился тактовик; все вместе создает ощущение еще большей оригинальности текста), в остальных выбор строфы уравнивается обычным Я4.

9-стишия (3 стихотворения). Эти редкие строфы у Державина также устроены необычно. В “Меркурию” используется описанный выше прием добавления стиха-вайзе — к “обычному” 8-стишию АбАбВгВг. В “Шествии по Волхову Российской Амфитриты” к нему добавляется последний стих со скользящей рифмой, всегда соединяющей две соседние строфы. Только в стихотворении “На кончину великой княжны Ольги Павловны” схема более причудлива: АбВбАвХХх. Кроме того, только оно написано Дк2 (для других выбран все тот же нейтральный Я4):

Юная роза
Лишь развернула
Алый шипок,
Вдруг от мороза
В лоне уснула,
Свянул цветок.
Так и с царевной:
Нет уж в ней жизни,
Смерть на челе!
[4, ч. 1, с. 292]

10-стишия (не традиционная для русской поэзии одическая децима АБАБВВГДДг; 13 стихотворений). Здесь эксперименты часто одинаковы: использование схемы АБАБВВГДД; написание 8 стихов с рифмовкой АБАБВВГГ и завершение строфы холостыми стихами (хх или Хх); написание белых стихов. Однако в “Гимне солнцу” после привычных 8 стихов АБАБВВГГ находится парная мужская рифма. В стихотворении “Пени” зеркально отражаются клаузулы одической децимы: аБаБвВГддГ:

Достигнул страшный слух ко мне,
Что стал ты лжив и лицемерен;
В твоей отеческой стране,
О льстец! мне сделался неверен.
Те нежности, которые мне
Являл любви твоей в огне,
Во страсти новой погружаешь;
О мне не мнишь, не говоришь,
Другой любовь свою даришь,
Меня совсем позабываешь.
[4, ч. 3, с. 192]

В стихотворении “На возвращение графа Зубова из Персии” 7 раз повторяется группа АБАБВВГГДеДеЖЗЖЗИЙИЙ: соседние строфы связываются с помощью двух пар рифм с перекрестной рифмовкой. В “Добродетели” строфы с нестандартным для 10-стишия чередованием клаузул завершаются стихом со скользящей рифмой, связывающей две соседние строфы:

Орудье благости и сил,
Господня дочь, Его подобье,
В которой мудро совместил
Он твердость, кротость, ум, незлобие
И к благу общему любовь,
О доблесть смертных! Добродетель!
О соль земли! — хоть сонм духов,
Разврату нравственну радетель,
И смеет звать тебя мечтой;
Но Бог, я мню, ты воплощенный.
Так, — ты наместница Творца,
Его зиждительница воли
В Его селеньях без конца,
И в сей борения юдоли
Добра и зла ты вожде един,
К высокой той чреде ведущий,
К которой избран Света сын.
О Ангел, в человеке сущий!
О человек, лицом, душой
На небеса взирать рожденный!
[5, с. 61]

Большая часть произведений предсказуемо написана Я4, одно — Х4. Желание разнообразить размер наблюдается в стихотворениях “На коронацию Императора” (Я4-3-4-4-4-4-4-4-6) и “Издателю моих песней” (8 стихов — ДкЗ, последние два — Дк4 и Дк2).

12-стишия (9 стихотворений). Большинство из них явно мыслятся поэтом как 3 соединенных катрена: АБАБВВГГДеДе, с точки зрения рифмовки они как будто не соединены друг с другом, — из более редких державинских строф эти организованы наиболее заурядно. Идея соединения трех катренов сохраняется и в текстах с другими схемами: АБАБВВГГДдЕе в “Графу Стейнбоку”, АБАБВВГГДдЕе в “Атаману и войску Донскому”, повторяющееся сочетание трех 10-стиший с разной схемой рифмовки в каждом в “Афинеяскому Витязю”. “В память Давыдову и Хвостову” написано белыми стихами. Только в “Надежде” схема первых 6 стихов повторяет схему первых 6 стихов одической децимы (АБАБВВ), однако ее вторая часть нестандартна, в ней трудно увидеть связь с одической строфой (гДгеДе). Сложная схема строфы уравнивается выбором Х4:

Луч, от света отделенный,
Льющего всем солнцам свет,
Прежде в дух мой впечатленный,
Чем он прахом стал одет,
Беспреданно ввысь парящий
И с собой меня манящий
К океану своему, —
Хоть претит земли одежда,
Но несешь меня к нему
Ты желаний на крылах,
О бессмертная Надежда,
Обещательница благ!
[5, с. 58]

Почти все остальные 12-стишия написаны Я4, дважды встречается ЯЗ, один — ХЗ, так что с точки зрения метрики они малоинтересны.

Таким образом, анализ всего корпуса лирических стихотворений, опубликованных в прижизненных “Сочинениях Державина”, уточняет представление о выборе строф поэтом. С одной стороны, он часто обращается к стандартным, распространенным строфам, однако даже здесь проявляются его авторские предпочтения: так, 8-стишия у него появляются гораздо чаще, чем одическая децима. С другой — во все периоды творчества, в каждой части этого собрания встречаются стихотворения, написанные нестандартно, экспериментально. Как говорилось выше, процент произведений, необычных по какому-либо параметру, связанному со строфикой, составляет от 5% до 25% строф в каждой группе. Некоторые способы сделать строфу оригинальной — например, использование стиха-вайзе или скользящей рифмы — повторяются у него постоянно, другие же встречаются нерегулярно или вовсе однократно; кроме того, необычность строфы часто “разбавляется” выбором нейтрального

размера или выбором очень предсказуемой рифмовки (в этом плане повторяется та же ситуация, которая наблюдается при анализе метрики и рифмы Державина). Получается, что поэт, действительно, находит место экспериментам, для своего времени они необычны, однако часто однотипны, державинские способы создания необычных строф в целом поддаются классификации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гаспаров М.Л.* Очерк истории русского стиха: Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. 2-е изд., доп. М.: Фортунa Лимитед, 2000. 351 с.
2. *Холшевников В.Е.* Мысль, вооруженная рифмами. Поэтическая антология по истории русского стиха. 2-е изд. испр. и доп. Л.: Ленинградский ун-т, 1987. 606 с.
3. *Вишневский К.Д.* Архитектоника русского стиха XVIII – первой половины XIX в. // Исследования по теории и истории стиха. Л.: Наука, 1978. С. 48–66.
4. *Державин Г.Р.* Сочинения. Ч. 1–4. СПб.: Тип. Шнора, 1808.
5. *Державин Г.Р.* Сочинения. Ч. 5. СПб.: Тип. В. Плавильщикова, 1816.

REFERENCES

1. Gasparov, M.L. *Ocherk istorii russkogo stikha: Metrika. Ritmika. Rifma. Strofika* [Essay on the history of Russian verse: Metric. Rhythm. Rhyme. Strophic]. 2nd ed. Moscow, Fortuna Limited Publ., 2000. 351 p. (In Russ.)
2. *Mysl, vooruzhennaya rifmami: Poeticheskaya antologiya po istorii russkogo stikha* [Thought Armed with Rhymes: Poetic Anthology on the History of Russian Verse]. Ed. by V.E. Kholshchevnikov. 2nd ed. Leningrad, Leningradskiy un-t Publ., 1987. 608 p. (In Russ.)
3. Vishnevsky, K.D. *Arkhitsektionika russkogo stikha XVIII – pervoy poloviny XIX v.* [Architectonics of the Russian Verse of the 18th – First Half of the 19th Century]. *Issledovaniya po teorii i istorii stikha* [Studies on the Theory and History of Verse]. Leningrad, Nauka Publ., 1978, pp. 48–66. (In Russ.)
4. Derzhavin, G.R. *Sochineniya* [Works]. Vol. 1–4. St. Petersburg, 1808. (In Russ.)
5. Derzhavin, G.R. *Sochineniya* [Works]. Vol. 5. St. Petersburg, 1816. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 25 апреля 2022 г.
 Статья поступила после рецензирования и доработки: 24 июня 2022 г.
 Статья принята к публикации: 29 июня 2022 г.
 Дата публикации: 31 августа 2022 г.

Received by Editor on April 25, 2022
 Revised on June 24, 2022
 Accepted on June 29, 2022
 Date of publication: August 31, 2022

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800021457-8

Ирландская сага: границы жанра (формальный подход)

© 2022 г. Т. А. Михайлова

Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН,
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1
tamih.msu@mail.ru

Резюме. В работе рассматривается узус употребления в отечественной и европейской исследовательской традиции термина “сага”, обозначающего квант древнеирландского эпического нарратива. Анализируется также соотношение семантики русского термина *saga* с английскими и французскими (*saga*) и немецкими (*die Sage*) употреблениями понятия в научных текстах, описывающих те же денотаты. Проводится сопоставление с семантическим полем оригинального термина *scél*, имеющим в качестве одного из значений “повесть, рассказ”. В работе также делается попытка выделения формальных признаков, которые позволяют отнести тот или иной древнеирландский прозаический нарратив к “саге” (в отличие от исторических повестей, прозаических текстов юридического характера и пр.). В качестве рабочего предположения автор предлагает выделять четыре аспекта: 1. наличие формулы-зачина, отсылающего к устной стадии бытования нарратива; 2. наличие пространных описаний персонажа эпифрастического характера; 3. наличие неоправданного введения презенса (так наз. — сценического); 4. наличие поэтических вкраплений, которые маркируют эмоциональную речь героев, но не квалифицируются как собственно поэзия. Предположительно три последних аспекта призваны создать комплекс эпической визуализации описываемых событий. Со временем данные аспекты традиционной ирландской нарративной прозой утрачиваются, не сохраняясь и в устной фольклорной традиции. В качестве заключения делается вывод об относительности рамок термина “сага” как жанра средневековой словесности и необходимости апелляции к исследовательской интуиции.

Ключевые слова: ирландский эпос, сага как жанр, эпическая формула, традиционные зачины, исторический презенс, традиционные формульные описания, прозиметр, фольклорные нарративы.

Для цитирования: Михайлова Т.А. Ирландская сага: границы жанра (формальный подход) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 4. С. 60–69. DOI: 10.31857/S160578800021457-8

The Irish Saga: Limits of the “Genre” (a Formal Approach)

© 2022 Tatyana A. Mikhailova

Doct. Sci (Philol.),
Leading Researcher of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
1 bld. 1 Bolshoy Kislovskiy lane, Moscow 125609, Russia
tamih.msu@mail.ru

Abstract. The work considers traditional use of the term “saga” meaning the quantum of the Old Irish epic narrative, in Russian and European research. The correlation of the Russian term’s *saga* semantics with the English and French (*saga*) as well as German (*die Sage*) usages of the notion in scholarly texts describing the same denotates is also analyzed. The comparison with the semantic field of the original term *scél*, having “story, tale” as one of its meanings, is conducted. The work also attempts at singling out certain formal features making

it possible to relate some Old Irish prose narrative to “saga” (in contrast with historical tales, prose texts on legal subjects et al.). As a working hypothesis the author suggests to single out the four aspects: 1) the presence of the initial formula referring to the oral stage of the narrative tradition; 2) the presence of a character’s long descriptions of ekphrastic type; 3) the presence of unjustified use of the Present Tense (the so-called Scenic Present); 4) the presence of verse insertions marking characters’ emotional speech yet not regarded as poetry proper. It is supposed that the three latter aspects should create the described events’ epic visualization. As the time passes traditional Irish narrative prose loses those aspects, neither are they preserved in the oral folklore tradition. To sum up, the conclusion concerning the term’s “saga” relative quality as a mediaeval genre is made, and the necessity to appeal to the researcher’s intuition is pointed out..

Key words: Irish epic, saga as a genre, epic formula, traditional initial formulae, the Historical Presence, traditional formulaic descriptions, prosimetrum, folk narratives.

For citation: Mikhailova, T.A. *Irlandskaya saga: granicy zhanra (formal'nyj podhod)* [The Irish Saga: Limits of the “Genre” (a Formal Approach)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 4, pp. 60–69. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800021457-8

Ответить на вопрос, что представляет собой ирландская сага как жанр средневековой словесности, довольно сложно, причем — по многим причинам. Более того, я не уверена в том, что к “ирландской саге” вообще применимо понятие “жанра”, слишком широк и разнообразен список текстов, которые, условно говоря, можно назвать “ирландская сага”. Вводя рабочее определение, я могла бы сказать, что ирландские саги — это тексты на древне- и среднеирландском языке¹, представляющие собой прозаические нарративы с отдельными поэтическими вкраплениями. Но это определение слишком условно. Сложность дефиниции “саги” вызвана в первую очередь тем, что данные тексты в своем функционировании смыкаются с текстами иными, также — прозаическими, но традиционно по своей прагматике относящимися к иной жанровой традиции. Как пишет М. Ни Вролхань, “саги могут появляться в генеалогиях, и разного рода истории служат примерами для изложения исторической и даже юридической традиции” [1, с. 6]. “Разного рода истории” появляются и в Анналах, и в Законах, а также, например, в рамках специфического жанра “Старин мест” (др. ирл. *Dinnshenchas*), представляющих собой топонимические предания. К сагам их, как правило, не относят, но строго говоря — почему бы и нет? Более того, под наше рабочее определение подходят и вернакулярные агиографические тексты, отличающиеся от эпических повестей лишь тем, что в центре повествования находится не тот или иной король или герой, но христианский святой (Э. Джонстон отмечает также сходство нарративных приемов в ранних Житиях и в сагах — см. [2, с. 54], ср. также об этом [3]).

¹ Этим они отличаются от современных фольклорных повестей, носящих то же название — *scé(a)l*.

Имманентный анализ объекта описания, как принято считать, должен предшествовать анализу трансцендентному, однако это далеко не всегда так. Выделяя собственно сагу среди дошедших до нас древнеирландских нарративов, мы можем опираться в первую очередь на ее прагматику, но необходимо при этом выработать критерии, позволяющие отделить сагу от не-саги, а точнее, на-верное, классические саги от саг более поздних, демонстрирующих утрату ориентации на воспроизведение эпической формы.

Как мне кажется, таких критериев можно выделить — четыре (хотя, возможно, их и больше, с одной стороны, и не все намеченные ниже “эпические черты” реализуются в равной степени в разных циклах саг, с другой). Итак, это: 1. характерный эпический “зачин”; 2. поэтические вкрапления, передающие прямую речь; 3. длинные описания персонажей; 4. так называемый сценический презенс. Естественно, каждый пункт нуждается в дополнительном комментарии.

Так, саговый нарратив, как правило, начинается с интродуктивной фразы, в которой на первом месте стоит глагол бытия в прошедшем времени, за ним следует субъект (часто — с атрибутивным адъективом), а затем — уточняющая локализация. Естественно, наиболее частотными оказываются зачины, в которых упоминается тот или иной король, правивший в определенной области, что сразу должно ориентировать слушателя саги в пространстве и во времени дальнейшего нарратива. Например:

Buí rí amra airgeda for Éirinn, Eochaid Feidleach a ainm [4, с. 1] — “Был великий знаменитый король над Ирландией по имени Эохайд Фейдлейх”;

Boí Cobthach Coel Breg mac Ugaíne Móir i rríge Breg [5, с. 18] — “Был Кобтах Коель сын Угайне Великого королем в Бреге”;

Rí amra ro boí for Laignib .i. Rónán mac Aeda [5, с. 3] — “Король великий был над лагенами, то есть Ронан сын Аэда”;

Boí rí amra for Laignib .i. Mac Dathó a ainm [6, с. 9] — “Был великий король над лагенами по имени Мак Дато”.

К. МакКон отмечал, что открывающая сагу “Повесть о кабане Мак Дато” интродуктивная формула оказывается семантически ложной: Мак Дато был не королем, но лишь владельцем гостевого дома. Однако название главного персонажа “королем лагенов” объясняется, по его мнению, автоматизмом формулы как таковой (см. [7, с. 4]).

Ориентация на предположительно известного слушателю “исторического” правителя, которая, как мы полагаем, при канонизации интродуктивной формулы могла послужить исходной моделью, в дальнейшем может меняться денотативно при сохранении собственно формульного характера и ориентироваться не на короля, а на протагониста саги. Например:

Boí coire féile la Laigniu, Buchat a ainm [5, с. 28] — “Был котел радуший у лагенов по имени Бухет”;

Boí aithech somae di Ultaib i mbennaib slíab et ditrub .i. Crunnchu mac Agnomain a ainm-sídi [8, с. 28] — “Был богатый крестьянин среди холмов и земель уладов, Круннуху сын Агномана его имя”.

Более того, эта же формула сохраняется и в том случае, когда в качестве субъекта выступает неодушевленный объект, а точнее — ситуация, маркирующая некое действие. Например:

Boí fled mór la Bricrind Nemthenga do Chonchobur mac Nessa ⁊ do Ultaib uile [9, с. 302] — “Был великий пир у Брикрена Злоязычного для Конхобара сына Несса и для всех уладов”.

Зачины подобного типа, необычайно распространенные в саговых нарративах, относятся скорее к тетическим конструкциям, то есть конструкциям с отсутствующим фокусом, главная цель которых — интродукция в ситуацию. Они характерны не столько для эпоса, сколько для архаических форм нарратива в целом и, как показывал МакКон, широко встречаются как в Ветхом и Новом Завете, так и в эпосе древнеиндийском, ср. начало “Махабхараты”: *āsīd rājā Nalo nāma...* (“Был раджа по имени Нало”) и *fuit in diebus Herodis regis Iudaeae sacerdos quidam nomine Zaccharias* (Лк 1, 5, пер. Иеронима) — “Во дни Ирода, царя иудейского, был священник из Авиевой чреды, именем Захария...”. Ветхозаветные параллели приводят К. МакКона к идее, что зачины подобного типа в ирландских саговых нарративах могли быть заимствованы (см. [10, с. 48–49]).

Однако приведенная им же древнеиндийская параллель говорит скорее об архаическом единстве, ср. также традиционные начала в сагах исландских: “Жил человек по имени Мёрд, по прозвищу Скрипица...” (“Сага о Ньяле”). К этой же модели относятся и традиционные сказочные зачины типа “жил да был”.

Иную прагматику имеют внешне сходные интродуктивные конструкции, подчиняющиеся тема-рематическому развертыванию, типа:

Baí Fíngen mac Luchta aidchi Samna i n-Druim Fíngin [11, с. 1] — “Был Финген сын Лухты в ночь на Самайн в Друм Фингена”.

Слушатель, предположительно, уже должен знать, кто такой Финген, но новым для него является сообщение, где тот был в ночь на Самайн. Ср. также: *Boí Óengus in n-aidchi n-aílí inna chotlud* [12, с. 43] — “Спал Энгус (букв. *был в его сне*) как-то ночью”.

Подобные конструкции характеризуются введением локализатора и таким образом ориентированы на своего рода нарративные циклы, с которыми слушатель уже должен быть знаком (то есть — знать, кто такой Энгус, и проч.). Иными словами, Энгус оказывается в теме высказывания, тогда как локализатор — в реме. Основным формальным показателем, выделяющим традиционные интродуктивные зачины, К. Шмидт называл введение имени собственного, маркирующего абсолютное начало топика (см. [13]), и он, скорее всего, прав. Более того, по его предположению, данные архаические интродуктивные конструкции сохраняются и в поздних фольклорных повествованиях, однако в них часто имя не называется, что уже не позволяет называть их сагами в узком смысле слова. Например:

Bhí rí i n-Éirinn fadó... [14, с. 296] — “Был в Ирландии король давно...”.

Можно ли конструкции, в которых имя персонажа стоит в теме, с определенностью называть более поздними? Данный вопрос мы предпочитаем оставить открытым. Ср. начало “Песни о Ро-ланде”: *Charles li reis, nostre emperere magnes, Set anz tuz pleins ad ested en Espagne* — “Карл король, наш великий император, семь полных лет пробыл в Испании”.

В сагах, датирующихся средне- и ранненовоирландским периодами, традиционные зачины начинают использоваться все реже. Ср., например, начало ирландской переработки “Одиссеи” “Блуждания Уликса” (XIV в.): *Iar n-indruid ⁊ discaíled prim-cathrach na Troína, turtthechta ne nGrec*

[15, с. 1] — “После захвата и разрушения главного города троянцев греки вернулись по домам”.

Как можно предположить, в среднеирландский период происходит размежевание традиции и выделяются устные повести, форма которых затем отчасти сохраняется уже в фольклорных нарративах, которые своего существования не прерывают, но от профессиональных сказителей переходят к народным рассказчикам (“шанахи”). С другой стороны, начинает выделяться собственно нарративная проза, письменная по основному способу бытования, позднее положившая основу уже — литературе.

Другим формальным критерием, выделяющим собственно эпические саговые нарративы среди других повестей, можно назвать функции поэтических фрагментов в прозаическом тексте.

Ирландская нарративная традиция, которая лишь условно может быть названа “эпосом”, дошла до нас в виде прозаических текстов с регулярными поэтическими вкраплениями. Причем, говоря строго, мы не можем утверждать, какой была протоформа такого текста на раннем этапе его устного бытования — поэтической, прозаической, либо — уже изначально смешанной. Предположительно, в прозо-поэтической форме ирландские саги складывались уже изначально, в момент оформления саги как жанра, причем для ранних текстов характерно, что:

- проза и поэзия не дублируют друг друга содержательно (как, например, в среднеирландских трактатах исторического или юридического плана);
- поэзия в тексте не оформляется как собственно поэтический профессиональный фрагмент (как, например, висы скальдов в исландских сагах), но всегда вкладывается в уста самих героев саги, причем обычно — в патетические моменты.

В современной ирландистике считается традиционным мнение, что поэтические вставки вводят более “эмоционально окрашенные” фрагменты наррации, иными словами — передают переживания героев (ср., например, вывод М. Диллона: “Стихи используются для диалогов в ситуации эмоционального напряжения: показать любовь, гнев, смерть” [16, с. 10]). С точки зрения функциональной поэтические вкрапления в исландских и ирландских сагах разнятся. Однако в обеих традициях проза и поэзия, **не дублируя** друг друга, образуют нарративное единство, причем не столько “эстетическое”, сколько собственно информативное. Что также важно

с формальной точки зрения, в классической саге (формальные критерии которой мы и пытаемся выявить) поэзия всегда представляет собой прямую речь персонажей.

Как правило, в поэтическую форму в ирландских сагах облакаются эмоционально нагруженные реплики, например — элегического характера (плач Дейрдре по убитому Найси в саге “Изгнание сыновей Уснеха”, плач Кухулина над телом убитого им Фер Диада в саге “Похищение быка из Куальнге” и проч.), но также — пророчества, предсказания, заклания, которые также не столько эмоциональны, сколько уже — информативны (см., например, поэтические предсказания друида Катбада в “Изгнании сыновей Уснеха”). Часто в поэтическую форму облакаются и эмоционально нагруженные диалоги между персонажами, однако четкой последовательности здесь выявить не удастся. Более того, сопоставление разных редакций саги может дать разноречивые результаты. Так, в рукописи “Книга Бурой коровы” (XI в.) в саге “Болезнь Кухулина”, текст которой датируется IX в. (см. [17, с. xvi]), сюжетно важный разговор героя с его женой Эмер представлен в прозе, тогда как в поздней рукописи XVII в., текст которой датируется XI в., он же дан в поэтической форме (см. издание в [18, с. 130–133]). В то же время, например, в ранней версии саги “Смерть Кухулина”, датируемой VIII в., присутствует поэтический Плач по умершему герою, вложенный в уста Эмер (см. [19, с. 30–31]), тогда как в более поздней версии уже ранненовоирландского периода (XV в.), отсутствует и этот Плач, и вообще — поэтические вкрапления. Однако в любом случае в саговом нарративе соблюдается общий принцип: поэзия не дублирует прозу и всегда оформлена как прямая речь персонажей.

Этот “паттерн” Пр. Мак Кана удачно называет “распространенным, но не универсальным” [20, с. 134]. Принципиальную “необязательность” включения в прозаический саговый нарратив поэтических вставок отмечает и М. Ни Вролхань, полагая, что “поэзия нужна для генеалогий и исторической традиции, которую важно было запомнить” [1, с. 140]. Данный момент представляется важным: если древнеирландский филид как хранитель исторической традиции обращался к метрике, чтобы сделать информацию более запоминающейся, он же как исполнитель эпических преданий не видел в них исторической достоверности и поэтому большее внимание уделял скорее форме, чем содержанию. Отсюда и поэтические вставки, а также — пространственные описания и игра с глагольными временами.

Интересный с данной точки зрения фрагмент содержится в конце саги “Сватовство к Ферб” (рукопись “Лейнстерская книга”, XII в.). В саге описан очередной эпизод войны между уладами и коннахтами, из которой на этот раз улады выходят победителями. И далее сказано: “Конхобар вернулся в Эмайн с победой и торжеством и рассказал повесть об этом Мугайн от начала и до конца и сказал своему филиду Феркертне сыну Дергне, что следует ему сложить великую поэму, чтобы навеки запомнилась эта повесть. И тот тогда исполнил эту песнь”.

Далее в тексте приводится поэма, содержание которой повторяет предшествующую ей прозу. В данном случае интересно не только эксплицитно выраженное компилятором представление о филидах как хранителях и фиксаторах (в начале — в устной форме) исторической традиции, но и то, что функции поэтического фрагмента здесь совершенно не соответствуют сформулированным выше требованиям. Нарушается и другое формальное требование: поэтические вставки представлены уже не как диалоги или монологи персонажей, но как поэтическая продукция.

В дальнейшем прозиметр в ирландской традиции сохраняется и даже становится своего рода нормой. Как пишет Дж. Парсонс, “если в древнеирландский период поэтические вставки встречались лишь изредка, в среднеирландских текстах они поражают своим изобилием” [21, с. 86]. Действительно, поэтические вставки часто встречаются и в юридических трактатах, и в Анналах. Трактат о правах и обязанностях королей по отношению к подчиненным королям “Книга прав”, например, строится по следующему принципу: в прозе кратко сформулировано, какое количество ритуальных даров должен вручить король во время традиционного объезда территорий, а затем каждый раздел передается стихами, предпочтительно — мнемонического характера. Примерно так же строится и так называемая “Книга захватов Ирландии”, среднеирландская компиляция, повествующая о волнах заселения острова: каждый эпизод рассказывается в прозе, а затем повторяется в поэтической форме, причем иногда — с отсылкой к автору стихов. Но все это — уже не саги.

Третьим “формальным” показателем ирландской саги, отличающим ее от других прозаических ирландских нарративов, мы предлагаем считать — наличие в тексте длинных, традиционных описаний персонажей.

Исследователи традиционной эпической нарративной техники, как правило, оставляют

ирландские саги (как и кельтский эпос в целом) вне поля своего рассмотрения. Прозо-поэтическая форма саги, предположительное письменное происхождение корпуса в целом, отсутствие бросающихся в глаза формул, развернутых сравнений и повторов — все это невольно отодвигает кельтские тексты на периферию традиционного “эпического” материала, простирающегося от “Манаса” до Гомера и от “Песни о Роланде” и “Беовульфа” до балканских юнацких песен и русских былин.

Аналогичным образом в кельтологии редкими оказываются экскурсы в аналогичные нарративные традиции других культур, да и весь фокус анализа, как правило, повернут под иным углом, что в результате привело к почти полному отсутствию выполненных на древнеирландском материале исследований, относящихся к направлению, называемому у нас — “исторической поэтикой”. Как пишет, например, хорватский исследователь Р. Матасович в статье о традиционных описаниях “прекрасных женщин” в сагах, “несмотря на наличие отдельных работ, посвященных традиционным изображениям и дескриптивной технике в целом, будет верным сказать, что многие аспекты средневекового ирландского прозаического стиля до сих пор не привлекали внимания исследователей” [22, с. 95].

Все сказанное представляет собой упрощенный взгляд на проблему древнеирландской эпической поэтики, требующей (и ожидающей до сих пор) детального и объемного сопоставительного исследования. Обратимся пока лишь к одному аспекту проблемы: анализу изобразительных средств, при помощи которых в тексте саги воссоздаются образы персонажей. На первый взгляд, традиционные описания действующих лиц, оперирующие постоянными эпитетами и сравнениями, в общем должны представлять как довольно банальное “общее место” эпического нарратива, однако для традиции ирландской это оказывается не совсем так. Во-первых, вопреки ожиданию, в системе изобразительных приоритетов компилятора главные действующие лица далеко не всегда занимают первое место, в то время как облик отдельных третьестепенных персонажей может описываться им достаточно детально. Так, например, мы не знаем, как выглядели королева Коннахта Медб или жена Кухулина Эмер. Зато пророчица Федельм, появляющаяся лишь однажды в саге “Похищение быка из Куальнге”, изображена ярко и красочно. Во-вторых, описания персонажей делятся на одиночные, среди которых в свою очередь можно

выделить макро- и микроописания, и серийные, в которых по одной схеме изображаются и как бы узнаются целые отряды действующих лиц, как правило — действительно едущих в поход воинов (либо — занимающих одно помещение, как бы — привал перед сражением, как в саге “Разрушение Дома Да Дерга”). Воссоздание облика персонажа для древнеирландского нарратора имеет в обоих случаях не столько орнаментальный, сколько сюжетообразующий характер: описывается в первую очередь тот, кто *не известен другому действующему лицу*, и сам факт *узнавания* и *распознавания* им нового персонажа определяет дальнейшее развитие сюжета.

Обратимся к анализу того, как именно изображаются в тексте персонажи. Так, описание красавицы Этайн из саги “Разрушение Дома Да Дерга” сохранилось лишь в одной из рукописей, датируемой уже XIV–XV вв. (так наз. “Желтой Книге Лекана”), однако, судя по языку, особенно — обилию архаических эквативных форм прилагательных, текст данного фрагмента может быть датирован примерно VIII–IX вв. Данное описание является, наверное, одним из наиболее объемных фрагментов, имеющих в первую очередь “экфрастические” функции и, возможно, именно с данной точки зрения и ценно. Для нас оно важно как своего рода каталог традиционных метафор и приемов описания:

...Плащ волнистый пурпурный спускался на прекрасное платье. Пряжка серебряная с украшениями из золота на том плаще. Рубаха тонкая, нежная, крепкая из зеленого шелка с красным орнаментом из золота вокруг нее. Лики диковинных зверей из золота и серебра на груди, на плечах и на боках той рубахи с каждой стороны. Сверкали они на солнце так, что было слишком красно людям сияние золота на солнце на зеленой ткани. Две косы золото-желтых вкруг ее головы. Было по четыре пряди в каждой из них и бусина на конце каждой пряди. Казался им цвет ее волос подобным ирису летом или красному золоту, только что выплавленному.

Так она была, распустив волосы для мытья и две ее руки в вырезах платья. Белыми, как снег одной ночи, были две ее руки. Были нежными и красными, как горная наперстянка, две ее чистые прекрасные щеки. Были черными, как спинка жука, две ее брови. Были прямыми и подобными жемчугу ее зубы в голове. Были синими, как колокольчик, два ее глаза. Были красными, как парфянская кожа, ее губы. Были высокими нежными ясными ее плечи. Были ярко-чистыми длинными ее пальцы. Были длинными ее руки. Был блестящим, как пена волны, ее бок, мягки, как руно. Были теплыми и нежными два ее бедра. Были кругло-маленькими крепко-чистыми два ее колена. Были крепкими и чистыми две ее прямые голени. Были прекрасными две ее гладкие пятки. Если бы сложить рядом ее ступни, были бы они ровными, если бы только не растянулось на одной мясо. Свет луны

в ее благородном лице. Ровный изгиб в двух ее нежных бровях. Лучи безумия в двух ее королевских глазах. Ямочки на каждой из двух ее щек, похожа одна (была) на каплю крови молодой лани, а друга (была) бела, как снег. Мягкость и женственность в ее голосе. Поступь твердая, уверенная. Шаг королевский у нее. Была она же самой милой и самой красивой и самой стройной из женщин, которых видели в мире. Казалось им, что была она из сидов.

Обращаясь к изображению Этайн (и им подобным), мы должны в первую очередь отметить намеренную визуализацию нарратором всего фрагмента: ср., с одной стороны, слова “казалось”, “ты мог бы подумать, что это...”, “красно было глазам людей видеть...” и так далее, с другой — яркость описания как такового. Этайн, как и любой персонаж, *изображаемый* в ирландском эпосе, описывается всегда посредством визуализации, причем часто в тексте присутствует и непосредственный наблюдатель (в случае с Этайн отходящий на задний план).

Обращение к сагам “Королевского цикла” дает иную картину соотношения плана выражения и плана содержания нарративного фрагмента, ориентированного на горизонт ожидания аудитории. Скорее всего, речь может идти просто о нарушении законов эпической поэтики: если для саг уладского цикла обязательно включение в ткань повествования формульного описания женской (как и мужской) красоты, в псевдоисторических преданиях акцент уже делался не на описании, но скорее на осмыслении действий персонажей.

Можем ли мы назвать данные описания формульными? В узком смысле, как понимает формулу М. Пэрри — “группа слов, регулярно используемая в одних и тех же метрических условиях для выражения одной основной мысли” [23, с. 80], они формулами быть названы не могут, поскольку ирландский эпос сложился в прозе. Однако, безусловно, здесь мы встречаемся с теми же “стереотипными словосочетаниями”, которые отмечались у того же Гомера на раннем этапе изучения его творчества. Однако, как пишет об этом А. Лорд, далеко не всегда даже метрическая формула является “простым инструментом” для создания эпического текста (см. [24, с. 42–43]). Формула в ирландской нарративной прозе занимает особое место: она не столько служит поддержкой для исполнителя, сколько определяется горизонтом ожидания слушателя (или уже читателя) нарратива. Аналогичные функции традиционных сравнений мы встречаем также в фольклорных текстах, как и просто — в речи. Ирландская эпическая традиция в данном случае выделяется тем, что в их употреблении неуклонно используется

“визуальный код”. Как пишет об этом же, но несколько обобщенно О.А. Смирницкая, эти описания объединяют в себя *видность* (“отмеченность героя”) и *видимость* (“соответствие между внешним блеском и внутренним достоинством”) [25, с. 162].

В нарративах, имеющих в первую очередь информативную направленность, подобные описания, а также в целом — установка на визуализацию и персонажа, и сцены в целом отступают на второй план, и дескриптивные описания постепенно сходят на нет. Их редкое появление в тексте носит характер уже не формульный, и функционально они оказываются сюжетно нагруженными. Приведем в качестве примера описание короля Суибне из саги “Безумие Суибне” (XII–XIII вв.):

И так был он одет в тот день, что была на нем тонкая шелковая рубаша, подвязанная широким расшитым поясом из королевского атласа, да еще была на нем туника, которую подарил ему Конгал Клаэн. Была эта туника гладкой, тонкой, блестящей, из пурпурного шелка, а по краю была она расшита узорной золотой каймой, да еще были нашиты на нее драгоценные карбункулы, что удерживали тонкие плетеные петли, которые надевались на круглые пуговицы, так что можно было, если захочешь, расстегивать и застегивать эту тунику, вот каким было это чудо².

Красная туника, в которую одет герой саги, предстает как наряд, привлекающий к нему внимание и очень дорогой. В дальнейшем, когда, потеряв рассудок, Суибне начинает жить в лесах, королевские воины пытаются найти его, в частности — чтобы сохранить его драгоценное одеяние.

В традиции фольклорной дескриптивные формулы, естественно, встречаются, как и везде, но обычно сокращены к минимуму (см. [27]). Иными словами, в чем-то уподобляясь судьбе зачинов типа “был великий король”, дескриптивные формулы сокращаются и остаются в традиционной устной культуре. Нарождающаяся литературная традиция стремится обходиться без них, потому что для нее канон начинает уподобляться шаблону.

Четвертым признаком, отчасти являющимся продолжением третьего, я предлагаю считать наличие в тексте неоправданных презентных альтернатив, которые могут квалифицироваться не столько как презент исторический, сколько — как сценический, то есть также призваны создавать эффект визуализации. Данный тип презента употребляется в древнеирландском нарративе

довольно часто и перемежается с претеритом, являющимся наиболее употребительным временем в нейтральном тексте. В “Грамматике древнеирландского языка” Р. Турнейзена такой тип употребления презента называется историческим [28, с. 331], и, безусловно, это так, однако данное название не может быть квалифицировано как терминологическое и, что главное, никак не проясняет предпочтения или — коммуникативные установки нарратора.

Исторический презент обычно характеризуется относительной последовательностью внутри одного текста, тогда как саговый материал дает нам странную картину смешения презента и претерита без, казалось бы, каких бы то ни было семантических оснований. Точнее, в каждом случае употребления “неоправданного” презента кажущееся отсутствие логики должно, на наш взгляд, объясняться тем, что идентичные в плане выражения случаи употребления презента имеют в плане содержания разные нарративные стратегии компилятора текста. Ср., например, из саги “Разрушение дома Да Хока”:

Tainic (pret.) in techtaire co Cormac ⁊ *ro indlis* (perf.) do in drochfaistine *dorinde* (perf.) in Badhbh dó. /.../ *Teit* (pres.) Cormac iairsin co huir in atha dia hagallaimh ⁊ *fochtais* (pret.) dí cuich na fadhbha *bai* (pret.) sí do nighi (vn) [29, с. 156] — “Пришел посланник к Кормак и рассказал ему о дурном пророчестве, которое сделала Бадб ему. /.../ Идет Кормак потом к краю брода для разговора с ней и спросил ее о сбруе, которая была у нее для мытья”.

Сочетание “идет и спросил” для русского текста звучит плохо, тогда как для древнеирландского нарратива оно укладывается в некую норму описания действия и подчиняется логике, которой интуитивно придерживался нарратор, а точнее — фиксатор устного текста.

Чередование презента и претерита в традиционном нарративе, безусловно, не является случайным, и, как писал еще Х. Вагнер, “оно служит для варьирования череды однотипных глаголов путем флуктуаций употребленных времен” [30, с. 209]. Введение презента в повествование о прошедшем, как принято считать, имеет особые стилистические функции и призвано внести в текст дополнительную информацию, которую в устном исполнении отчасти выполняли интонация и другие изобразительные речевые средства. Сказанное, однако, является лишь констатацией плана выражения, но ничего не говорит о плане содержания этого “приема”. За каждым конкретным типовым случаем претерито-презентной альтернативы в саге должна стоять

² Перевод наш. Оригинал см. [26, с. 5].

верифицируемая в понятиях функциональной грамматики коммуникативная задача нарратора, опирающегося как на горизонт ожидания аудитории, так и на создаваемый им образ виртуального повествователя.

В нашем примере (как и во многих других) при переводе было бы уместно вставить что-то вроде “И тогда он идет” и под. (что, собственно, и делает, отметим, переводчик саги В. Стоукс — **Then Cormac goes...** [29, с. 156]³). Таким образом, как верно отмечает Х. Тристрам, “игра” презенса / претеритом в саговом нарративе, безусловно, не является случайной, а в целом направлена на создание большей динамичности текста (см. подробнее ее вывод в [32, с. 27]).

Введение презенса в описание прошедших событий, как кажется, также должно замедлить повествование, перевести его из области сообщения — в область “кадрирования”, т.е. воссоздания описываемой в рассказе **сцены**. В принципе, сказанное не ново и для исследований “нарративного презенса” является уже общим местом. Так, Д. Шифрин также отмечает “сценические” функции у нарративного презенса (см. [33, с. 51ff.]), что затем было обобщено С. Флейшман в ее определении главной функции нарративного презенса как создания эффекта “визуализации” (см. [34]). Отчасти данная функция презенса, особенно — при условии альтернативы его с историческими временами, объединяет его с результативным перфектом (ср. русск. *Над морем нависла скала* и под.). Как несколько парадоксально, но верно писала о презенсе в нарративе М. Флудерник, “исторический презенс есть опциональная замена нарративного аориста” [35, с. 387].

Ср. в данной связи пример из саги “Недуг уладов”:

Desid (perf.) in banscál i cathaír ocon ten et **ataid** (pres.) tenid [8, с. 8–9] — “Села женщина на стул у очага и **разжигает** огонь”.

Виртуальный наблюдатель в данном случае, как мы полагаем, сливается с героем саги, глазами которого описана вся сцена.

В широко представленных в ирландской саговой традиции диалогах презенс начинает исполнять особую функцию, придавая описанию сценичность и драматургичность, переходя из области повествования-констатации в “сценическую” область, автоматически включающую

другие законы повествования. То есть если во время диалога, который воспроизводится в тексте, информация содержится в самих репликах героев, то для того, чтобы она была воспринята слушателем, необходимо остановить действие или — приблизить кадр, и именно презенс выполняет эту функцию.

Ср. из саги “Похищение стад Фроеха”:

Ba (pret.) imned la Fráech cen acallaim na ingine, sech ba (pret.) hé less nod mbert. Laithe n-and **atraig** (pres.) deud aidche do inlut dond abaind. Is hé tan dolluidsi (pret.) ón ṡ a hinailt do indlut. **Gaibidsom** (pres.) a llamsi. “An rim acallaim” ol sé. /.../ **Téit** (pres.) dano cechtar de a leth far sin [36, с. 6] — «Было грустно Фроеху, что он не поговорил с девушкой, а это было ему нужно. Как-то раз **отправляется** он к ночи умыться на реку. И в то время пришла она и ее служанки для умывания. **Берет** он ее за руку. “Есть ли разговор со мной”, — сказал он. /.../ После этого каждый **идет** в свою сторону».

Предположительно, генетически данные случаи использования презенса как “приема” восходят к технике устного рассказа, который характеризуется регулярным введением презенса, с “эффектом камеры”. Ср.: “Пошла я утром на озеро, **вижу: сидит** на берегу русалка...”. Саговый материал, таким образом, предстает не только как сообщение информации “о древних временах”, но и как череда “живых картин”, которые адресат должен увидеть мысленным взором в момент прослушивания, возможно — как дополнительное средство верификации текста в целом. Интересно, что более поздний, восходящий к ученой традиции текст “Книги захватов Ирландии” дает поразительно мало случаев употребления нарративного презенса: всего 4 при общем числе глагольных употреблений 424 (т.е. 0,9%, см. [32, с. 30]), что говорит о других коммуникативных установках компилятора и уже о других жанровых ориентирах. В то же время, например, повторяющие отчасти ее содержание саговые тексты, строятся по другим канонам. Так, в саге “Битва при Маг Туиред”, в которой также описано противостояние Племен Богини Дану и фоморов, мы находим и объемные описания персонажей, и сценический презенс: в описании зачатия короля фоморов Бреса его отец, соединившись с женщиной из Племен Богини по имени Эри, дает ей на память золотое кольцо:

Tiscaid (pres.) a órnaise n-óir dia meor medhóin ṡ debert (pret.) ina laim, ṡ aspert (pret.) ria na tased (pret.) uaide i cres iná i n-aisced [37, с. 62] — “**Снимает** он золотое кольцо со среднего пальца и дал ей в руку и сказал не расставаться с этим даром”.

В подсчетах, проведенных Х. Тристрам, интересно отметить еще один момент: сопоставление

³ Французский исследователь Ж. Ганьепен предлагает в подобных случаях начинать фразу в переводе с демонстратива: *Et voilà...* [31]. Ср. аналогичное русское: *И вот...*

двух редакций саги “Похищение быка из Куальнге” в ранней версии (в “Книге бурой коровы”) ею отмечено 39,7% презентных употреблений к общему числу глагольных форм, тогда как в более поздней (“Лейнстерская книга”) — всего 8,6%. Видимо, и здесь сага постепенно утрачивает свои канонические формальные приемы и имеет тенденцию превращаться в нарратив литературный, подчиняющийся уже другим канонам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Ní Bhrolcháin M.* An Introduction to Early Irish Literature. Dublin: Four Courts Press, 2009.
2. *Johnston E.* Literacy and Identity in Early Medieval Ireland. Woodbridge: The Boydell Press, 2013.
3. *Bieler L.* Hagiography and romance in medieval Ireland. *Medievalia et Humanistica*, vol. 6, 1975, pp. 13–24.
4. *Knott E.* (ed.) *Togail Bruidne Da Derga*. Dublin, DIAS, 1975.
5. *Greene D.* (ed.) *Fingal Rónáin and other stories*. Dublin, DIAS, 1955.
6. *Chadwick N.K.* An Early Irish Reader: Story of Mac Dathó's Pig. Cambridge: at the University Press, 1927.
7. *McCone K.* Aided Cheltchair Maic Uthechair: hounds, heroes and hospitallers in early Irish myth and story. *Ériu*, 1984, vol. 35, pp. 1–30.
8. *Hull V.* (ed.) *Noínden Ulad: the Debility of the Ulidians*. *Celtica*, vol. VIII, 1968, pp. 1–42.
9. *Best R.I., Bergin O.* *Lebor na hUidre. Book of the Dun Cow*. Dublin, DIAS, 1992.
10. *McCone K.* Pagan Past and Christian Present in Early Irish Literature. Maynooth: National University of Ireland, 1990.
11. *Vendryes J.* (ed.) *Airne Fíngéin*. Dublin, DIAS, 1953.
12. *Shaw F.* (ed.) *Aislinge Oenguso. The Dream of Oengus*. Dublin: Browne and Nolan Limited, 1934.
13. *Schmidt K.H.* *Boi ri amrae for Laignib, Mac Dathó a ainm*. ZCP, Bd. 28, 1961, ss. 224–235.
14. *Ó Coisdealbha L.* (ed.) *Donn Beag mac rí n-Éirinn*. *Béaloideas. The Journal of the Folklore of Ireland Society*. Iml. II–III, 1930, Ll. 296–317.
15. *Meyer R.* (ed.) *Merugud Uilix Maic Leirtis*. Dublin: DIAS, 1977.
16. *Dillon M.* Early Irish Literature. Chicago: University of Chicago Press, 1948.
17. *Dillon M.* (ed.) *Serglige Con Culainn*. Dublin: DIAS, 1953.
18. *Greene D., O'Connor F.* A Golden Treasure of Irish Poetry. A.D. 600–1200. London-Melbourne-Toronto: Macmillan, 1967.
19. *Kimpton B.* (ed.) *The Death of Cú Chulain. A Critical Edition of the Earliest Version*. Maynooth: School of Celtic Studies, 2009.
20. *Mac Cana Pr.* Notes on the Combination of Prose and Verse in Early Irish Narrative. S.T. Tranter and H.L. Tristram (eds.). *Early Irish Literature – Media und Communication*. Tübingen: Gunter Nerr Verlag, 1989, pp. 125–148.
21. *Parsons G.* “Acallam Na Senórach” as Prosimetrum. *Proceedings of the Harvard Celtic Colloquium*, Vol. 24/25 (2004/2005), pp. 86–100.
22. *Matasović R.* Descriptions in the Ulster Cycle. Ó hUiginn R. and Ó Catháin Br. (eds.) *Ulidia 2: Proceedings of the Second International Conference on the Ulster Cycle of Tales*. Maynooth, 2009, pp. 95–105.
23. *Parry M.* Studies in the epic technique of oral verse-making. I. Homer and Homeric style. *Harvard Studies in Classical Philology* 41. 1939, pp. 73–147.
24. *Лорд А.Б.* Сказитель. Пер. с англ. Ю.А. Клейнера и Г.А. Левинтона. М.: Восточная литература РАН, 1994. [Lord, A.B. *Skazitel. Per. s angl. Yu.A. Klejnera i G.A. Levintona* [Storyteller. Transl. from English by Yu.A. Kleiner, G.A. Levinton]. Moscow, Vostochnaya literatura RAN Puibl., 1994. (In Russ.)].
25. *Смирницкая О.А.* *Sīð Bēowulfes: границы “культурной лексики” в древнеанглийском эпосе* // Смирницкая О.А. Избранные статьи по германской филологии. М.: МГУ, 1990. С. 161–170. [Smirnitskaya, O.A. *Sīð Bēowulfes: granicy “kulturnoj leksiki” v drevneanglijskom epose* [Sīð Bēowulfes: The Boundaries of the “Cultural Lexicon” in the Old English Epic]. Smirnitskaya, O.A. *Izbrannye statji po germanskoj filologii* [Selected Articles on Germanic Philology]. Moscow, MGU Publ., 1990, pp. 161–170. (In Russ.)].
26. *O’Keeffe J.G.* (ed.) *Buile Shuibhne*. Dublin: DIAS, 1975 (1931).
27. *O’Nolan K.* The Use of Formula in Storytelling. *Béaloideas. The Journal of the Folklore of Ireland Society*. Iml. II–III, 1930, Ll. 296–317.
28. *Thurneysen R.* A Grammar of Old Irish. Dublin: DIAS, 1946.
29. *Stokes W.* (ed.) *Togail Bruidne Da Choca*. *Revue celtique*, vol. 21, 1900. Pp. 149–165, 312–327.
30. *Wagner H.* *Das Verbum in den Sprachen der britischen Inseln*. Tübingen, 1959.
31. *Gagnepain J.* La sémiologie du verbe celtique. *EC*, vol. 10, f. 1, 1962, pp. 43–59..
32. *Tristram H.L.* Tense and Time in Early Irish Narrative. Innsbruck: Inssbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft, 1983.
33. *Schiffirin D.* Tense variation in narrative. *Language*. Vol. 57, N 1, March 1981, pp. 45–62.

34. *Fleischman S.* Discourse functions of tense-aspect oppositions in narrative: Towards a theory of grounding. *Linguistics*. Vol. 23, 1985, pp. 851–882.
35. *Fludernik M.* The Historical Present Tense Yet Again. Tense Switching and Narrative Dynamics in Oral and Quasi-Oral Storytelling. *Text*. Vol. 11, 1991, pp. 365–397.
36. *Meid W.* (ed.) *Táin Bó Fraích*. Dublin, DIAS, 1967.
37. *Stokes W.* (ed.) *Cath Maige Tured*. *Revue celtique*, vol. XII, 1981, pp. 52–130.

Дата поступления материала в редакцию: 21 мая 2022 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 20 июня 2022 г.

Статья принята к публикации: 29 июня 2022 г.

Дата публикации: 31 августа 2022 г.

Received by Editor on May 21, 2022

Revised on June 20, 2022

Accepted on June 29, 2022

Date of publication: August 31, 2022

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800021458-9

Фольклор и упрек: опыт сентимент-анализа на базе конструкций

© 2022 г. Р. И. Шмурак

Кандидат филологических наук,
доцент Московского педагогического государственного университета,
Россия, 119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1
roman.shmurak@gmail.com

Резюме. Настоящая статья представляет собой пилотный опыт по выявлению упрека в фольклорном материале. Теоретическим ядром работы является представление о том, что упрек, как и все языковые явления, должен иметь формальное выражение в языке. Из этого следует, что упрек можно выявить в тексте на базе его формальных характеристик, опираясь на инструментарий грамматики конструкций, а не только с помощью семантики и контекста. На конкретных примерах демонстрируется эффективность метода, его достоверность и доказательность по сравнению с подходами, опирающимися на контекст и прагматическое содержание. Таким образом, перед исследованием стояло две задачи.

Во-первых, эксперимент по проведению сентимент-анализа в условиях отсутствия на момент написания статьи академического корпуса фольклорных текстов. Хотя объем фундаментальных изданий фольклорных текстов более чем значителен, закономерное отсутствие в таких текстах специализированной лексико-грамматической разметки, позволяющей создавать неоднородные по структуре корпусные запросы, возвращает исследователя к ручной обработке фольклорного материала без надежды на автоматизацию процедуры. В то же время, существование распознанных электронных текстов позволяет делать точные запросы с помощью интерфейса программ по редактированию и чтению документов в форматах PDF и DJVU.

Во-вторых, демонстрируются сам метод выявления упрека на базе конструкций и результаты применения этого метода в виде конкретных примеров реализации упрека в фольклорных текстах. Разбираются преимущества и недостатки работы с точными запросами на примере программ PDF-Xchange и DJVU-reader. Предлагается анализ полученных результатов, а также дискутируются “узкие” места и перспективы исследований подобного рода.

Ключевые слова: упрек, фольклор, анализ тональности текста, сентимент-анализ, конструкция, грамматика конструкций, корпус.

Для цитирования: Шмурак Р.И. Фольклор и упрек: опыт сентимент-анализа на базе конструкций // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 4. С. 70–80. DOI: 10.31857/S160578800021458-9

Folklore and Reproach: The Experience of Sentiment Analysis Based on Constructions

© 2022 Roman I. Shmurak

Cand. Sci. (Philol.),
Associate Professor of the Moscow Pedagogical State University,
1 bld. 1 Malaya Pirogovskaya Str., Moscow, 119991, Russia
roman.shmurak@gmail.com

Abstract. This article presents a pilot experiment to identify reproach in folklore material. The theoretical core of the work is the idea that reproach, like all linguistic phenomena, should have formal expression in language. From which it follows that reproach can be identified in the text on the basis of its formal characteristics, relying on the tools of construction grammar, and not only with the help of semantics and context. Concrete examples demonstrate the effectiveness of the method, its reliability and evidence-based nature in comparison with approaches based on context and pragmalinguistic content. Thus, the study faced two tasks.

Firstly, it presents the experiment to conduct sentiment analysis in the absence of any academic corpus of folklore texts at the time of writing the article. Although the volume of fundamental editions of folklore texts is more than significant, the natural absence of specialized lexical and grammatical tagging in such texts, which allows creating corpus queries that are heterogeneous in structure, returns a researcher to manual processing of folklore material without hope of automating the procedure. At the same time, the existence of recognized electronic texts allows you to make accurate queries using the interface of programs for editing and reading documents in PDF and DJVU formats.

Secondly, the method of identifying reproach on the basis of constructions and the results of using this method in the form of concrete examples of the reproach in folklore texts are demonstrated. The advantages and disadvantages of working with precise queries in interfaces of PDF-Xchange and DJVU-reader programs are analyzed. The analysis of the obtained results is proposed, as well as the “bottlenecks” and prospects of such research are discussed.

Key words: reproach, folklore, sentiment analysis, construction, construction grammar, corpus.

For citation: Shmurak, R.I. *Folklor i uprek: opyt sentiment-analiza na baze konstrukcij* [Folklore and Reproach: The Experience of Sentiment Analysis Based on Constructions]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 4, pp. 70–80. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800021458-9

I. Введение

Не вызывает сколь-нибудь сильного удивления, что при упоминании конструкций в контексте фольклорного материала первое, что приходит на ум, — это сказочные формулы, описанные В.Я. Проппом:

- “русским духом пахнет”, “пошел стрелок в путь-дорогу”, “стань к лесу задом” [1, с. 6, 32, 45];
- “в некотором царстве”, “ехал близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, не так скоро дело делается, как сказка сказывается”, “стань передо мной, как лист перед травой” [2, с. 199, 205, 215];
- “по щучьему велению”, “в некое время я тебе пригожусь”, “будь опять девицей” [3, с. 44, 51] и т.д.

Многие из сказочных формул-клише действительно имеют в своей основе конструкции, в том числе и конструкции упрека, о котором пойдет речь в статье:

- “Ах ты, волчья сыть да травяной мешок! Али ты идти не хошь, али нести не можь?” [4, с. 45];
- “Куда тебе дураку! Знал бы сидел на печи!” [5, с. 232];
- “Эх ты, старая ведьма! Не накормила, не напоила прохожего человека, а уж вестей спрашиваешь!” [6, с. 200];
- “Поделом вору и мука!” [7, с. 162] и т.д.

Тем не менее, термин “конструкция” используется нами в его грамматическом понимании, и речь в работе пойдет не о сказочных формулах-клише.

Как явствует из названия, в фокусе внимания статьи находятся конструктивная природа языка, рассматриваемая в контексте взаимоотношений фольклора и упрека. В теоретическом аспекте статья стремится ответить на вопрос, насколько в контексте фольклорного материала применим анализ тональности текста (англ. *sentiment analysis*), то есть может ли исследователь фольклора при необходимости поставить себе задачу выявить определенный вид эмоций, а в широком смысле и любые семантические поля, и возможно ли это в принципе в условиях отсутствия на момент написания статьи специализированного корпуса русского фольклора. В практическом плане статья демонстрирует возможность решения поставленной задачи инструментарием грамматики конструкций на примере семантического поля упрека. При этом в задачу настоящей работы не входит изучение фольклора как такового, он представляет собой материал, на базе которого происходит апробация. Упрощенно говоря, мы попытаемся извлечь упрек из массива различных фольклорных текстов с помощью методов грамматики конструкций.

Фольклор как разносторонне изученный концепт не нуждается в специальном представлении, в то время как понятия “конструкция” и “упрек” в рамках работы требуют четкой дефиниции во избежание дальнейших терминологических разночтений.

II. Конструкция

Термин “конструкция” принадлежит понятийному аппарату “грамматики конструкций” (англ. — “construction grammar”), см. [8]; [9]; [10], а также на русском [11]. Мы разделяем точку зрения многих авторитетных лингвистов, рассматривающих язык не как набор отдельных лексем, а как результат сложного взаимодействия различных конструкций между собой [12, с. 48]. Вот как метафорически описывает понятие конструкции О.Н. Ляшевская: «Подобно тому как можно судить о форме и структуре поверхности объекта по тени, которую отбрасывает этот объект, компьютерные лингвисты судят о семантике лексики. Они говорят: “Мы не знаем, что такое значение, но можем предположить, что присутствие тех или иных словоформ в контексте или их конфигураций соотносится с определенным типом значения”» [13, с. 261]. Идея, что существуют некие абстрактные модели, имеющие в языке свои реальные воплощения, позволяет, в свою очередь, предположить возможность выявления в тексте определенных семантических полей на формальной основе, с той или иной степенью автоматизации, без обращения собственно к семантике и контексту. Речь притом идет не о фразеологизированных сочетаниях и их вариантах, а о полноценных конструкциях, реализуемых множеством модификаций, далеко выходящих за пределы вариативности фразеологических единиц. В качестве примера рассмотрим конструкцию упрека “куда + тебе + инфинитив + !”. При самом поверхностном поиске по фольклорным текстам мы получим следующие ее реализации:

— “*Куда тебе отнять! Мой муж дюже сильный, с двадцатью головами!*” [5, с. 296];

— “*Да куда тебе со мной взапуски бегать! Мой маленький брат Заинька — и тот тебя далеко за собой оставит!*” [5, с. 336];

— “*Куда тебе мою крепость пробовать? Ты муха передо мной!*” [5, с. 282];

— “*Куда тебе, старому черту, жениться, разве мне, молодцу!*” [5, с. 284];

— “*Куда тебе идти, — отвечал убогий, — ты еще мал и глуп!*” [6, с. 311];

— “*Куда тебе, дураку, воевать; тебе впору свиньям корм давать!*” [7, с. 241];

— “*Ну, куда тебе еще странствовать! Денег у нас и так нет, что ж ты с собой возьмешь?*” [14, с. 251].

Как можно видеть из представленного примера, концепция конструктивной природы языка действительно позволяет автоматизировать поиск необходимой семантики на начальном этапе, делает этот поиск полностью автономным от контекста, значительно повышает его эффективность. В то же время неизбежно возникает ряд вопросов, без ответа на которые описание метода представляется неполным:

1. Как была найдена сама конструкция, по которой осуществляется поиск?
2. Какие параметры лежат в основе поиска?
3. Каковы ограничения поиска?
4. Что понимается в работе под термином “упрек”?

Вопросы 1–3 соотносятся с методологией исследования и будут рассмотрены в соответствующем параграфе “Методы”, а сейчас обратимся к упреку как языковому феномену.

III. Упрек

На настоящее время в отечественной лингвистике не существует однозначного толкования упрека как языкового феномена. Причина этого кроется, во-первых, в большом количестве работ, посвященных упреку и выполненным учеными разных школ и направлений, а во-вторых, в традиционном подходе к упреку с позиций семантики, при котором игнорируются формальные характеристики явления.

Поскольку наша работа посвящена “визуализации” упрека через формальную сторону, дефиниция его семантики не является ключевой задачей статьи. Однако, отдавая дань академической традиции, диктующей четко формулировать объект исследования, мы полагаем необходимым выразить нашу точку зрения по этому вопросу.

Учитывая разнообразие и значительную конкуренцию существующих определений упрека, мы не считаем целесообразным в рамках статьи ни защищать какое-то одно из них, ни создавать еще одно авторское. В том или ином ключе каждое из этих определений ориентируется на три базовые характеристики: коммуникативную цель, контекст и субъектно-объектные отношения. Основываясь на этих характеристиках, в пределах работы мы будем считать упреком высказывание двухкомпонентной структуры, содержащее в себе обвинительную составляющую (1) и трансляцию

субъектом своей эмоциональной уязвленности (2) от вымышленных или реальных действий объекта.

Как известно, одной из самых больших слабостей семантического анализа является проблема интерпретации. Проведем в качестве примера мысленный эксперимент. Группа интерпретаторов оценивает семантику одного высказывания. Интерпретатор А говорит, что высказывание является упреком. Интерпретатор В предполагает, что высказывание может быть как упреком, так и другой формой речевой агрессии, например, обвинением. Интерпретатор С абсолютно убежден, что высказывание представляет собой ярко выраженное обвинение. И, наконец, интерпретатор D считает высказывание лишенным семантики упрека и других видов речевой агрессии. Кто же прав? Очевидно, что в условиях эксперимента ответа просто не существует. Для успешной реализации коммуникативной ситуации упрека необходимы не только желание субъекта обвинять и транслировать свою эмоциональную “уязвленность”, но и акцепция — интерпретирование высказывания объектом в качестве упрека. Подход к упреку с позиций грамматики конструкций помогает отчасти нивелировать субъективность интерпретации, но только отчасти. Конечное решение, считать ли упреком пример, полученный в результате поиска по конструкции, остается все же на откуп исследователя-интерпретатора. Однако, даже с учетом погрешностей интерпретации, выдача на конструкцию 70–100% примеров, ассоциированных с упреком, будет доказательством ее регулярности. Выдачи именно таких конструкций мы будем считать упреками в рамках статьи. Подробнее об этом см. [15]; [16]; [17].

IV. Методы

Как было упомянуто выше, ключевыми вопросами для решения поставленной задачи являются следующие:

1. Как была найдена сама конструкция, по которой осуществляется поиск?
2. Какие параметры лежат в основе поиска?
3. Каковы ограничения поиска?

Поскольку описываемый метод является ядром практической части работы, необходимо тезисно остановиться на его базовых положениях.

1.

Создание конструкции представляет собой классический пример процесса научного поиска. В начале этого пути исследователь не имеет никаких предвзятых представлений о том, как

будет выглядеть будущий список конструкций. Исследователь может опираться лишь на чувство языка, присущее ему как носителю. Погружаясь в материал (в нашем случае былины и сказки), исследователь не стремится выписывать упреки, но старается увидеть закономерности тех локусов, в которых были найдены упреки. С течением времени и увеличением опыта этот поиск сужается и становится более таргетным. В распоряжении исследователя оказываются фрагменты текста, которые с той или иной степенью достоверности указывают на наличие в исследуемом материале упрека. Эти сигнальные фрагменты — **маркеры** упрека (выделено нами. — Р.Ш.). По аналогии с медицинским пониманием маркера такой фрагмент не гарантирует 100%-ное наличие упрека, а лишь позволяет исследователю “заподозрить” это наличие. Чем надежнее (“специфичнее”) маркер, тем меньше ложноположительных результатов будет в выдаче примеров, и наоборот. Эти характеристики маркера упрека делают его субъективной единицей поиска, в отличие от конструкции, в состав которой такие маркеры обычно и входят. Так, например, в описанной ранее конструкции упрека “куда + тебе + инфинитив + !” маркером в общем виде является “вопросительно-относительное местоимение / наречие + личное местоимение 2 л. ед. ч. Д. п.”. Это не особо специфичный маркер для упрека, кроме того, вне корпуса с лексико-грамматической разметкой задать его параметры невозможно. Но даже сузив маркер до сочетания “куда + тебе”, при вводе в материал мы все равно получим вместе с упреками ряд ложноположительных результатов — примеров с иной семантикой:

— “Садись скорей на меня, — сказала жар-птица, — и полетим, **куда тебе** надобно; а то баба-яга съест тебя!” [6, с. 229];

— “Ну, сынок, вот тебе ключи от всех палат; всюду ходи — **куда тебе** захочется, только не смей заглядывать в одну палату, что заперта двумя замками, золотым да серебряным” [6, с. 252].

Следующим шагом будет обнаружение в полученной выдаче закономерности, что “куда + тебе” в сочетании с инфинитивом и восклицательным знаком передает минимум в 90% случаев семантику упрека. Таким образом, на основе выдачи по маркеру может быть спрогнозирована конструкция упрека, которая будет объективной единицей поиска, поскольку в отличие от маркера, порожденного интуицией исследователя, при вводе в лексико-грамматический поиск корпуса, например, НКРЯ [18] такая конструкция позволяет получить конкретные реализации упрека в русском языке. Например:

I. Поисковый запрос:

“куда + тебе + инфинитив + !” (куда на расстоянии 1 до 3 от ты, dat на расстоянии 1 до 3 от inf, beхcl) (дата обращения: 14.02.2022)

II. Лексико-грамматический поиск:

Основной корпус: 20 документов, 20 вхождений / 1 вне семантики упрека

Газетный корпус: 3 документа, 3 вхождения / 0 вне семантики упрека

Поэтический корпус: 1 документ, 1 вхождение / 0 вне семантики упрека

Остальные корпуса: 0 документов.

III. Пример реализации в корпусе:

“– Погляди на себя, куда тебе сейчас *пить!*” [С.Ф. Буданцев. Отчий дом (1928)]

IV. Количество вхождений / количество вне семантики упрека:

24 вхождения / 1 вне семантики упрека

V. Всего упреков:

95,8%

Представляется, что такой высокий процент упреков в выдаче корпуса доказывает, что перед нами действительно конструкция упрека.

2.

В основе поиска, представленного в практической части работы, лежат следующие параметры:

1) Список маркеров и конструкций упрека, разработанный автором в процессе написания диссертации [22];

2) Дефиниция семантики упрека и научные установки, представленные в статье;

3) Основным материалом исследования послужили русские былины [4] и сказки [5]; [6]; [7], в качестве дополнительных источников использовались сказки братьев Гримм [14]; [19] и некоторые другие издания.

3.

Серьезный отпечаток на работу накладывают следующие ограничения поиска:

1) Как было отмечено, в настоящее время не существует сколь-либо серьезного академического корпуса русского фольклора. Таким образом, в распоряжении исследователя оказывается относительно ограниченный (по сравнению, например, с массивами Национального корпуса русского языка) объем разрозненных источников.

Учитывая исключительно электронный формат поиска, за границами этих источников оказываются материалы с нераспознанным текстом, то есть такие, в которых невозможно осуществлять внутритекстовый поиск. Определенное ограничение на поиск накладывает также авторский отказ от источников иных файловых форматов в пользу PDF и DJVU, программы для которых имеют наиболее продвинутый интерфейс и улучшенный функционал внутритекстового поиска.

2) Корпусный поиск, помимо преимуществ в объеме и следовательно в репрезентативности данных, обладает для исследований подобного рода и еще одной ключевой характеристикой – возможностью практически в 100% случаев трансформировать искомую конструкцию в поисковый запрос. Это достигается за счет корпусной разметки текстов и поисковой машины корпуса, предоставляющей в распоряжение исследователя возможность создавать неоднородные по своей структуре запросы, учитывать семантические, грамматические, синтаксические и др. характеристики конструкции. Внутритекстовый поиск в программах для форматов PDF и DJVU возможен только по точным словам, что, конечно, значительно суживает поле исследования, не позволяя использовать конструкции как таковые, а лишь их составные части – маркеры упрека.

Несмотря на перечисленные ограничения, эффективность и достоверность исследования сложно подвергнуть сомнению.

Да, объем источников по сравнению с массивами корпуса не так велик. Однако о недостатке репрезентативности можно поспорить, поскольку речь идет о многотомных академических источниках, авторитетность которых самоочевидна. Кроме того, перед исследованием не стоит цель механически пересчитать все упреки в русском фольклоре. Задача состоит в том, чтобы продемонстрировать метод, с помощью которого упреки могут быть извлечены из фольклорного текста с определенной степенью автоматизации на базе грамматики конструкций. Для решения этой задачи объем не является столь уж ключевым параметром.

Да, поиск осуществляется фактически на основе маркеров, что увеличивает количество ложноположительных результатов и должно было бы значительно затруднить работу исследователя по ручному отсеиванию зерен (упреков) от плевел (высказываний с иной семантикой). Однако, во-первых, за счет относительно небольших объемов по сравнению с корпусом выдач такой отбор в принципе осуществим, а во-вторых, в любом

случае представляется в разы более эффективным, чем ручной отбор с карандашом в руках по бумажным источникам, как это происходило до появления корпусов.

V. Представление результатов

Конструкция “где уж + инфинитив”

1. Реализация в фольклорных текстах

— “Ну, ребятушки, вот какова рысь kota да барана! Евстифейка-волка умудрились сшибить и изувечить с какого высокого пня, а нам где уж на земле устоять!” [5, с. 65];

— “Где уж нынче правдой жить? Правда-то в лаптях ходит, а кривда в сапогах!” [5, с. 202];

— “Где уж тут о работе думать? Лучшие погуляем на последки” [5, с. 236];

— “И то правда, — говорит волк, — где уж тебе, сестрица, идти, садись на меня, я тебя доведу” [20, с. 241].

2. Комментарии:

Упреки, полученные на конструкцию, делятся на 3 вида: самоупрек (1), “риторический” упрек (2) и упрек со стертым обвинительным компонентом (3).

(1) Вектор классического упрека идет от субъекта высказывания к его объекту. В случае самоупрека в качестве объекта упрека выступает сам субъект, другими словами, упрек направлен “на себя”. Формально самоупрек легко определяется по наличию в составе высказывания личных местоимений 1-го и 2-го лица (я, мы во всех формах), что хорошо демонстрирует представленный пример: “Ну, ребятушки, вот какова рысь kota да барана! Евстифейка-волка умудрились сшибить и изувечить с какого высокого пня, а нам где уж на земле устоять!”.

(2) “Риторический” упрек достаточно редкий вид упрека. Его особенностью является отсутствие очевидного объекта, это упрек “в воздух”, упрек-обращение к “высшим силам”, не предполагающий получение ответа: “За что мне все это?”, “Ну что же у меня за жизнь такая?”, “Почему они всегда в мою смену приходят?” и т.п. Еще одной чертой “риторического” упрека является генерализация — субъект как бы говорит “за всех”. “Где уж нынче правдой жить?” и “Где уж тут о работе думать?” — типичные примеры этого вида упрека, обладающие обоими из перечисленных признаков. Такой упрек, вероятно, довольно близок фольклорной речи, так как генерализация и обращение к высшим силам ей в полной мере свойственны.

(3) Стертость одного из компонентов упрека выводит его на периферию семантического поля

и затрудняет определение значения высказывания. Типичные представители такой коммуникативной ситуации “ласковые упреки”. Пример “И то правда, — говорит волк, — где уж тебе, сестрица, идти, садись на меня, я тебя доведу” может быть понят и вне семантики упрека. Явственного обвинения здесь не прослеживается, тональность высказывания определенно положительная. Считать ли такое высказывание упреком остается на усмотрение интерпретатора. Наше отнесение примера к упреку мотивировано тем фактом, что, несмотря на общую положительную коннотацию высказывания (волк собирается помочь лисе), “где уж тебе, сестрица, идти” означает “плохо, что ты не можешь идти — тебе стоило бы мочь — из-за тебя у меня могут быть трудности”, что вполне попадает под семантику упрека, даже учитывая стертый характер обвинения.

Конструкция “почто + глагол + ?”

1. Реализация в фольклорных текстах

— “Ах ты, эй, Добрынюшка Никитинец! Ты, знать, порушил свою заповедь. Зачем стоптал младых змеенышей, Почто выручал полоны да русские?” [4, с. 69];

— “Ай же ты, мое чадо милое Молодой Василий да Буслаевич! Что же ты ходишь по городу уродуешь? Почто же хватаешь за руки, Руку рвешь из плеча вон? Почто хватаешь за ноги, Ногу рвешь из ходилов вон?” [4, с. 114];

— “Почто вы губите себя? Разве вы можете перестоять нас? Если будете стоять и десять лет, то что сможете сделать нам?” [4, с. 383];

— “О милое мое чадо, петел! Почто ты такую речь говоришь? Почто я учиню так? Читывал ли ты притчу про мытаря и фарисея, как мытарь спасся, а фарисей погиб за гордость? Ты, мое милое чадо, без покаяния на высоком древе погибнешь” [5, с. 26];

— “Детоньки, миленьки! Не вы ли скота-то пустили? Почто же, детоньки, пакостите? Не надо, миленьки!” [7, с. 181];

— “Ох ты гой еси, ладо немилое, Немилый и постылый! Ты почто убил моего брата любимого? Своего шурина постылого?” [21, с. 570];

— “Ох ты ой есть, пресвята мать Богородица! Ты почто это меня нынче повыдала? Я за веру стоял да Христовую, Я за церкви стоял да за соборные” [21, с. 88].

2. Комментарии

Упреки, маскирующиеся под причинный вопрос, не исчезли и в современной речи и, как показывают примеры, очень характерны для фольклорных текстов. Конечно, не всегда возможно с уверенностью сказать, что упрек присутствует

в таком вопросе. При работе с выдачей семантика упрека на фоне очевидной причинности казалась нам настолько ускользающей, что, размышляя над полученными результатами, мы уже практически приняли решение не включать “почто + глагол + ?” в качестве конструкции упрека в статье. Но возникшее в ходе анализа соображение, представленное ниже, полностью нивелировало эти сомнения. Допустим, что все представленные примеры всего лишь вопросы причины, без намека на семантику упрека. Тогда получается, что субъект высказывания действительно желает знать именно причину событий, а не выражает обвинения и свою уязвленность действиями объекта? При такой интерпретации вопросы в примерах приобретают гротескную окраску. Змея, вопрошающая Добрыню, “зачем <он> стоптал младых змеенышей” и “почто выручал полоны да русские”, просто интересуется актуальной для нее информацией. Василия Буслаевича просят указать причины, по которым он ходит по городу, “уродует” и “рвет ноги из ходилов вон”. Исключительно, чтобы узнать причины и учесть ошибки, человек, который всю жизнь “за веру стоял да Христовую, за церкви стоял да за соборные”, любопытствует у Богородицы, почему она его “повыдала”, и т.д. Прием доведения аргументации до абсурда позволяет хорошо продемонстрировать, что в представленных примерах ответ в виде перечисления причин совсем не ожидается и мы действительно имеем дело именно с семантикой упрека, а не причинностью в чистом виде.

Конструкция “не + стыдно / совестно + инфинитив + ? / !”

1. Реализация в фольклорных текстах

— “Да постыдитесь же, дрянные девчонки! Как вам не совестно бежать следом за этим молодым парнем? Разве так-то водится?” [19, с. 379];

— “Что, куманек, не стыдно ли свой грех на чужих сваливать? Отпирайся теперь, вор, а укоры-то верные” [5, с. 21];

— “Как не стыдно тебе, молодой юноша, воровать! Да кто ты таков, и которые земли, и какого отца сын, и как тебя по имени зовут?” [5, с. 417].

2. Комментарии

Категория “стыда” напрямую взаимосвязана с упреком. Лексемы, имеющие в своем составе корни “стыд-”, “совест-”, “срам-”, часто обнаруживаются в упреках, и не только в составе представленной конструкции. Любопытной деталью является, что упрек обычно встречается в высказываниях, где подобные лексемы входят в состав предложений с вопросительной, восклицательной интонацией и отрицательной формой,

и совсем не характерен для утвердительных и невосклицательных предложений.

Конструкция “что + личное местоимение 1, 2 л. Им. п. + наделал + ?”

1. Реализация в фольклорных текстах

— “Ах, Иван-царевич, что же ты наделал! Если бы ты еще только три дня подождал, я бы вечно твоей была” [4, с. 173];

— “После бедный дворянин одумался и говорит сам себе: **Что я наделал?** Взялся узнать, а сам ничего не ведаю!” [4, с. 297];

— “Отец перепугался: **“Что ты наделал!** Ведь я теперь должен буду уплатить за топор, а чем я платить буду? В этом только и весь прок от твоей работы!” [14, с. 61];

— “Ах, Катерлихен! **Что ты наделала?** Ведь это же не черенки были, а чистое золото, и в том было все наше состояние. Ты бы этого не должна была делать!” [19, с. 335];

— “Доченька, — сказала мать, — **что ты наделала?** Но теперь-то уж замолчи, чтобы никто этого не знал; ведь теперь уж этого не воротить! Давай разварим его в студень” [19, с. 263];

— “**Что ты, дурак, наделал?** Зачем медведя в сарай притащил? Он всех коров у нас порешил!” [5, с. 333];

— “Ах, братец, **что ж это мы наделали?** Старичку поклона не отдали; давай нагоним его да поклонимся” [5, с. 350];

— “**Что ты наделал, старый пес?** Уходил ты моих дочек, моих кровных деточек, моих ненаглядных семечек, моих красных ягодок! Я тебя ухватом прибую, кочергой зашибу!” [5, с. 96];

— “Ах, Лебедь-птица, красная девица! **Что я наделал:** спьяну тобой похвалился, своей жизни лишился!” [7, с. 21];

— “Ах, батюшки! **Что ж ты наделал;** ведь это дочь нашего купца — страшная ведьма! Не одного молодца свела она с белого свету” [7, с. 134];

— “**Что ты наделал, собака?** И нас упекешь тут же!” [7, с. 188];

— “Эх, дурак! **Что ты наделал?** — закричали братья. — Сам пропадешь и нас загубишь! Куда теперь мертвое тело девать?” [7, с. 199].

2. Комментарии

Безусловно, смыслообразующим ядром данной конструкции является глагол “наделал”. Однако само по себе его наличие в тексте еще не означает появления семантики упрека. Ср.: “В одном городе был вороватый человек и **наделал** уже много бед” [7, с. 270]. Важными элементами являются вопросительно-относительное местоимение *что*, личное местоимение *ты* и усилительная частица *же*. Все три являются маркерами упрека и часто сопровождают его в различных конструкциях как вместе, так и по отдельности. Любопытно, что личное местоимение 2-го лица ед. ч. “*ты*” наиболее частотно из всех личных местоимений

в упреке. Это косвенно подтверждает мысль некоторых авторов о том, что упрек, как правило, обращен к близким людям — с равным или более низким социальным статусом.

Конструкция “из-за + тебя + сказуемое”

1. Реализация в фольклорных текстах

— “Ах, — сказал отец, — какие мы тревоги **из-за тебя вынесли!**” [19, с. 222];

— “Вышел солдат из дворца, забрел в дремучий лес, сел под кустик, задумался-закручинился: “Ах, дух нечистый! Все **из-за тебя пропадаю**”» [6, с. 250];

— “Ты как сюда попал? Ведь говорил тебе: берегись, так нет! Не жалко мне, что тебя прутьями били, а жалко мне, что **из-за тебя** триста рублей даром **пропали!**” [7, с. 165].

2. Комментарии

Ядро конструкции “из-за тебя”, как и в случае с глаголом “наделать”, может встречаться в высказываниях и без семантики упрека. Однако появление в предложении глагола (особенно глагола в прошедшем времени) делает вероятность упрека очень высокой.

Конструкция “напрасно + личное местоимение + сказуемое, пр. вр.”

1. Реализация в фольклорных текстах

— “Совсем **напрасно ты**, Феодул Змеуланович, на свою силу **понадеялся!** Хвастал, что Русь повоюешь, богатырей русских полонишь. А вышло не по-твоему. Так не лучше ли нам замирились подобру-поздорову?” [4, с. 237];

— “Эх, совсем **напрасно я** тогда Данилу Белого в живых **оставил!** Землю он ел, клялся не воевать с королевством Картауса, я и поверил! А он вон чего натворил! Отплатил за мою доброту. Ну, погоди, рассчитайся с тобой! Теперь пощады не будет!” [4, с. 243];

— “**Напрасно вы**, братцы, **ворчали** на меня! Ведь и колодец, и яблоня, и ковер — все это чудо-юдовы жены были” [4, с. 279].

2. Комментарии

Синонимичные лексемы “зря” и “напрасно” высокоспецифичны для упрека. Представленные примеры не отражают все многообразие вариантов выражений с семантикой упрека (или генетически родственной семантикой), полученные при работе с текстами.

За пределами конструкции остаются:

1) Примеры с тем же составом и инверсией:

— “Экой я дурак! Что ж **я напрасно съел** столько калачей. Мне бы надо сначала съесть одну баранку” [4, с. 346];

— “Нет, видно **мы напрасно смеялись** над женой Ивана-царевича, она не лягуша, а кака-нибудь хитра чародейка!” [6, с. 329].

В этих двух примерах мы не имеем дело с какой-то новой сущностью — это всего лишь инверсивный вариант изучаемой конструкции. Оба примера реализуются как ярко выраженные самоупреки, что только подтверждает их родство с конструкцией.

2) Примеры, где в составе конструкции отсутствует личное местоимение:

— «Журавль раздумался и сказал: “**Напрасно не взял** за себя цаплю: ведь одному-то скучно. Пойду теперь и возьму ее замуж”» [4, с. 145];

— “Но только **напрасно считают** нас первыми красавицами. Вот в Вахрамеевом царстве царица, дочь царя Вахрамея, — та настоящая красавица” [4, с. 238].

Здесь мы также имеем дело с вариантами все той же конструкции “напрасно + личное местоимение + сказуемое, пр. вр.”. Отсутствие местоимения (легко, впрочем, восстанавливаемого) объясняется синтаксической структурой этих примеров, это односоставные предложения определенно-личного и неопределенно-личного типа соответственно.

3) Примеры, сказуемое которых глагол не в прошедшем времени:

— “Это похвально, Еруслан Лазаревич, что ты своих близких в горе-беде не покинул, выручил, а теперь поехал живую воду для них доставать. Но скажу тебе: **напрасно ты туда поедешь**” [4, с. 246].

То, что данный пример, несмотря на явную родственность, является вариантом конструкции, вопрос дискуссионный, поскольку семантика упрека за счет еще не совершенного действия здесь не так уж и очевидна.

Почему подобные случаи вынесены за границы конструкции, хотя как минимум два из них бесспорные ее варианты? Причина этому лежит в необходимости соблюдения баланса между “количеством” и “качеством” конструкции. Излишнее расширение границ конструкции приведет не только к взрывному росту количества примеров, но и к росту ложноположительных результатов, а сверхстрогое регламентирование, хотя и уменьшит риск примеров, не попадающих под семантику упрека, приведет также к серьезному уменьшению выдачи в целом и потере интересных примеров в частности. Поскольку статья представляет собой пилотный опыт работы с фольклорным материалом, в целях большей наглядности и сохранения “качества” мы жертвуем “количеством” выдачи и рядом ценных примеров. Сказанное верно не только для данной конструкции, но и остальных конструкций, представленных в работе.

Конструкция “ты + небось + сказуемое, пр. вр.”

1. Реализация в фольклорных текстах

— “А **ты небось** думал, что у меня ноги-то лошадиные, как у тебя? — возразил ему солдат. — А с коих пор ты стал таким скрягой?” [14, с. 422];

— “Мало ли что! — отвечал ему малютка. — **Ты небось** наелся досыта, а я вот хочу повеселиться! И опять стал кричать во все горло” [19, с. 222];

— “Э-э, господин лис! — крикнула опять кошка. — Где же твоё уменье и хитрости? Кабы **ты** умел так лазать по деревьям, как я, так **небось** не **поплатился** бы шкурою” [19, с. 420].

2. Комментарии

“Небось” еще одна лексема-маркер упрека. В реальности при расширении конструкции можно получить гораздо больше интересных примеров с неизбежным при этом ростом ложноположительных срабатываний:

— «“Люди добрые землю пашут, а ты без просыпу спишь!” — “А **ты небось** хочешь, чтоб я на тебя нахал? И не думай!”» [5, с. 437].

Пример с настолько очевидной семантикой упрека, что кажется невозможным не включить его в состав работы. Однако включение в конструкцию помимо прошедшего настоящего времени немедленно даст и результаты вне семантики упрека или с очень смазанной семантикой:

— «“**Ты небось** сидишь над кладом?” — сказал мужичонка. “Конечно, над кладом, — отвечал чертенок, — и в том кладе больше найдется серебра и золота, чем тебе на всем твоём веку видеть пришлось”» [14, с. 340];

— «Вот он однажды вечером и говорит королю: “**Ты небось** думаешь, что к тебе поступило на службу двенадцать егерей?” — “Ну, да! Конечно, двенадцать егерей!” — отвечал король» [19, с. 392].

Примеры хорошо демонстрируют, как сказанное выше о балансе “количества” и “качества”, так и некоторую условность создаваемых конструкций. Условность состоит в том, что структура конструкций будет зависеть от опыта и интуиции исследователя, от инструментов поиска, которые исследователь может использовать, от задач, которые стоят перед исследованием, и т.д.

VI. Выводы

Как заявлено выше, задача исследования подразделялась на два аспекта:

— эксперимент по выделению упрека в фольклорном материале на базе конструкций;

— доказательство эффективности используемого метода.

Можно сказать, что в той или иной мере обе цели были достигнуты. Прежде всего, были получены конкретные реализации конструкций упрека в фольклорных текстах. Несмотря на технические ограничения и невозможность использовать лексико-грамматическую разметку, данные, полученные исключительно с помощью внутритекстового поиска программ Windjview и PDF-Xchange по разным источникам, представляются в целом (с поправками на неизбежную погрешность и техническое несовершенство) достоверными и заслуживающими внимания.

Нет сомнения, что поиск, поэтапно осуществляемый по маркерам и конструкциям упрека, в состоянии обеспечить определенный уровень автоматизации при работе с фольклорными источниками, сделать работу исследователя с большими массивами данных более продуктивной и системной. Основным преимуществом такого сентимент-анализа является его более высокая (по сравнению с классической ручной обработкой данных) объективность, достигаемая алгоритмизацией действий исследователя, автоматизацией процедуры поиска и регулярной природой конструкций. Впрочем, и продемонстрированный уровень объективности не может быть признан полностью удовлетворяющим. Следующим этапом, который мог бы поднять объективность подобных исследований на недосягаемую в настоящее время высоту, является запуск специализированного корпуса русского фольклора.

Следует также добавить, что использованный в статье метод поиска по конструкциям не привязан именно к упреку. Это дарит надежду на его применение при работе с широким спектром семантических полей, помимо собственно упрека, на базе которого был проведен описанный опыт.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки / Научная редакция, текстологический комментарий И.В. Пешкова. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.
2. Пропп В.Я. Русская сказка (Собрание трудов В.Я. Проппа) / Научная редакция, комментарии Ю.С. Рассказова. М.: Лабиринт, 2000. 416 с.
3. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки / Научная редакция, текстологический комментарий И.В. Пешкова. М.: Лабиринт, 2001. 192 с.
4. Былины. Русские народные сказки. Древнерусские повести / Авторы вступит. статей,

- сост. и коммент. В.П. Аникин, Д.С. Лихачев и Т.Н. Михельсон; Переизд. М.: Дет. лит., 1989. 638 с.
5. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева / Подготовка текста, предисловие и примечания В.Я. Проппа. В 3 т. М.: Государственное издательство художественной литературы (Гослитиздат), 1957. Т. 1. 516 с.
 6. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева / Подготовка текста, предисловие и примечания В.Я. Проппа. В 3 т. М.: Государственное издательство художественной литературы (Гослитиздат), 1957. Т. 2. 511 с.
 7. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева / Подготовка текста, предисловие и примечания В.Я. Проппа. В 3 т. М.: Государственное издательство художественной литературы (Гослитиздат), 1957. Т. 3. 573 с.
 8. Fillmore Ch.J., Kay P. Construction grammar course book. Berkeley: University of California, 1992. 113 p.
 9. Goldberg A.E. Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure. Chicago: University of Chicago Press, 1995. 265 p.
 10. Goldberg A.E. Constructions at work: The nature of generalization in language. Oxford: Oxford Univ. Press, 2006. 280 p.
 11. Рахилина Е.В. Лингвистика конструкций / Отв. ред. Е.В. Рахилина. М.: Издательский центр “Азбуковник”, 2010. 584 с.
 12. Рахилина Е.В., Плунгян В.А. Конструкция анекдота с точки зрения грамматики конструкций // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2009. Т. 68. № 5. С. 47–54.
 13. Ляшевская О.Н. Корпусные инструменты в грамматических исследованиях русского языка. М.: Издательский дом ЯСК, Рукописные памятники Древней Руси, 2016. 520 с.
 14. Братья Гримм. Собрание сказок / Пер. под ред. П. Полевого. В 2 т. М.: Литература, Престиж Бук, 2007. Т. 2: Сказки; Детские легенды. 464 с.
 15. Шмурак Р.И. К уточнению понятия упрека с помощью корпусных инструментов // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 3. С. 24–48.
 16. Шмурак Р.И. Формальные средства выражения упрека в русском дискурсе // Слово.ру: Балтийский акцент. 2020. Т. 11. № 4. С. 65–79.
 17. Шмурак Р.И. Формальные средства выражения упрека в русском языке: к процедуре корпусного поиска (на материале конструкции “сам + небось + V”) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2021. № 2. С. 83–92.
 18. НКРЯ [Национальный корпус русского языка: [сайт]]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>
 19. Братья Гримм. Собрание сказок / Пер. под ред. П. Полевого; Вступ. ст. В. Неустроева. В 2 т. М.: Литература, Престиж Бук, 2007. Т. 1: Сказки. 480 с.
 20. Русские народные сказки и былины. М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 1999. 368 с.
 21. Былины; Исторические песни; Баллады / сост. А. Калугиной, В. Ковпика. М.: Эксмо, 2008. 797 с.
 22. Шмурак Р.И. Формальные средства выражения упрека в русском языке (корпусное исследование): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01 / Шмурак Роман Ильич. М., 2021. 241 с.

REFERENCES

1. Propp, V.Ya. *Istoricheskie korni volshebnoj skazki. Nauchnaya redakciya, tekstologicheskij kommentarij I.V. Peshkova* [The Historical Roots of a Fairy Tale. Scientific Editorial, Textual Commentary by I.V. Peshkov]. Moscow, Labirint Publ., 2000. 336 p. (In Russ.)
2. Propp, V.Ya. *Russkaya skazka (Sobranie trudov V.Ya. Proppa). Nauchnaya redakciya, kommentarii Yu.S. Rasskazova* [Russian Fairy Tale (Collected Works of V.Ya. Propp). Scientific Editorial, Textual Commentary by Yu.S. Rasskazov]. Moscow, Labirint Publ., 2000. 416 p. (In Russ.)
3. Propp, V.Ya. *Morfologiya volshebnoj skazki. Nauchnaya redakciya, tekstologicheskij kommentarij I.V. Peshkova* [Morphology of a Fairy Tale. Scientific Editorial, Textual Commentary by I.V. Peshkov]. Moscow, Labirint Publ., 2001. 192 p. (In Russ.)
4. *Byliny. Russkie narodnye skazki. Drevnerusskie povesti. Avtory vstupit, statej, sost. i komment. V.P. Anikin, D.S. Lixachev i T.N. Mixelson; Pereizd.* [Epics. Russian Folk Tales. Old Russian Stories. Authors of Introductory Articles, Compilers and Commentators V.P. Anikin, D.S. Likhachev and T.N. Mikhelson; Reprint]. Moscow, Det. lit. Publ., 1989. 638 p. (In Russ.)
5. *Narodnye russkie skazki A.N. Afanasjeva. Podgotovka teksta, predislovie i primechaniya V.Ya. Proppa. V 3 t.* [Folk Russian Fairy Tales by A.N. Afanasyev. Preparation of the Text, Preface and Notes by V.Y. Propp. In 3 Vols.]. Moscow, Gosudarstvennoe Izdatelstvo Khudozhestvennoj literatury (Goslitizdat) Publ., 1957. Vol. 1. 516 p. (In Russ.)
6. *Narodnye russkie skazki A.N. Afanasjeva. Podgotovka teksta, predislovie i primechaniya V.Ya. Proppa. V 3 t.* [Folk Russian Fairy Tales by A.N. Afanasyev. Preparation of the Text, Preface and Notes by V.Y. Propp. In 3 Vols.]. Moscow, Gosudarstvennoe Izdatelstvo Khudozhestvennoj literatury (Goslitizdat) Publ., 1957. Vol. 2. 511 p. (In Russ.)

7. *Narodnye russkie skazki* A.N. Afanasjeva. *Podgotovka teksta, predislovie i primechaniya* V.Ya. Proppa. V 3 t. [Folk Russian Fairy Tales by A.N. Afanasyev. Preparation of the Text, Preface and Notes by V.Y. Propp. In 3 Vols.]. Moscow, Gosudarstvennoe Izdatelstvo Khudozhestvennoj literatury (Goslitizdat) Publ., 1957. Vol. 3. 573 p. (In Russ.)
8. Fillmore, Ch.J., Kay, P. Construction grammar course book. Berkeley: University of California, 1992. 113 p.
9. Goldberg, A.E. *Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure*. Chicago: University of Chicago Press, 1995. 265 p.
10. Goldberg, A.E. *Constructions at work: The nature of generalization in language*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2006. 280 p.
11. Rakhilina, E.V. *Lingvistika konstrukcij* [Linguistics of Constructions]. Moscow, Izdatelskij centr "Azbu-kovnik" Publ., 2010. 584 p. (In Russ.)
12. Rakhilina, E.V., Plungyan, V.A. *Konstrukciya anekdota s točki zreniya grammatiki konstrukcij* [The Construction of a Joke from the Point of View of the Grammar of Constructions]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2009, Vol. 68, No. 5, pp. 47–54. (In Russ.)
13. Lyashevskaya, O.N. *Korpusnye instrumenty v grammaticheskikh issledovaniyakh russkogo yazyka* [Corpus Instruments in Grammatical Studies of the Russian Language]. Moscow, Izdatelskij dom YaSK, Rukopisnye pamyatnik Drevnej Rusi Publ., 2016. 520 p. (In Russ.)
14. *Bratya Grimm. Sbornie skazok. Per. ed. P. Polevoy* [Brothers Grimm. Collection of Fairy Tales. In 2 Vols. Translated by P. Polevoy]. Moscow, Literatura, Prestizh Buk Publ., 2007. T. 2: *Skazki; Detskie legendy* [Vol. 2: Fairy Tales; Children's Legends]. 464 p. (In Russ.)
15. Shmurak, R.I. *K utocnieniu ponyatiya upreka s pomoshyu korpusnykh instrumentov* [Clarifying the Concept of Reproach Using Corpus Tools]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2020, Vol. 79, No. 3, pp. 24–48. (In Russ.)
16. Shmurak, R.I. *Formalnye sredstva vyrazheniya upreka v russkom diskurse* [Formal Means of Reproach in Russian Discourse]. *Slovo.ru: Baltijskij accent* [Slovo.ru: Baltic Accent]. 2020, Vol. 11, No. 4, pp. 65–79. (In Russ.)
17. Shmurak, R.I. *Formalnye sredstva vyrazheniya upreka v russkom yazyke: k procedure korpusnogo poiska (na materiale konstrukcii "sam + nebos' + V")* [Formal Means of Reproach in Russian: to the Procedure of Corpus Search (Based on the Construction "sam + nebos' + v")]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Moscow University Bulletin. Series 9. Philology]. 2021, No. 2, pp. 83–92. (In Russ.)
18. *NKRYA* [Russian National Corpus: [website]]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>
19. *Bratya Grimm. Sbornie skazok. Per. ed. P. Polevoy* [Brothers Grimm. Collection of Fairy Tales. In 2 Vols. Translated by P. Polevoy]. Moscow, Literatura, Prestizh Buk Publ., 2007. T. 1: *Skazki* [Vol. 1: Fairy Tales]. 480 p. (In Russ.)
20. *Russkie narodnye skazki i byliny* [Russian Folk Tales and Epics]. Moscow, TERRA–Knizhnyj klub Publ., 1999. 368 p. (In Russ.)
21. *Byliny; Istoricheskie pesni; Ballady. Sost. A. Kaluginoj, V. Kovpika* [Epics; Historical songs; Ballads. Compilers A. Kalugina, V. Kovpik]. Moscow, Eksmo Publ., 2008. 797 p. (In Russ.)
22. Shmurak, R.I. *Formalnye sredstva vyrazheniya upreka v russkom yazyke (korpusnoe issledovanie)* [Formal Means of Reproach in the Russian Language (Corpus Study)]. *Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskix nauk: 10.02.01. Shmurak Roman Iljich* [Dissertation for the Degree of Candidate of Philological Sciences: 10.02.01. Shmurak Roman Ilyich]. Moscow, 2021. 241 p. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 28 апреля 2022 г.
 Статья поступила после рецензирования и доработки: 31 мая 2022 г.
 Статья принята к публикации: 29 июня 2022 г.
 Дата публикации: 31 августа 2022 г.

Received by Editor on April 28, 2022
 Revised on May 31, 2022
 Accepted on June 29, 2022
 Date of publication: August 31, 2022

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800021459-0

Языковая игра с падежным окончанием *-ов*, или Как падонки сменились котиками

© 2022 г. Е. Р. Добрушина

Кандидат филологических наук,
заведующий кафедрой славянской филологии историко-филологического факультета
Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета,
Россия, 109651, Москва, ул. Иловайская, д. 9, стр. 2
edobrush@gmail.com

© 2022 г. Е. О. Борзенко

Кандидат филологических наук,
старший преподаватель Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета,
Россия, 109651, Москва, ул. Иловайская, д. 9, стр. 2,
преподаватель Московского финансово-юридического университета,
Россия, 117342, Москва, ул. Введенского, д. 1А
ekborzenko@yandex.ru

Резюме. В статье рассматривается нестандартное употребление окончания существительных *-ов* для слов женского и среднего рода (*продавать рыбов*), ставшее популярным в языке рунета в 2021 году. Конкуренция в родительном и одушевленном винительном нулевого окончания с *-ов*, возникнув в древнерусском языке как результат смешения двух склонений, в современном языке привела к победе *-ов* (*нет столов, домов*), при сохранении нулевого окончания для некоторых групп (*нет англичан, мальчишек*) и вариативности в разговорной речи для ряда слов (*нет помидоров / помидор*), причем нулевой вариант в XXI веке явственно уступает позиции *“ов-формам”*. Под влиянием “вирусного” мема о разговоре котов с продавцом с лета 2021 года распространена языковая игра, состоящая в намеренном присоединении *-ов* к “неподходящей” основе: *рыбов, книгов, деньгов* и т.д. Подобная языковая игра существовала издавна (например, традиционное ироническое подражание просторечью *делов-то*), но в качестве редких отдельных шуток, а в 2021 году она стала частотна, популярна, используется во множестве мемов и в рекламе, ассоциируется с темой “котиков” и определенным мировосприятием. “Язык котиков” начал превращаться в новое лингвокультурологическое явление, по степени узнаваемости сравнимое с олбанским языком, или языком падонков, пик популярности которого пришелся на середину двухтысячных. Теперь, вместо свойственного олбанскому искажению орфографического облика слова (*аффтар*), отсылающего к идее протеста, меняется грамматическая форма, отсылая к идее тихого умильного смирения перед несправедливостью жизни.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках проекта “Некодифицированная русская речь XXI века: грамматическая вариативность. Первый этап” при поддержке ПСТГУ и Фонда “Живая традиция”.

Ключевые слова: анаколупф, грамматическая вариативность, падежная вариативность, интернет-мемы, лингвокультурология, олбанский язык, разговорно-письменный язык интернета, эрратив, язык падонков, языковая игра.

Для цитирования: Добрушина Е.Р., Борзенко Е.О. Языковая игра с падежным окончанием *-ов*, или Как падонки сменились котиками // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 4. С. 81–88. DOI: 10.31857/S160578800021459-0

Language Game with a Case Ending -ov or How *Padonki* Were Replaced by Kittens

© 2022 Ekaterina R. Dobrushina

Cand. Sci. (Philol.),
Head of the Department of Slavic Philology of the Historical and Philological Faculty
of the St. Tikhon's Orthodox University,
2 bld. 9 Ilovaiskaya Str., Moscow, 109651, Russia,
edobrush@gmail.com

© 2022 Ekaterina O. Borzenko

Cand. Sci. (Philol.),
Docent at the St. Tikhon's Orthodox University,
2 bld. 9 Ilovaiskaya Str., Moscow, 109651, Russia,
Lecturer at the Moscow University of Finance and Low,
1 A Vvedenskogo Str., Moscow, 117342, Russia
ekborzenko@yandex.ru

Abstract. The article discusses the non-standard use of the endings of nouns for feminine and neuter words (*продавать рыбов*), which became popular in the Runet language in 2021. The competition of the zero ending with -ov in the genitive and animate accusative, arising in the Old Russian language as a result of mixing two declensions, in the modern language led to the victory of -ov (*нет столов, домов*), while maintaining the zero ending for some groups (*нет англичан, мальчишек*) and variation in colloquial speech for a number of words (*нет помидоров/помидор*), meanwhile the zero option in the XXI century is clearly less common than the “ov-forms”. Under the influence of a “viral” meme about a conversation between cats and a seller, since the summer of 2021, a language game has become widespread, consisting in intentionally joining of -ov to the “unsuitable” stem: *рыбов, книгов, денегов*, etc. Such a language game has existed for a long time (for example, the traditional ironic imitation of the colloquial *делов-то*), but as rare individual jokes, and in 2021 it became frequent, popular, used in a variety of memes and in advertising, associated with the theme of “kittens” and a certain worldview. The “Language of kittens” began to turn into a new linguoculturological phenomenon, comparable in degree of recognition to the Albanian, or the *Padonkaffsky* jargon, the peak of popularity of which occurred in the mid-2000s. Now, instead of the misrepresentation of the orthographic appearance of the word (*аффмар*), which is characteristic of the Albanian, referring to the idea of protest, the grammatical form is changing, referring to the idea of quiet touching humility before the injustice of life.

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the project “Uncodified Russian speech of the XXI century: grammatical variability. The first stage” with the support of the St. Tikhon's Orthodox University and the “Living Tradition” Foundation.

Key words: anacoluthon, grammatical variation, case variation, Internet memes, linguoculturology, Albanian, spoken-written language of the Internet, errative, *Padonkaffsky* jargon, language game.

For citation: Dobrushina, E.R., Borzenko, E.O. *Yazykovaya igra s padezhnym okonchaniem -ov, ili Kak padonki smenilis' kotikami* [Language Game with a Case Ending -ov or How *Padonki* Were Replaced by Kittens]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 4, pp. 81–88. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800021459-0

1. Вариативность падежных окончаний родительного множественного мужского рода

Будем называть грамматической вариативностью сосуществование в узусе двух омонимичных форм, не важно, равноправных или нет с точки зрения нормативности. В современном русском языке подобных явлений, распространяющихся на большие — несколько сотен — группы слов,

немного. Рассматриваемая здесь вариативность окончаний “-ов / нулевое” родительного падежа множественного числа (*прародина тюрок / тюрков*) и винительного у одушевленных (*видит тюрок / тюрков*) охватывает более 300 слов, то есть находится на втором месте по объемности после вариативности “-ы / -а” именительного множественного (*тракторы / трактора*).

Эта вариативность является результатом начавшегося примерно в XII в. соединения в одно двух склонений: продуктивного склонения на **ǫ* (*столь*) и непродуктивного склонения на **ǐ* (*домъ*) — и возникшей в результате данного процесса конкуренции окончаний одной и той же формы [1, с. 7]. В настоящий момент стандартным является окончание *-ов* (*нет столов, домов*) и лишь изредка, как правило, когда из-за формообразовательных особенностей невозможна омонимия единственного и множественного, нормативен ноль (*нет англичан, мальчишек*). Окончание *-ов* сразу, еще восемь веков назад, начало вытеснять нулевое, потому что убирает омонимию: неудобно, когда *надел носок* и *надел *нару носок* имеют одинаковые формы, удобнее *надел пару носков*. К настоящему моменту вариативность сохранилась только для определенного набора семантических групп. Перечислим их в максимально обобщенном виде с примерами нормативной вариативности, проверенными нами корпусно:

(1) Названия единиц измерения (*пять граммов / грамм*), для которых кодифицированная норма — *-ов*, отслеживавшаяся советской корректурой, но в разговорной речи частотен ноль, что связано с проблематикой счетной формы, то есть со смысловым распределением окончаний.

(2) Названия плодов, измеряемых массами (*килограмм баклажанов / баклажан*), для которых кодифицировано *-ов*, но в разговорной речи распространен ноль; в [2, с. 126] однозначно указано, что для лексем *апельсины, мандарины, помидоры* в устной речи используется только ноль, но Орфоэпический словарь [3] эти формы не рекомендует; оба названных источника разрешают ноль для лексемы *баклажан*, но пособия, адресованные сдающим ЕГЭ, запрещают и эту форму, например [4, с. 594].

(3) Названия лиц по принадлежности к национальностям (*прародина карелов / карел*) или воинским соединениям, для которых часто нормативен ноль (*группа башкир, солдат, партизан*) и может быть значимо семантическое распределение “собираемость” / “отдельные лица” (*группа янычар, драгун / несколько янычаров, драгунов*).

(4) Названия парных (*следы пимов / пим*) или называемых только во множественном числе (*смесь опивков / опивок*) предметов, для которых в нормативных источниках имеет место пословное распределение (*пара носков, джинсов / пара чулок, шорт*), а в разговорной речи возможна иногда почти равноправная вариативность (*пара джинсов / *джинс*), а иногда до сих пор неисследованное контекстное распределение (*пара сапогов /*

не износил этих сапог) — и то, и то ждет корпусного исследования.

Последовательно вариативность *-ов* описана в монографии “Грамматическая правильность русской речи” [2, с. 125–128], где выделено более 300 проблемных слов, но в эпоху корпусной лингвистики это описание требует перепроверки, и не только потому, что за почти полвека ситуация изменилась. Например, авторы считают формы *группа бедуинов / бедуин, из оческов / из очесок* равноправными, а проверка показывает, что форм *бедуин* и *очесок* во множественном числе в русском узусе нет и, скорее всего, не было. Современное исследование этой вариативности было сделано С.О. Савчук [5]: был проведен корпусный анализ распределения окончаний для двух семантических групп — овощей (22 слова) и лиц из воинских соединений (14 слов). В отношении обеих групп С.О. Савчук приходит к выводу о том, что для частотных сейчас слов даже в разговорных текстах нулевое окончание постепенно уступает литературному *-ов* [5, с. 427].

Итак, до сих пор в русском языке в отношении окончания *-ов* у существительных с нулевым окончанием в именительном падеже, то есть мужского рода второго склонения, имеется, словами Л.В. Успенского, “сложная путаница, восходящая своим началом <...> к очень давним временам” [6]. При этом, если раньше нулевое окончание было значимым символом разговорной речи и держало свои позиции, то сейчас действует тенденция к унификации окончания *-ов*, его экспансия. Эти путаница и экспансия стали причинами, впрочем, отнюдь не единственными, стремительной популяризации в речи русского интернета 2021 года языковой игры, построенной на вариативности *-ов* для слов женского рода.

2. Окончание *-ов* в женском и среднем роде

В формах женского и среднего рода окончание *-ов* невозможно, но в качестве ошибок, просторечных или детских, или их имитации в художественной литературе формы типа *делов* и *глупостев* появляются в текстах регулярно:

— *А вы свистеть в два пальца умеи? А — клетки делать? А медведев и кошков рисовать умеи? А — что же вы умеи?* [Максим Горький. Жизнь Клима Самгина. Часть 2 (1928), НКРЯ].

Ошибку как средство речевой характеристики персонажа в литературоведении называют анаколуфом (см., например, [7, с. 14]), а помимо собственно ошибок и анаколуфов в нашей речи издавна используются неправильные формы

ради языковой игры. Таково фразеологизованное играющее в просторечии *Делов-то!*, такова шутка *У рыбков нет зубов* — народная ирония над путаницей в падежных окончаниях, наконец, таковы индивидуальные игры, например, Маяковского, по воспоминаниям Лили Брик: *Родительный и винительный падежи он, когда бывал в хорошем настроении, часто образовывал так: кошков, собаков, деньгов, глупостев... Когда я приходила откуда-нибудь домой, Владимир Владимирович часто спрашивал, не видела ли я “каких-нибудь интересных собак и кошков”* [8, с. 151, 96].

В 2021 году в речи интернета игры с -ов стали очень популярны. Лексика, подвергающаяся искажению, принадлежит к самым разным семантическим и формообразовательным группам. Игра может относиться к конкретным существительным из семантических групп “еда / напитки” (*мандаринов, лисичков, десертов*), “животные” (*собаков, птицев, кошков*), “деловая сфера” (*деньгов, зарплатов, работов*); к вещественным существительным (*водичков, пивов, мясов*); к абстрактным существительным (*проблемов, тревогов, мечтов*). Иногда это имена собственные (*ленинов, крымов*). Встречаются *singularia tantum* (*сознаниев*) и *pluralia tantum* (*деньгов*). Чаше всего данная лексика относится к женскому роду на -а (*рыбков, жабков*), но это может быть женский род на ноль (*мышов*), средний род на -о (*словов*) и -е (*копьев*) и мужской род (*мальчишков*). А иногда носители языка используют форму -ов для неодушевленных существительных мужского рода в винительном падеже: *хлебов, миров, батонов, мандаринов* (*Вы продоете мандаринов*) и т.п., тем самым превращая неодушевленное существительное в одушевленное.

Современный интернет позволяет изучить динамику появления форм по месяцам; это очень трудоемко, но возможно, и таким образом становятся реальными даже не микродиахронические, а “нанодиахронические” методики исследования вхождения языковых единиц в речь. Вот статистика появления самой частотной из игровых форм *рыбков* по месяцам с июня 2021 года по 23 апреля 2022: июнь — 1, июль — 22, август — 70, сентябрь — 66, октябрь — 80, ноябрь — 80, декабрь — 120, январь — 86, февраль — 82, март — 93, апрель — 86. Это формы, появлявшиеся именно в текстах; пока, к сожалению, невозможно автоматически обработать тексты визуально-текстовых, то есть креолизованных (термин см. в [9]), мемов, иначе проявилась бы еще более высокая частота формы. Выброс частотности в декабре связан с публикацией на многих сайтах “итогов

года”, включавших упоминание конкретного мема.

Невероятный взлет популярности языковая игра с -ов получила по конкретной причине: в июле 2021 года появился креолизованный мем “Рыбков продоете?”. На фотографии изображены коты, сидящие перед рыбой, разложенной на земле у ног уличного продавца; между котами и продавцом происходит следующий диалог (грамматические особенности сохранены): — *Вы продаете рыбков? — Нет просто показываю — Красивое.*

Мем моментально стал вирусным, то есть известным подавляющему большинству адресатов этого жанра. Во время доклада об этом меме (тезисы [10]) в феврале 2022 года на конференции филологического направления ПСТГУ слушателям был задан вопрос, известен ли им мем. Оказалось, что из примерно 50 присутствовавших студентов-филологов с мемом были знакомы все, а из 20 взрослых филологов — половина. Этот мем очень быстро породил множество подражаний — на других мемах котам стали приписываться реплики типа *вы продаете книгов; вы взятков берете; а кебабов пробовали; достовайте курочков, рыбков и сосисков; меняю водичков на рыбков* и др. Так, интернет-сервис доставки продуктов Сбермаркет 28 июля 2021 г. использовал в социальной сети Twitter фразу *Мы продоем рыбков*, на что служба Яндекс.Лавка ответила фразой *Покажите. Красивое рыбков или нет?*, а Yandex.Eda уже на следующий день опубликовала твит *Мы показываем тех, кто продаёт рыбков, вы покупаете. красивое.*

Благодаря этому мему возникло своеобразное социокультурное течение, которое можно назвать “языком котиков”. Его признаками стали аграмматичные использования окончания -ов и прилагательных среднего рода (как правило, *красивое*, но и, например, *некрасивое, вкусное, умное* и т.п.). “Язык котиков” на основе его игровой сущности, узнаваемости по формам лингвистических неправильностей и по отсылке к определенному мировосприятию напоминает более ранний лингвокультурологический феномен Рунета: олбанский язык.

3. Эрративная семантика олбанского языка

Рунет, или русскоязычный сегмент интернета, формально существует примерно с 1994 г. Однако массовое общение непрофессионалов в чатах началось позже — незадолго до рубежа веков. И приблизительно в этот период, в начале 2000-х годов, распространился тип употребления русского языка с фонетически почти верным, но орфографически нарочито неправильным написанием слов,

впоследствии получивший название олбанского языка, или языка падонков (см. исследование М.А. Кронгауза [11]):

статя, ишшо про АКЦИЮ. народ, который против аффтатов — ему можно продолжать писать -цца в комментах? или не стоит? а то мне таперича страшно — стока поборников чистоты языка в ленте, офигеть, дайте ишшо дюжину! [Livejournal, 2005]

Причины возникновения этого явления разнообразны: во-первых, обретение в такой форме свободы; во-вторых, возможность выразить протест, реализовать контркультурные тенденции; кроме того, были и две сугубо практические причины: скрыть от автоматического вычитывания матерные слова, зашифровав их при помощи другой орфографии, и замаскировать безграмотность (хотя мастерски владели этим языком как раз грамотные люди). Язык падонков существовал около десяти лет, ныне почти забыт, но оставил след в интернет-сленге в виде пары десятков искаженных слов (*превед*), неизменяемых неологизмов (*ржунимагу*, *ниасилил*) и фразеологизмов (*выпей йаду*). Еще одним следом существования олбанского оказался введенный Г. Гусейновым термин “эрратическая семантика” [12], не ставший особо популярным, но все же сохранившийся в русском языкознании.

Эрратив — это слово, которое носитель языка, владеющий литературной нормой, подверг осознанному орфографическому искажению ради выражения отсылки к субкультуре определенного микросоциума, впоследствии приобретшее микрогрупповую канонизацию в качестве утрированно-исправленного [12]. Представляется удобным применять этот термин и к морфологическим искажениям, если они несут особую семантику, что бывает не всегда. Например, осознанной игрой с грамматикой оказываются распространенные в Рунете нестандартные компаративы, такие как *хотее хочу* [13], но они не имеют эрратического смысла. Эрратическая семантика олбанского языка состояла в отсылке к образу говорящего как склонного к эпатажу, обладающего протестным мировосприятием, негативно оценивающего мир, ироничного, в отсылке к субкультуре контркультурного, контробразовательного духа. Этот образ ушел в прошлое. Какова же эрратическая семантика современных *ов*-эрративов? Ясно, что именно она благодаря соответствию эпохе сделала их популярными и узнаваемыми.

4. Эрративная семантика аграмматического окончания *-ов*

Эрратическую семантику нестандартные формы с *-ов* приобретают тогда, когда это не литературно-разговорная вариативность, с которой все

начиналось, не случайное, ошибочное нарушение нормы и не литературный прием анаколуп, а намеренно неправильная форма. Такая форма меняет женский и средний род на мужской, неодушевленность на одушевленность и подчеркивает индивидуальность, разрозненность объектов, названных множественным числом (ср. упомянутую выше семантическую вариативность *группа янычар*, *драгун* / *несколько янычаров*, *драгунов*). В первую очередь возникает отсылка к детской речи, где унификация грамматики действует сильнее, а смешение рода и одушевленности — приемы создания детского мира. *Малыш* по отношению к девочке — это очень ласково, как и *малышка* по отношению к мальчику. Ласковость по отношению к ребенку не различает полов. Но еще более важна возникающая за счет прямой ассоциации с конкретным мемом отсылка к миру котиков — трогательных, говорящих детской речью, “няшных”.

Корень *ня-* с закрывающим его интерфиксом *-ш-*, теперь воспринимающимся как часть корня, попал в интернет-сленг из анимешной субкультуры: *ня* — японский вариант слова *мяу*, и разнообразные слова с этим корнем обозначают нечто такое же умиленное, как котик. Слова с *няш-* вошли в Рунет примерно в 2008 году — когда в нем массово появились, по формулировке М.А. Кронгауза, “девчушки”, “ванильки”, “няшечки”, которые оттеснили “падонков” своими слабыми плечиками [14]. Пик популярности слова, и по нашей статистике, и по данным словаря языка интернета [15], приходится на 2010–2011 гг., а затем заметно падает. Это слово стало популярным в кругу интернет-девочек, но остальным Рунетом было отвергнуто, стало признаком девичьей глупости. Получилось, что семантика корня *няш-* содержит безусловно положительную оценку, но его стилистическая характеристика для Рунета выражено отрицательная. Умиляться и сюсюкать было не модно. Известна шутка о том, что главное предназначение интернета со времен его появления — обмен фотографиями котиков; разумеется, это было верно и для России, но публиковать такие фоточки приходилось чуть стесняясь, с оговорками в духе “*Что это я все о политике, поговорим о котиках*”. Котиков в фейсбуке можно было сравнить со слониками на салфеточке на комод — забытым ныне символом мещанства вековой давности.

Летом 2021 года ситуация изменилась. Мем про *рыбов* разрешил определенному срезу интернет-сообщества — тому, в котором распространяются мемы, — тему котиков, она получила

общественное одобрение, и именно к ней отсылают *ов*-эргативы. Что же изменилось?

5. Семантика мема “Вы рыбов продаете?”

Может ли один-единственный мем повлиять на целую субкультуру? Да, безусловно: если поймает момент слома общественного сознания, сделает новое мировосприятие эксплицитным. Разберемся же, наконец, в смысле мема. Коты заговаривают с продавцом о рыбке с умиленно детскими ошибками. Продавец отвергает их попытку узнать, есть ли способ получить рыбу, — эмоциональный подтекст его ироничной, явно лгушей, “отшивающей” реплики не важен, может быть — жестокость, может быть — равнодушные. Важнее всего финальная реплика котиков *Красивое* — характерный для мемов (см. исследование С.В. Канашиной [16]) литературный прием обманутого ожидания. Коты могли бы огорчиться или разозлиться, просить или возмущаться — а они принимают отказ. Нельзя купить и съесть — будем этим любоваться. Переведем материальное, раз оно недоступно, в эстетическое. Воспримем недостижимое максимально абстрактно — в среднем роде, пусть неправильном. В Инстаграме есть пост пользователя *lergosogium* «Объяснение мема про “рыбов” для иностранца». В нем сформулирована близкая к нашей точка зрения — использованы те же ключевые слова: “Умиление и абсурдность дополняются вот этим ощущением невозможности достичь желаемого”. Опубликованный 6 августа 2021 г., пост получил 12277 лайков.

В период с июля 2021 по февраль 2022 г., в ситуации пандемии, страха перед болезнью, многочисленных смертей, ухудшения для многих уровня жизни, общество нуждалось в смирении и утешительной “милоте”. Лингвокультурологическая семантика игровых *ов*-форм, сделавшая их популярными, — идея приятия жизненных лишений, возмещения недостижимого материального через духовное и одновременно с этим перевод жизни в домашнюю, детскую, “котиковую”. Сейчас общественное сознание вновь резко меняется, и неясно, насколько долго игровые падежные формы сохранятся значимыми.

Итак, невероятно возросшая в текстах интернета частотность игрового использования несуществующих падежных форм определяется следующими причинами: на фоне общей тенденции к грамматической унификации имеет место экспансия окончания *-ов* в рамках соотношения кодифицированного и разговорного литературного языка; запутанная ситуация с распределением

окончаний в литературном языке делает окончание *-ов* удачным кандидатом на языковую игру; окончание *-ов*, присоединяясь к существительным женского и среднего рода, в том числе вещественным и собирательным, меняет род, превращает неодушевленное в одушевленное, привносит семантику отдельности составляющих объектов, чем создает устойчивую связь с темой детей и антропоморфных домашних животных, точнее, с темой трогательности и умиления; будучи однозначно ассоциируемым с конкретным вирусным мемом, игровое *-ов* отсылает к определенной социокультурной позиции — приятию недостижимости жизненных благ, готовности не потреблять, а любоваться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иорданиди С.И. Из истории форм родительного падежа множественного числа имен существительных в русском языке // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования, 1984: Сборник научных трудов. М.: Наука, 1988. С. 246–266.
2. Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М.: Наука, 1976.
3. Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / под ред. Р. И. Аванесова. М.: Русский язык, 2000.
4. Русский язык. Подготовка к ЕГЭ-2021 / под ред. Н.А. Сениной. Ростов-на-Дону: Легион, 2020.
5. Савчук С.О. Опыт корпусного исследования морфологической вариативности: варианты родительного падежа множественного числа существительных мужского рода // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды Международной конференции “Диалог-2010”, Бекасово, 26–30 мая 2010 года. Бекасово: Российский государственный гуманитарный университет, 2010. С. 419–430.
6. Успенский Л.В. Слово о словах. Л.: Детгиз, 1954.
7. Тимофеев Л.И. Словарь литературоведческих терминов / Ред.-сост. Л.И. Тимофеев и С.В. Тураев. М.: Просвещение, 1974.
8. Брик Л.Ю. Из воспоминаний // Современницы о Маяковском / сост. В.В. Катанян. М.: Дружба народов, 1993. С. 85–174.
9. Шурина Ю.В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации // Научный диалог. 2012. Вып. № 3. С. 161–173.
10. Борзенко Е.О., Добрушина Е.Р. Грамматика языка котиков. Тезисы // Материалы XXXII Ежегодной

- богословской конференции ПСТГУ. М.: ПСТГУ, 2022. (В печ.)
11. Кронгауз М.А. Самоучитель олбанского. М.: Изд-во АСТ, 2013.
 12. Гусейнов Г. “Берлога веблога”: Введение в эрратическую семантику // Говорим по-русски. 2005. http://www.speakrus.ru/gg/microprosa_erratica-1.htm
 13. Борзенко Е.О., Добрушина Е.Р. Интенсификаторы семантики предикатов: окказиональные формы сравнительной степени от глагола в современном русском узусе (люблю люблее) // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2017. № 1 (15). С. 26–39.
 14. Рыжова П. В интернет пришла огромная масса девочек: Интервью с Максимом Кронгаузом // Газета.ru. 10.04.2013. https://www.gazeta.ru/culture/2013/04/10/a_5250205.shtml
 15. Словарь языка интернета.ru / под ред. М.А. Кронгауза. М.: АСТ-Пресс, 2016.
 16. Канашина С.В. Эффект обманутого ожидания в интернет-мемах как особая коммуникативная стратегия // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. № 10 (187). С. 9–14.
 17. muzhskogo roda [Experiment of Corpus Study of the Morphological Variability: Variants of Masculine Nouns Gen. Pl.]. *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii: trudy Mezhdunarodnoj konferencii “Dialog-2010”*, Bekasovo, 26–30 maya 2010 goda [Computational Linguistics and Intelligent Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialog 2010”, Bekasovo, May 26–30, 2010]. Bekasovo, Russian State University for the Humanities Publ., 2010, pp. 419–430. (In Russ.)
 18. Uspensky, L.V. *Slovo o slovah* [Word about Words]. Leningrad, Detgiz Publ., 1954. (In Russ.)
 19. Timofeev, L.I. *Slovar literaturovedcheskih terminov* [Dictionary of Literary Terms]. Timofeev, L.I., Turaev, S.V. (Ed.-comp.) Moscow, Prosveshchenie Publ., 1974. (In Russ.)
 20. Brik, L.Yu. *Iz vospominanij* [From Memoirs]. *Sovremennicy o Mayakovskom* [Contemporaries about Mayakovsky]. Comp. V.V. Katanyan. Moscow, Druzhba narodov Publ., 1993, pp. 85–174. (In Russ.)
 21. Shchurina, Yu.V. *Internet-memy kak fenomen internet-kommunikacii* [Internet Memes as a Phenomenon of Internet Communication]. *Nauchnyj dialog* [Scientific Dialogue]. 2012, Vol. 3, pp. 161–173. (In Russ.)
 22. Borzenko, E.O., Dobrushina, E.R. *Grammatika yazyka kotikov. Tezisy* [Grammar of the Language of Kittens. Proceedings]. *Materialy XXXII Ezhegodnoj bogoslovskoj konferencii PSTGU* [Materials of the XXXII Annual Theological Conference of the St. Tikhon’s Orthodox University]. Moscow, PSTGU Publ., 2022. (In print.) (In Russ.)
 23. Krongauz, M.A. *Samouchitel olbanskogo* [Self-Study of Olbanian]. Moscow, AST Publ., 2013. (In Russ.)
 24. Gusejnov, G. “Berloga vebloga”: *Vvedenie v erraticheskuyu semantiku* [“The Den of the Weblog”: An Introduction to Erratic Semantics]. *Govorim po-russki* [We Speak in Russian]. 2005. URL: http://www.speakrus.ru/gg/microprosa_erratica-1.htm (In Russ.)
 25. Borzenko, E.O., Dobrushina, E.R. *Intensifikatory semantiki predikatov: okkazionalnye formy sravnitelnoj stepeni ot glagola v sovremennom russkom uzuse (lyublyu lyublee)* [Intensifiers of the Semantics the Predicates: Occasional Formations of Forms of the Comparative Degree Derived from Verbs in the Modern Russian Usage (Lyublyu Lyublee)]. *Vestnik RUDN. Seriya: Russkij i inostrannye yazyki i metodika ih prepodavaniya* [RUDN Journal of Russian and Foreign Languages and Methods of Their Teaching]. 2017, Vol. 1 (15), pp. 26–39. (In Russ.)
 26. Ryzhova, P. *V internet prishla ogromnaya massa devochek: Intervyu s Maksimom Krongauzom* [A Huge Mass of Girls Came to the Internet: An Interview with Maxim Krongauz]. *Gazeta.ru* [Newspaper.ru]. 10.04.2013. URL: https://www.gazeta.ru/culture/2013/04/10/a_5250205.shtml (In Russ.)

REFERENCES

1. Iordanidi, S.I. *Iz istorii form roditelnogo padezha mnozhestvennogo chisla imen sushchestvitelnyh v russkom yazyke* [From the History of the Genitive Plural Forms of Nouns in the Russian Language]. *Obshcheslavjanskij lingvisticheskij atlas: Materialy i issledovaniya, 1984: Sbornik nauchnyh trudov* [The Slavic Linguistic Atlas. Materials and Investigations, 1984, Collection of Scientific Papers]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 246–266. (In Russ.)
2. Graudina, L.K., Ickovich, V.A., Katlinskaya, L.P. *Grammaticheskaya pravilnost russkoj rechi: Opyt chastotno-stilisticheskogo slovary variantov* [The Grammatical Correctness of the Russian Speech: From the Experience of Creation of a Frequency Dictionary of Stylistic Variants]. Moscow, Nauka Publ., 1976. (In Russ.)
3. *Orfoepicheskij slovar russkogo yazyka: Proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy* [Orthoepic Dictionary of the Russian Language: Pronunciation, Stress, Grammatical Forms]. Avanesov, R.I. (Ed.) Moscow, Russkij yazyk Publ., 2000. (In Russ.)
4. Senina, N.A. *Russkij yazyk. Podgotovka k EGE-2021* [The Russian Language. Preparation for the Unified State Exam-2021]. Senina, N.A. (Ed.). Rostov-on-Don, Legion Publ., 2020. (In Russ.)
5. Savchuk, S.O. *Opyt korpusnogo issledovaniya morfolicheskoy variativnosti: varianty roditel'nogo padezha mnozhestvennogo chisla sushchestvitelnyh*

15. *Slovar yazyka interneta.ru* [Dictionary of the Internet Language.ru]. Krongauz, M.A. (Ed.) Moscow, AST-Press Publ., 2016. (In Russ.)
16. Kanashina, S.V. *Effekt obmanutogo ozhidaniya v internet-memah kak osobaya kommunikativnaya strategiya* [The Effect of Deceived Expectations in Internet Memes as a Special Communicative Strategy]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin]. 2017, Vol. 10 (187), pp. 9–14. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 28 апреля 2022 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 20 мая 2022 г.

Статья принята к публикации: 29 июня 2022 г.

Дата публикации: 31 августа 2022 г.

Received by Editor on April 28, 2022

Revised on May 20, 2022

Accepted on June 29, 2022

Date of publication: August 31, 2022

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800021460-2

**Вопросы, которые трудно закрыть:
многозначность слов ЗАКРЫВАТЬ, ЗАКРЫВАТЬСЯ, ЗАКРЫТИЕ
и ее представление в Активном словаре русского языка**

© 2022 г. А. В. Птенцова

Кандидат филологических наук,
доцент филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51,
доцент Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне,
КНР, 518172, Провинция Гуандун, г. Шэньчжэнь, район Лунган,
Даюньсиньчэн, ул. Гоцзидасююань, д. 1
anna.ptentsova@gmail.com

Резюме. В статье рассматриваются типичные лексикографические проблемы общего и частного характера, связанные с представлением многозначности однокоренных слов в словаре активного типа. На примере словарных статей ЗАКРЫВАТЬ, ЗАКРЫВАТЬСЯ и ЗАКРЫТИЕ, написанных автором для Активного словаря русского языка, предлагается возможное решение этих проблем в соответствии с теоретическими установками данного словаря (принципами системности, интегральности и удобства для пользователя). В кратком виде показаны схемы многозначности каждого слова, обсужден порядок подачи лексем и степень симметризации словарных описаний; полученные результаты сопоставлены с данными нескольких традиционных толковых словарей. Источником языкового материала послужил Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru).

Ключевые слова: современный русский язык, лексическая семантика, лексикография.

Для цитирования: Птенцова А.В. Вопросы, которые трудно закрыть: многозначность слов ЗАКРЫВАТЬ, ЗАКРЫВАТЬСЯ, ЗАКРЫТИЕ и ее представление в Активном словаре русского языка // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 4. С. 89–95. DOI: 10.31857/S160578800021460-2

**It's Difficult to Get Closure:
On the Polysemy of the Words ZAKRYVAT', ZAKRYVAT'SA, ZAKRYTIE
and Its Presentation in the Active Dictionary of Russian Language**

© 2022 Anna V. Ptentsova

Cand. Sci. (Philol.),
Docent of the Philological faculty at the M. V. Lomonosov Moscow State University,
1 bld. 51, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia,
Docent of Shenzhen MSU-BIT University, No. 1, International University Park Road,
Dayun New Town, Longgang District, Shenzhen, Guangdong Province, 518172, PRC
anna.ptentsova@gmail.com

Abstract. In this paper, we observe the typical difficulties of the lexicographical representation of polysemantic words with the same root in a dictionary of an active type. We propose possible solution of the problems in accordance with the theoretical concepts of an active type dictionary (the system principle, the integrality

principle and the principle of the user's convenience) by the case of the entries *ZAKRYVAT'*, *ZAKRYVAT'SA*, *ZAKRYTIE* written by the author for the Active Dictionary of Russian Language. We demonstrate a structure of the polysemy for each word, give a brief comment on the sequence of lexemes, and discuss a question of the symmetrization of the descriptions. The entries are appropriately compared with the same entries in traditional dictionaries. The description is based on the Russian National Corpus (www.ruscorpora.ru).

Key words: Modern Russian, lexical semantics, lexicography.

For citation: Ptentsova, A.V. *Voprosy, kotorye trudno zakryt': mnogoznachnost' slov ZAKRYVAT', ZAKRYVAT'SA, ZAKRYTIE i ee predstavlenie v Aktivnom slovarе russkogo yazyka* [It's Difficult to Get Closure: On the Polysemy of the Words *ZAKRYVAT'*, *ZAKRYVAT'SA*, *ZAKRYTIE* and Its Presentation in the Active Dictionary of Russian Language]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 4, pp. 89–95. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800021460-2

Настоящая статья посвящена проблеме лексикографического представления трех многозначных однокоренных слов — двух глаголов и отглагольного существительного. На примере этих слов обсуждаются три основных вопроса, которые регулярно встают перед авторами толковых словарей во всех подобных случаях и, как правило, вызывают многочисленные дискуссии: 1) вопрос о наборе значений каждого слова; 2) вопрос о порядке их подачи в соответствующей словарной статье; 3) вопрос о степени симметризации материала при подаче родственных многозначных слов. Затем предлагаются решения, легшие в основу статей ЗАКРЫВАТЬ, ЗАКРЫВАТЬСЯ и ЗАКРЫТИЕ, опубликованных в составе третьего выпуска Активного словаря русского языка [1, с. 562–569]¹.

Обсуждение перечисленных вопросов естественно начать с глагола ЗАКРЫВАТЬ. Однако прежде чем обратиться к его описанию, приведем аргументы в пользу выбора в качестве представляющей словарной формы именно глагола несовершенного вида (далее НЕСОВ), а не его пары совершенного вида (далее СОВ) ЗАКРЫТЬ; эти же аргументы определяют и выбор представляющей формы производного глагола в пользу ЗАКРЫВАТЬСЯ, а не ЗАКРЫТЬСЯ.

¹ Лексикографические принципы и установки Активного словаря были подробно описаны Ю.Д. Апресяном в [2, с. 31–36]. Кратко перечислим их: 1) принцип системности (единообразие лексикографической информации для лексем, относящихся к одному лексико-семантическому классу); 2) принцип интегральности (правильное распределение информации между грамматикой и словарем); 3) принцип удобства (простота и прозрачность языка описания и прежде всего языка толкований; эксплицитная фиксация всех существенных свойств лексемы в ее словарной статье). Под лексемой здесь понимается слово в одном из своих значений — то же понимание данного термина предлагается и в настоящей статье.

Выбор представляющих форм глаголов в Активном словаре опирается на правило, сформулированное Ю.Д. Апресяном: “Если данный глагол в своем основном лексическом значении допускает употребление в актуально-длительном или процессном значении НЕСОВ, <...> то именно эта форма выбирается в качестве представляющей” [2, с. 59]². Именно так обстоит дело для абсолютного большинства значений ЗАКРЫВАТЬ и ЗАКРЫВАТЬСЯ. Для этого последнего глагола отметим еще в качестве дополнительного аргумента наличие весьма употребительного значения НЕСОВ, которое названо в [3] характеризующе-качественным³, отсутствующего в форме СОВ: *Дверь плохо закрывается; Эта крышка закрывается герметически*. Поэтому выбор формы НЕСОВ в обоих случаях кажется более предпочтительным⁴.

Обратимся к глаголу ЗАКРЫВАТЬ и рассмотрим структуру его многозначности, используя так называемый синопсис словарной статьи, где перечислены

² В основе этого правила лежит следующий тезис: “Существует всего две первичные онтологические возможности мыслить действие — в его протекании и в результате. Картина действия в протекании — а именно так позволяют его мыслить актуально-длительное и процессное значения НЕСОВ — однозначно задает прототип действия, между тем как картина результата действия менее однозначна: один и тот же результат может быть у разных действий и процессов” [2, с. 59].

³ “Глаголы характеризующе-качественного значения называют <...> действие как характерную для субъекта склонность или способность подвергаться какому-либо воздействию: *нитки плохие, рвутся; машина хорошо заводится; фарфор легко бьется*” [3, т. 1, § 1469].

⁴ В качестве контраргумента этому решению следует привести то соображение, что как минимум для нескольких значений первого из глаголов частотнее форма СОВ, ср., например, стандартное *закрыть вопрос <дискуссию>* и значительно менее употребительное *закрывать вопрос <дискуссию>*. Однако отметим, что подобные значения производны и при этом весьма далеки от того, которое является исходным для данного глагола, и что форма НЕСОВ все же вполне употребительна и в таких случаях.

все значения, истолкованные для краткости при помощи условных семантических ярлыков (или в некоторых случаях при помощи чуть более развернутых толкований) и снабженные примерами⁵:

закрывать 1 'загораживать': *Тучи постепенно закрывали горы; Картина закрывает дырку на обоях.*

закрывать 2.1 'защищать объект от воздействия': *закрывать голову руками от ударов; закрывать ребенка одеялом от холода.*

закрывать 2.2 'служить преградой для воздействия'⁶: *Маска закрывает лицо от пыли; Ноги воина закрывают поножи; А глотку крокодила, чтобы в нее не заливалась вода, закрывает кожистая складка (М. Аромштам).*

закрывать 3.1 'делать невозможным перемещение': *закрывать проезд для частного автотранспорта; После обвала туннель был закрыт; Дорога закрыта — там стоит полицейский кордон;* к этому же значению относятся и метонимические употребления⁷ по отношению к неодушевленным объектам в качестве субъекта действия: *Шлагбаум закрывал проезд⁸; а также образные употребления применительно к процессу достижения какой-либо цели: Поступление в университет было для него закрыто.*

закрывать 3.2 'ставить преграду на пути потока': *закрывать кран <вентиль>;* сюда же относятся метонимические употребления применительно к жидкости или газу: *закрывать воду <газ>.*

закрывать 4.1 'препятствовать доступу в помещение': *закрывать дверь в дом на щеколду <ворота на засов, окна на шпингалет>;* к этому значению относятся метонимические употребления двух видов:

⁵ Синописами, содержащими краткие формулировки значений и облегчающими ориентацию в материале, в Активном словаре снабжаются словарные статьи слов, имеющих более четырех лексем. При этом для каждой лексемы в словаре предлагаются и развернутые толкования, включающие при необходимости сентенциальный вход и переменные. Приведем в качестве примера толкование **закрывать 1**: *A1 закрывает A2 от A3* 'Непрозрачный объект A1 или его часть располагается между объектом A2 и наблюдателем A3 так, что A3 полностью или частично не видит A2'.

⁶ Подчеркнем важность разделения значения **2.1** (аггентов) и **2.2** (каузативного): первое из них описывает целенаправленное действие, осуществляемое субъектом — живым существом, во втором случае субъект неодушевлен и служит лишь причиной наступления какой-либо ситуации.

⁷ Термин "употребление" в Активном словаре примерно соответствует термину "оттенки значения", используемому в традиционных толковых словарях, однако употребление определяется намного строже — как результат изменения прототипического словарного толкования (замена, добавление или снятие компонентов толкования) в верифицируемых контекстуальных условиях [2, с. 95]. В частности, в Активном словаре регулярно выделяются расширенные, метонимические и образные употребления лексем.

⁸ Подобные употребления, как и **закрывать 2.2**, являются каузативными, но, в отличие от вполне частотного **2.2**, оформившегося в самостоятельное значение, ощущаются как чуть более окказиональные, не вполне отделившиеся от **закрывать 3.1**. Отметим, что в целом граница между употреблением и самостоятельным значением весьма зыбка и не может быть определена каким-либо единым для всех случаев правилом.

1) применительно к помещению: *закрывать комнату;*
2) применительно к объекту, находящемуся в помещении: *закрывать кошку в комнате.*

закрывать 4.2 'препятствовать доступу внутрь помещения': *закрывать банку крышкой;* сюда же относятся метонимические употребления применительно к неодушевленным объектам, непосредственно препятствующим доступу: *Банку закрывала белая пластмассовая крышка.*

закрывать 5 'сдвигать части объекта так, что между ними не остается свободного пространства': *закрывать книгу; закрывать глаза; закрывать веер; Цветы закрывают к вечеру свои чашечки.*

закрывать 6.1 'временно прекращать доступ людей в общественное место или учреждение' (обычно в составе неопределенно-личных предложений): *Метро в Москве закрывают в час ночи; Рынок закрывают довольно рано; Музеи закрывают по понедельникам.*

закрывать 6.2 'ликвидировать учреждение, предприятие или организацию' (употребляется преимущественно в форме СОВ): *закрывать институт; закрывать единственную в поселке больницу;* к этому же значению относятся сдвинутые употребления применительно к продуктам творческой деятельности и к действиям по осуществлению научных исследований: *закрывать фильм <спектакль>; закрывать проект <тему>; закрывать ядерную программу.*

закрывать 7 'ликвидировать задолженность': *закрывать брешь в бюджете.*

закрывать 8 'ликвидировать' [о банковском счете]: *закрывать счет <вклад>.*

закрывать 9 **нов.** 'прекращать доступ к информации, отображаемой в электронном устройстве, или прекращать работу программы этого устройства': *закрывать все открытые вкладки <файлы>.*

закрывать 10 'завершать мероприятие': *закрывать олимпиаду <выставку>.*

закрывать 11 'завершать обсуждение': *закрывать дискуссию;* сюда же относятся метонимические употребления применительно к поводу, вызвавшему обсуждение: *закрывать тему <вопрос>.*

закрывать 12, спец. 'завершать процедуру': *закрывать сделку; закрыть экзаменационную сессию;* здесь же метонимические употребления применительно к документу, фиксирующему завершение процедуры: *Нужно срочно закрыть платежную <экзаменационную> ведомость⁹.*

На первый взгляд может показаться, что значения **10** и **12** (и, возможно, даже **11**) можно было бы объединить, поскольку во всех этих случаях речь идет о чем-то вроде окончания мероприятия. Однако нужно заметить, что **закрывать 10**

⁹ Кроме перечисленных значений, словарная статья ЗАКРЫВАТЬ включает сведения о фраземах, в состав которых входит данный глагол (однако значение фразем, содержащих существительные, описывается в статьях этих существительных — при условии, что соответствующие статьи представлены в Активном словаре и что в составе фразем отсутствует вариативность существительных): *закрывать глаза кому-л.* — см. ГЛАЗА; *закрывать глаза на что-л.* — см. ГЛАЗА; *закрывать двери перед кем-л.* <для кого-л.> — см. ДВЕРЬ; *закрывать кавычки <скобки>* 'писать в тексте вторую из кавычек или скобок'; *разг.-сниж. закрывать рот кому-л.* — см. РОТ.

предполагает специальный ритуал, именуемый *закрытием* (ср. *торжественное закрытие; церемония закрытия; участники <организаторы> закрытия; присутствовать на закрытии; купить билеты на закрытие*), что неверно в случае **закрывать 11** и **12**; кроме того, **закрывать 12** является стилистически отмеченной лексемой.

Как видно из схемы многозначности, близкие значения объединяются в блоки (см. блоки **2, 3, 4, 6**). Этот прием позволяет отразить в схеме большую или меньшую семантическую дистанцию между разными лексемами слова.

Итак, описываемый глагол представлен в общей сложности шестнадцатью значениями. Эти значения можно разделить на две крупные семантические группы: к первой из них относятся лексемы, указывающие на препятствование зрительному восприятию (**1**) или физическому доступу к объекту (**2–5**); ко второй группе относятся лексемы с абстрактным значением, указывающие на ликвидацию объекта или завершение мероприятия или процедуры, то есть на действия, в результате которых то, что закрывают, завершается или перестает существовать (**7–12**).

В блок **6** попадают лексемы, относящиеся по указанному признаку к разным группам: **6.1** указывает на прекращение доступа в общественное место или учреждение, а **6.2** — на их ликвидацию. Однако производность второго значения от первого настолько интуитивно очевидна, что кажется нецелесообразным разделять этот блок, который таким образом наглядно демонстрирует, что структура многозначности данного глагола, как и в других случаях полисемии, представляет собой континуум.

Приведем для сравнения данные [4] и [5]. В обоих словарях в качестве представляющей выбрана форма СОВ ЗАКРЫТЬ. [4] выделяет у соответствующего глагола семь самостоятельных значений и четыре оттенка значений: *Все побережье [...] было закрыто туманом* (Диковский) — оттенок к значению 'заслонить, заградить', ср. иллюстрирующий основное значение пример *Огромная черная туча закрыла солнце* (Мезенцев)¹⁰; *закрыть окно <занавес, калитку>* и *закрыть дверь на замок* — два оттенка к значению 'сделать недоступной внутренность чего-л.'; *закрыть собрание <заседание>* — к значению 'прекратить, прервать

деятельность, работу'¹¹. В [5] подача материала организована практически так же, как в [4]¹², но в качестве отдельного представлено значение *закрыть детей в квартире* (что, как кажется, целесообразно считать употреблением; ср. употребление 2 к значению **4.1** в предложенной выше схеме многозначности).

Ни в [4], ни в [5] нет значений, аналогичных **7, 8, 10, 11, 12**, то есть нет большей части значений с идеей ликвидации / завершения¹³. Интересно, что сочетание *закрывать счет* обоими словарями помещается во фраземы (а близкое сочетание *закрывать вклад* нигде не упоминается). Между тем, как кажется, *закрывать* имеет здесь то же значение ликвидации, что и в других аналогичных случаях, а семантическое наращение, которое не было бы выводимо из семантики составляющих лексем, отсутствует.

Рассмотрим теперь некоторые вопросы, связанные с порядком подачи значений ЗАКРЫВАТЬ. Прежде всего, поясним, что взаиморасположение значения **1** (*Туча закрывает горы*) и двух значений блока **2** (*закрывать лицо от ветра; Наколеники закрывают колени от травм*) связано с тем, что первое из них семантически проще, поскольку данная лексема не имеет валентностей цели и инструмента, и интуитивно ощущается как исходное. Это же значение дается первым в [4] и [5], однако отметим, что в [6]¹⁴ оно располагается лишь на третьем месте — решение, которое по изложенным причинам кажется менее удачным. К сожалению, линейный порядок представления многозначности не всегда позволяет наглядно отразить семантическую близость лексем. Так, затруднительно учесть заметную переключку значений **5** (*закрывать книгу*) и **9** (*закрывать вкладку на компьютере*) — их разделяет, в частности, блок **6**, о котором говорилось выше.

¹¹ Статья [4] цитируется по изданию, выложенному на сайте feb-web.ru (точный адрес статьи — <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/08/ma153401.htm>).

¹² [5, с. 329].

¹³ Надо сказать, что и в основном подкорпусе Национального корпуса русского языка большинство этих значений представлены очень скудно — при том, что по запросу в Google выдаются сотни тысяч ссылок. Вот результаты поиска в этом подкорпусе для некоторых показательных словосочетаний с интервалом между словами от 1 до 3 (дата обращения — 22.04.2022): *закрывать / закрыть долг* — 5 вхождений, *дыру в бюджете* — 4; *вкладку* — 0 вхождений, *приложение* — 2, *окно* (первые 10 страниц выдачи в "компьютерном" значении) — 8; *сделку* — 9 вхождений, *сессию* — 0.

¹⁴ Материал [6], как и [4], доступен на сайте feb-web.ru (точный адрес статьи ЗАКРЫТЬ — <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/08/us196201.htm>)

¹⁰ Нужно заметить, что не вполне понятно, почему употребление *Туча закрыла солнце* подается в словаре как иллюстрация основного значения, а употребление *Побережье было закрыто туманом*, являющееся пассивной перифразой конструкции *Туман закрыл побережье*, квалифицируется как оттенок этого значения — понятно, что туча и туман закрывают объекты весьма сходным образом.

Отметим также, что значение 7 сохраняет ощутимую образность по отношению к первому значению; ср. *Закон призван закрыть огромную брешь в правовом обеспечении предпринимательской деятельности* ("Воздушно-космическая оборона", 2003; значение 7) и *Эта картина закрывает дырку на обоях* (значение 1). Однако сближать указанные значения при их линейной подаче не кажется правильным, так как разбиение на группы 'прекращение доступа' и 'ликвидация / завершение' семантически важнее.

Перейдем к глаголу ЗАКРЫВАТЬСЯ. Очевидно, что подачу материала в статье этого глагола следует максимально симметризовать с представлением глагола ЗАКРЫВАТЬ, не забывая при этом и о необходимости отражать семантические различия.

Прежде всего, следует решить вопрос о том, существует ли значение ЗАКРЫВАТЬСЯ, соотносимое с **закрывать 1**. Вполне частотными являются употребления типа: *В момент захода на посадку горы закрывались сплошной облачностью* (В. Дудин), *Снеговые горы закрывались серым туманом* (Л.Н. Толстой); *Налево горизонт закрывался чернеющей ровной полосой: там [...] выступали далекие горы* (И. Ефремов). Однако здесь очевидным образом выступает не самостоятельный возвратный глагол ЗАКРЫВАТЬСЯ, а форма пассива от ЗАКРЫВАТЬ.

Аналогично употребления этого глагола в контекстах вида *С декабря дорога закрывается для движения автотранспорта; Переход закрывается по ночам* тоже представляют собой пассив — в данном случае от **закрывать 3.1**.

Поиск в Корпусе дает некоторое — очень небольшое — количество абсолютных употреблений вида *Облака опустились, вершина закрылась; Пока мы строили тур на перевале, вершина закрылась; Ползут свинцовые тучи, Манарага снова закрывается* — все эти употребления принадлежат, насколько можно судить, исключительно альпинистскому жаргону¹⁵. Поэтому можно считать, что данное значение еще не сформировалось и включать его в статью ЗАКРЫВАТЬСЯ немного преждевременно.

Иным образом обстоит дело со значением ЗАКРЫВАТЬСЯ, соотносимым с **закрывать 11** (*закрывать дискуссию <тему, вопрос>*); ср.: *И тут еврейская тема надолго закрылась для меня* (Ю. Нагибин); *С окончанием весенней сессии Госдумы "туркменский вопрос" не закрывается*

("Советская Россия", 2003). Как и в предыдущем случае, в Корпусе подобных употреблений почти не находится, но поиск в интернете дает весьма частотное сочетание с существительным *вопрос*. Поэтому кажется целесообразным выделить соответствующее значение (см. ниже **закрываются 9**).

Вот каким образом выглядит синопсис ЗАКРЫВАТЬСЯ:

закрываются 1 'защищаться': *закрываются рукой от ветра; закрываются одеялом.*

закрываются 2.1 'перегораживать поток': *Клапан медленно закрывался.*

закрываются 2.2 'иметь свойство становиться преградой для потока': *В какую сторону закрывается вентиль?*

закрываются 3.1 'перегораживать доступ в помещение или на территорию': *Двери <ворота, ставни> закрылись* (метонимические употребления применительно к помещению: *Клетка закрылась; Отсек закрылся*; образные употребления применительно к внутреннему миру человека: *В подростковом возрасте дети часто закрываются*).

закрываются 3.2 'иметь свойство перегораживать доступ в помещение или на территорию': *Дверь плохо закрывается* (метонимические употребления применительно к помещению: *У него комната не закрывается*).

закрываются 3.3 'перегораживать доступ во вместилище': *Крышка закрывалась с легким щелчком.*

закрываются 3.4 'иметь свойство перегораживать доступ во вместилище': *Крышка плохо закрывается* (метонимические употребления применительно к вместилищу: *банка плохо закрывается*).

закрываются 4 'запираться изнутри': *Он закрывается на ключ и сидит в комнате целый день.*

закрываются 5 'смыкаться': *Книга закрылась от ветра; Глаза закрывались от усталости.*

закрываются 6.1 'становиться временно закрытым' [об учреждениях и предприятиях]: *Музей закрывается в шесть.*

закрываются 6.2 'прекращать работать' [об учреждениях и предприятиях]: *Бассейн закрылся два года назад.*

закрываются 7 'исчезать с экрана электронного устройства по причине прекращения доступа к информации или прекращения работы программы' [об объектах, визуально представляющих информацию]: *Вкладка <страница> закрываются, если нажать на крестик в углу экрана; Файл не должен закрываться без сохранения.*

закрываются 8 'завершаться' [о мероприятии]: *Заседание закрывается; Конференция закроется 14-го числа; Выставка закрывается 8 декабря.*

закрываются 9 'переставать обсуждаться по причине вынесения решения': *Национальный вопрос не закрывается сам собой.*

Таким образом, ЗАКРЫВАТЬСЯ оказывается представлен в общей сложности четырнадцатью значениями. Сопоставим их со значениями ЗАКРЫВАТЬ.

¹⁵ Отметим, что аналогичный тип употреблений существует и для антонима ОТКРЫВАТЬСЯ: *Пыль немного улеглась, горы слегка открылись* (П.К. Козлов. Географический дневник Тибетской экспедиции 1923—1926 гг.).

Значению **закрывать 1** (*Туча закрыла гору*), как было сказано выше, в структуре многозначности **ЗАКРЫВАТЬСЯ** не находится соответствия; агентивному значению **закрывать 2.1** соответствует **закрываются 1** (*закрывать лицо рукой от ветра — закрываться от ветра*), каузативный **закрывать 2.2** (*Маска закрывает лицо от пыли*) не имеет соответствия.

Как отмечалось выше, не находится соответствия и значению **закрывать 3.1** (*закрывать дорогу для автотранспорта*) — в отличие от **закрывать 3.2** (*закрывать клапан*), которому соответствует **закрываются 2.1** (*Клапан медленно закрывался*); при этом характеризующее-качественному значению **2.2**, указывающему на способность к совершению действия (*В какую сторону закрывается вентиль?*), нет соответствий среди значений **ЗАКРЫВАТЬ**.

Сопоставление описывающих сходные ситуации значений блока **4** глагола **ЗАКРЫВАТЬ** и блока **3** глагола **ЗАКРЫВАТЬСЯ** показывает, что **закрывать 4.1** (*закрывать дверь в дом*) и **4.2** (*закрывать банку крышкой*) соответствуют **закрываются 3.1** (*Дверь закрылась*) и **3.3** (*Крышка закрылась*), а характеризующее-качественным **3.2** (*Дверь плохо закрывается*) и **3.4** (*Крышка плохо закрывается*) соответствий в структуре многозначности **ЗАКРЫВАТЬ** не находится.

Нет отдельного значения **ЗАКРЫВАТЬ**, соответствующего **закрываются 4** (*Он закрылся в комнате*) — однако с этим значением в некоторой степени соотносится метонимическое употребление, относимое к **закрывать 4.1** (*закрывать кошку в комнате*).

Для **закрывать 5** существует симметричное ему **закрываются 5** (*Закрывать книгу — Книга закрывалась*); в точности так же обстоит дело с блоками **6** обоих глаголов (*закрывать музей в шесть часов — Музей закрывается в шесть часов*).

Прочие значения глаголов связаны с ликвидацией объекта или завершением мероприятия или процедуры. Из них **закрывать 9** (*закрывать вкладку <файл>*), **10** (*закрывать выставку*) и **11** (*закрывать вопрос*) имеют “парные” значения **закрываются 7** (*Вкладка <файл> закрывается*), **8** (*Выставка закрывалась*)¹⁶ и **9** (*Вопрос закрылся*). Значения **закрывать 7** (*закрывать брешь*), **8** (*закрывать счет в банке*) и **12** (*закрывать сделку*) не имеют соответствий в структуре многозначности **ЗАКРЫВАТЬСЯ**.

Нужно заметить, что для возвратного глагола словарями выделяется еще одно значение, представленное в сочетании *Рана закрылась*. Основной

подкорпус Национального корпуса дает шесть примеров такого типа, пять из которых относятся к текстам конца XIX — начала XX в.¹⁷ Данное значение представляется в значительной степени архаичным, поэтому было принято решение не включать его в Активный словарь.

Перейдем к производному существительному **ЗАКРЫТИЕ**. В [4] и [5] соответствующая статья отсутствует, однако **ЗАКРЫТИЕ** заслуживает самостоятельной статьи хотя бы потому, что многие из приводимых ниже значений весьма частотны и ощущаются как полноценные слова с вполне богатой сочетаемостью и собственным лексическим миром, то есть наличием, например, синонимов и антонимов (ср. особенно **закрытие 4**).

Структура многозначности, представленная в Активном словаре, по системным соображениям ориентирована на структуру значений **ЗАКРЫВАТЬ**, хотя при такой ориентации наиболее “активные” значения слова **ЗАКРЫТИЕ** оказываются оттеснены в линейном представлении менее частотными значениями (заметная зависимость некоторых из них от семантики значений исходного глагола подчеркивается тем, что полноценное толкование заменяется отсылкой к соответствующим значениям **ЗАКРЫВАТЬ** — см. ниже). Однако совсем редкие — потенциальные и, условно говоря, полупотенциальные — употребления отглагольного существительного (синтаксические производные типа **закрытие горы тучей*, **закрытие воды <газа>*, **закрытие банки крышкой*) не включаются в словарную статью. Что же касается прочих лексем этого слова, то все они, как уже говорилось, вполне употребительны в современном языке.

Многозначность данного существительного, таким образом, как и во многих других подобных случаях, оказывается заметно редуцированной по сравнению с набором значений исходного глагола и насчитывает лишь семь лексем. Для всех значений, кроме наиболее “активных” **3.1** и **4**, используется помета канц., часто отмечаемая у синтаксических производных.

закрытие 1 канц. от **закрывать 3.1**: *закрытие трассы <участка магистралей>*.

закрытие 2 канц. от **закрывать 4.1**: *экстренное закрытие дверей*.

закрытие 3.1 ‘временное прекращение работы заведения’: *успеть до закрытия магазина*.

¹⁶ Отметим более узкую, по сравнению с **закрывать 10**, сочетаемость **закрываются 8**: *закрывать олимпиаду <конференцию, выставку>* VS частотное *Выставка закрывалась*, но **Олимпиада <Конференция> закрывалась*.

¹⁷ Дата обращения — 22.04.2022.

закрытие 3.2 канц. 'прекращение работы предприятия или учреждения': *закрытие газеты*¹⁸.

закрытие 4 'завершение мероприятия, часто сопровождающееся торжественным ритуалом': *церемония закрытия; торжественное закрытие Олимпийских игр*.

закрытие 5 канц. от **закрывать 9**: *закрытие вкладок <файла>*.

закрытие 6 канц. от **закрывать 8**: *закрытие банковского счета*.

Завершая краткое обсуждение проблемы многозначности однокоренных слов и ее представления в словаре, отметим следующее. Как показывает опыт, подробное семантическое описание лексем — с развернутыми толкованиями, включающими переменные, которые обозначают участников ситуации; со схемой управления, демонстрирующей способы заполнения валентностей при их наличии у лексемы; со служебными зонами, содержащими (опять-таки в случае наличия) синонимы, аналоги, антонимы, конверсивы и дериваты — обычно показывает необходимость выделения у слова большего числа значений, чем фиксируется традиционными словарями; эти значения выделяются совершенно естественным образом и поддерживаются языковой интуицией. Обратим также внимание на тот довольно неожиданный факт, что некоторые широко употребительные сочетания частотных в современном языке лексем иногда не находят или почти не находят отражения в Национальном корпусе русского языка — по крайней мере, в его основном подкорпусе — несмотря на его огромный объем (на настоящий момент основной подкорпус насчитывает свыше 300 млн слов) и высокую степень сбалансированности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Активный словарь русского языка. Т. 3. Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 768 с.

¹⁸ Отметим, что обе лексемы блока 3 соотносятся в первую очередь с формой СОВ и что первая из них может быть в равной степени сочтена производной как от ЗАКРЫТЬ, так и от ЗАКРЫТЬСЯ.

2. Проспект Активного словаря русского языка. Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2010. 784 с.
3. Русская грамматика. В 2-х т. Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980.
4. Словарь русского языка. В 4-х т. Под ред. А.П. Евгеньевой. 4 изд. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
5. Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
6. Толковый словарь русского языка. Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т "Сов. энцикл."; ОГИЗ, 1935.
7. НКРЯ. Национальный корпус русского языка. <https://ruscorpora.ru/new/>

REFERENCES

1. *Aktivnyj slovar russkogo jazyka. T. 3. Pod obshch. ruk. akad. Yu.D. Apresyana* [Active Dictionary of the Russian Language. Vol. 3. Yu.D. Apresyan (ed.)]. Moscow; St. Petersburg, Nestor-Istorija Publ., 2017. 768 p. (In Russ.)
2. *Prospect Aktivnogo slovarja russkogo jazyka. Otv. red. Yu.D. Apresyan* [The Prospectus of the Active Dictionary of the Russian Language. Yu.D. Apresyan (ed.)]. Moscow, Jazyki slavanskikh kultur Publ., 2010. 784 p. (In Russ.)
3. *Russkaja Grammatika. V 2-h t. Gl. red. N.Yu. Shvedova* [Russian Grammar. In 2 Vols. N.Yu. Shvedova (ed.)]. Moscow, Nauka Publ., 1980. (In Russ.)
4. *Slovar russkogo jazyka. V 4-h t. Pod red. A.P. Evgenjevoj. 4 izd.* [Dictionary of the Russian Language. In 4 Vols. A.P. Yevgenjeva (ed.). The 4th Edition]. Moscow, Russkije jazyki Publ., Poligrafresursy Publ., 1999. (In Russ.)
5. *Bolshoj tolkovyj slovar russkogo jazyka. Gl. red. S.A. Kuznetsov* [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language. S.A. Kuznetsov (ed.)]. St. Petersburg, Norint Publ., 2000. 1536 p. (In Russ.)
6. *Tolkovyj slovar russkogo jazyka. Pod red. D.N. Ushakova* [Explanatory Dictionary of the Russian Language. D.N. Ushakov (ed.)]. Moscow, Sovetskaja Entsiklopedija Publ.; OGIЗ Publ., 1935. (In Russ.)
7. *N.K.R.Ja. Natsionalnyj Korpus russkogo jazyka* [Russian National Corpus]. URL: <http://ruscorpora.ru/new/>

Дата поступления материала в редакцию: 28 апреля 2022 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 14 мая 2022 г.
Статья принята к публикации: 29 июня 2022 г.
Дата публикации: 31 августа 2022 г.

Received by Editor on April 28, 2022
Revised on May 14, 2022
Accepted on June 29, 2022
Date of publication: August 31, 2022

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800021461-3

Несколько наблюдений над причастным пассивом в тундровом ненецком языке

© 2022 г. И. А. Стенин

Старший преподаватель Школы лингвистики,
научный сотрудник Научно-учебной лаборатории социогуманитарных исследований Севера и Арктики
факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”,
Россия, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 1
ystein88@gmail.com

Резюме. Статья посвящена двум стратегиям причастного пассива в тундровом ненецком языке, при одной из которых выражение агенса допустимо, а при другой невозможно. Первая стратегия рассматривается преимущественно на примере конструкции с перфективным причастием. Обсуждается событийный vs. результативный характер пассива и согласовательные паттерны данной конструкции. Также отмечается ограниченная допустимость пациентивных подлежащих первого и второго лиц. Вторая стратегия, которая является обязательно имперсональной, обсуждается на примере конструкции с имперфективным причастием. Причастие в этой конструкции образуется от глагола через посредство показателя дуратива. Эта конструкция используется в хабитуальных (генерических) контекстах и не допускает выраженного агенса.

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 19-78-10139 “Аргументная структура, залог и актантная деривация в языках Западной Сибири”.

Ключевые слова: тундровый ненецкий язык, самодийские языки, пассивные конструкции, причастный пассив, имперсональные конструкции, морфосинтаксис, глагольные категории.

Для цитирования: Стенин И.А. Несколько наблюдений над причастным пассивом в тундровом ненецком языке // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 4. С. 96–108. DOI: 10.31857/S160578800021461-3

A Few Notes on the Participial Passive in Tundra Nenets

© 2022 Ivan A. Stenin

Senior Lecturer of the School of Linguistics,
Research Fellow at the Arctic Social Sciences and Humanities Laboratory
of the Faculty of Humanities,
HSE University,
21/4 bld. 1 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russia
ystein88@gmail.com

Abstract. The article deals with the two strategies of the participial passive in Tundra Nenets, one of which allows the expression of the agent, and another one does not. The first strategy is considered primarily on the basis of the construction with the perfective participle. The eventive vs. resultative nature of the passive as well as the agreement patterns of the construction are discussed. The limited admissibility of patientive subjects of the first and second persons is also noted. The second strategy, which is necessarily impersonal, is discussed on the basis of the construction with the imperfective participle. The participle in this construction is formed from the verb through the durative marker. This construction is used in habitual (generic) contexts and does not allow an expressed agent.

Acknowledgements. The work is supported by the Russian Science Foundation, project No. 19-78-10139 "Argument structure, voice and valency-changing derivations in the languages of Western Siberia".

Key words: Tundra Nenets, Samoyedic languages, passive constructions, participial passive, impersonal constructions, morphosyntax, verbal categories.

For citation: Stenin, I.A. *Neskolko nablyudenij nad prichastnym passivom v tundrovom nenetskom yazyke* [A Few Notes on the Participial Passive in Tundra Nenets]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 4, pp. 96–108. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800021461-3

1. Пассив в тундровом ненецком языке.

Предисловие

Начнём издаека. В примере (1) представлен фрагмент из сказки "Сидя Вай" ("Двое Ваев"), записанной от Василия Дмитриевича Яра в п. Воронцово (п-ов Таймыр) и опубликованной К. Лабанускасом в сборнике "Ненецкий фольклор. Мифы, сказки, исторические предания" (1995)¹. В этом фрагменте иллюстрируются два типа пассивных конструкций в тундровом ненецком: а) причастный пассив с причастием (прежде всего, т.н. перфективным причастием) от переходного глагола в предикативной позиции и б) непр причастный (глагольный) пассив с выраженным в глагольной словоформе показателем пассивизации *-ra*. Соответствующие словоформы (*ядаравы* и *хадаравы*) и их переводы ('поранена' и 'оказался убитым') выделены полужирным, а поморфемный анализ предложений, в которых они встретились, дан в примерах (2) и (3).

(1) Тундровый ненецкий (п. Воронцово, п-ов Таймыр)

Нгамгэ' ёльчанггана нерняна нгоб" яхаку нгадимя. Нюдя Ваяр тяханя' тэвы". Ов, такэми нгамгэ? Тад манэнгада: нгарка Вай хабэйнгэ ласы ханта ниня. Нгэвада мынггхана ядаравы. Нюдя Вай ихинянта ма: «Ов, некаеми мале хадаравы". Хумбачи" сябумта черсядангэ пэрмэда, тамна сян илебчам' хадаван' харвавакы. Хаваримта ховэда».

Через какое-то время младший Вай доехал до одной речки. Что такое? Он увидел неживого брата, лежавшего на нарте. Голова у него **поранена** стрелой. Младший Вай подумал: "Ой, мой старший брат уже **оказался убитым**. Зря он считал свою грузовую нарту пустой. Видимо, он хотел ещё добыть несколько диких оленей, а нашёл свою смерть" [1, с. 98, 102].

(2) *ɲæwa-da* *miŋk°-xəna* *yədara-wi°*
голова-POSS.3SG стрела-LOC пристрелить-PT.PFV[3SG]
'Голова у него поранена стрелой'.
(3) *nye°ka-ye-myi* *məlye* *xa-da-ra-wi°-q*
старший.брат-PEJ°-POSS.1SG уже умереть-CAUS-PASS-NARR-3SG.R
'Мой старший брат уже оказался убитым'.

¹ Орфография источника оставлена без изменений. Символы апострофа (') и двойного апострофа (") традиционно используются в ненецкой орфографии для обозначения т.н. звонкого и глухого гортанных смычных (*h* и *q* в транскрипции Т. Салминена).

² Показатель *-ye* условно глоссируется как пейоратив (PEJ), однако он может выражать не только пренебрежительное

Кажущееся сходство двух выделенных словоформ обманчиво, и различный статус омонимичных показателей *-wi°* в их составе (показателей перфективного причастия и нарратива) может быть достаточно легко показан. В примере (2) перед нами именно перфективное причастие от переходного глагола *yədara-* 'пристрелить' в позиции именного предиката (в индикативе, в форме наименее маркированного времени, т.н. аориста, с нулевым показателем 3 л. ед. ч.), а не финитная форма т.н. нарратива (с прежде всего эвиденциальными, инферентивными и репортативными употреблениями, традиционно относимого в большинстве грамматических описаний тундрового ненецкого языка к косвенным наклонениям), поскольку в противном случае предложение должно было бы демонстрировать переходный активный синтаксис, а не пассивный с очевидным продвижением исходного прямого объекта (именной группы 'его голова') в позицию подлежащего, оформленного номинативом³. Никакой другой формой от глагола *yədara-* заменить причастие *yədara-wi°* в данном контексте без потери пассивного синтаксиса невозможно⁴.

Разумеется, формы нарратива от переходного⁵ глагола *yədara-* существуют, однако они тре-

отношение, но и сожаление, сочувствие говорящего по отношению к тому или иному участнику.

³ Нулевые показатели номинатива не отражаются в глоссах.

⁴ Таким образом, глоссирование этой же формы из этого же текста в грамматике [2, с. 440] как инферентивной (= нарративной), а не причастной, является досадной ошибкой.

⁵ Справедливости ради необходимо отметить, что существует также непереходный глагол *yədara-* 'получить ранение', изменяющийся по формам рефлексивного "спряжения", однако он, согласно суждениям моих информантов, носителей гыданского и приуральского диалектов, не сочетается с обозначениями частей тела в качестве субъекта, а свободно сочетается только с одушевлёнными именами.

(i) Тундровый ненецкий (п. Белоярск, Приуральский р-н, ЯНАО)

nyŋsya-w° / **ɲæ-da* *sayuə-x°na* *yədara-wi°-q* /
отец-POSS.1SG нога-POSS.3SG война-LOC получить.ранение-NARR-3SG.R
yədare-y°-q
получить.ранение-SFS-3SG.R

буют переходного активного синтаксиса; ср. (4), где в позиции подлежащего выступает А-участник, в позиции прямого объекта — рефлексивное местоимение *pi(x)əd°* — в аккузативе, а глагол стоит в форме субъектно-объектного “спряжения” (в этой же форме стоит глагол *хо-* ‘найти’ в последнем предложении приведённого выше фрагмента)⁶.

(4) Тундровый ненецкий (п. Белоярск, Приуральский р-н, ЯНАО)

<i>nyisya-w°</i>	<i>tu°nyi-x°na</i>	<i>pi°də-mta</i>
отец-POSS.1SG	ружьё-LOC	тело-ACC.POSS.3SG
<i>yədara-we-da</i>		
пристрелить-NARR-3SG.O		

‘Мой отец застрелился из ружья’, букв. застрелил себя.

Кроме того, на то, что в (2) употреблено именное причастие, указывает референция к результирующему состоянию, одновременному с ситуацией наблюдения, что продолжает презентную ориентацию непосредственно предшествующего контекста — букв. ‘[Он увидел:] старший Вай, будучи мёртвым, лежит (на спине) на своей нарте’⁷. Перфективное причастие в предикативной позиции является одной из основных стратегий выражения результирующего значения в тундровом ненецком, прежде всего, объектного результиativa в терминах [3]⁸; см. об этом, а также о

диахронической связи между показателями перфективного причастия и нарратива, в частности, [4]. В свою очередь, формы нарратива ожидаемым образом не могут извлекать результирующее под событие из сложной событийной дескрипции — если “словарный” вид глагольной основы перфективный, все финитные формы такого глагола будут перфективны и будут описывать ситуации с изменением фазы (т.е. являются предельными, в англоязычном понимании *telicity*); о словоклассифицирующем характере вида и одно-однозначном соответствии перфективности и предельности в тундровом ненецком см., в первую очередь, [5]; [6].

То, что в примере (3) показатель *-wi°* выступает в качестве показателя нарратива, следует уже из наличия в той же глагольной словоформе финитного показателя 3 л. ед. ч. рефлексивного (медиального) “спряжения”. Более того, форма нарратива в данном морфосинтаксическом окружении может быть “заменена” на форму аориста индикатива без потери пассивного синтаксиса предложения; ср. (5).

(5) <i>te-waq</i>	<i>sarmyik°-xəna</i>	/	<i>sarmyikə-n°h</i>
олень-POSS.1PL	волк-LOC		волк-DAT
<i>xa-da-ra-wi°-q</i>	/		<i>xa-da-re-y°-q°</i>
умереть-CAUS-PASS-NARR-3SG.R			умереть-CAUS-PASS-SFS-3SG.R

‘Наш олень оказался задран волком’.

Из этого следует, что за пассивный характер клаузы в примерах типа (3) и (5) отвечает морфема *-ra*, образующая непереходный глагол *xa-da-ra-* ‘оказаться убитым’ от переходного *xa-da-* ‘убить’, в свою очередь являющегося каузативным дериватом от непроизводного глагола *ха-* ‘умереть’. То, что глагол с пассивным показателем *-ra* образует новую лексему, а не подпарадигму исходного глагола, может быть легко продемонстрировано. Для целей этой работы достаточно того факта, что пассивные глаголы с показателем *-ra* образуют все глагольные формы, включая нефинитные, в том числе коннегатив (форму, в которой выступает смысловой глагол при финитном отрицании).

Таким образом, в общем случае две пассивные конструкции, иллюстрируемые в примере (1), легко различимы, а в примере (1) явлен случай

не совсем понятно. В корпусе [9], составленном на основе синтаксических примеров из словаря [10], релевантных примеров несколько десятков.

⁹ Переход {a} → |e| / _ǝ в начальных слогах при некоторых условиях, в частности перед показателем специальной финитной основы, стандартно происходит в большинстве идиомов (однако не во всех). По этой причине показатель *-ra* выступает здесь в виде *-re*.

а. ‘Отец получил ранение на войне’.

*б. Ожидаемое значение: ‘Его нога оказалась раненой на войне’.

⁶ Алломорф *-we*, как и *-wi°*, регулярно выступает в формах ед. ч. после основ на гласный, однако, в отличие от последнего, используется в позиции не последнего слога. После основ на согласный им соответствуют *-me* и *-mi°* с тем же распределением.

⁷ Весь остальной фрагмент (за исключением также вопроса “Что такое?”) оформлен либо индикативными глагольными формами от перфективных глаголов в аористе, описывающими (в нарративном режиме) последовательность сменяющихся друг друга событий (речка показалась — младший Вай доехал — увидел — подумал) и продвигающими нарратив, либо неиндикативными финитными глагольными формами, описывающими (в диалогическом режиме) ситуации в прошлом (по отношению к моменту речи), свидетелем которых младший Вай, выступающий на этом локальном отрезке в качестве говорящего, не был, но которые он оценивает либо как точно имевшие место (как в случае нарратива в инферентивном употреблении, когда суждение выносится методом абдукции на основании всех имеющихся в распоряжении говорящего экспериенциальных свидетельств), либо как высоковероятные (как в случае пробабилитива, когда эпистемическая оценка вероятности того или иного события рассчитывается исходя из энциклопедических знаний говорящего о мире).

⁸ В работах [7, с. 13]; [8, с. 308] отмечается, что результирующая семантика данной формы реализуется редко и “требует значительной контекстной поддержки”. С чем связана такая оценка и что именно значит последнее утверждение,

их максимального поверхностного сходства. Несмотря на то, что между ними есть общие черты — в обоих случаях исходный объект продвигается в позицию подлежащего, в обоих случаях пассив может использоваться безагенсно, что следует уже из примеров (2)–(3), прежде всего, когда агенс неизвестен или неважен, — различий в структурном устройстве двух пассивных конструкций, как и, по-видимому, различий в их функционировании, значительно больше.

Причастный пассив в тундровом ненецком отчасти уже становился предметом рассмотрения в литературе (см. в первую очередь [2, с. 239–249 et passim], а также отдельные наблюдения в [4]), однако его функционирование изучено недостаточно, поэтому целью этой работы является дать обзор конструкций причастного пассива и уделить некоторым из них, прежде всего безагенсному пассиву, особое внимание. Непродуктивный пассивный показатель *-ra*, существование которого лишь упоминалось в литературе, нуждается в отдельном изучении.

Материал тундрового ненецкого, привлекаемый к рассмотрению в этой работе, взят из опубликованных источников и существующей литературы, а также записан в ходе собственной полевой работы автора в экспедициях в с. Антипаюта, с. Гыда (Тазовский район) и п. Белоярск (Приуральский район) Ямало-Ненецкого автономного округа в 2011–2014 гг. Примеры, полученные от носителей тундрового ненецкого языка, приводятся без ссылок. Я крайне признателен всем консультантам за неоценимую помощь.

Статья устроена следующим образом. За предисловием следует краткий раздел 2, в котором даны общие сведения о причастном пассиве. Раздел 3 посвящён причастным конструкциям, в которых возможно выражение агенса, в первую очередь пассивной конструкции с т.н. перфективным причастием. В разделе 4 описана одна из имперсональных конструкций с т.н. имперфективным причастием. В разделе 5 суммируются выводы.

2. Общие сведения о причастном пассиве

Причастный пассив является стандартным и абсолютно продуктивным средством пассивизации в тундровом ненецком языке. Причастный пассив не предполагает конструкцию с пассивным причастием. В тундровом ненецком языке, в отличие от нганасанского¹⁰, нет причастий, которые мог-

ли бы быть названы пассивными. Все причастия в тундровом ненецком, включая перфективное причастие, введённое в рассмотрение выше, в залоговом отношении нейтральны [11]; [12]. Так, в атрибутивной позиции перфективное причастие может релятивизовывать и S-, и P-, и (по крайней мере теоретически) A-участника. Однако в предикативной позиции перфективное причастие от переходных глаголов P-ориентировано.

Причастный пассив не ограничен конструкцией с перфективным причастием в предикативной позиции и, согласно И. Николаевой, может быть образован также с участием имперфективного причастия, проспективного причастия и отрицательного причастия, т.е. всех четырёх причастий, при этом причастия, как и другие именные предикаты, могут нести синтетический показатель прошедшего времени *-sy*¹¹, а также формировать аналитические конструкции в сочетании с вспомогательным глаголом *ɲæ* ‘быть’ (при необходимости выразить отрицание, будущее время и неиндикативные грамматические категории из области модальности и эвиденциальности). Набор доступных форм несколько различается в зависимости от словарного вида переходного глагола (перфективного vs. имперфективного), а также в зависимости от конструкции (см. фрагменты парадигм в [2, с. 240, 248]). Существует два основных типа конструкций причастного пассива — агенсный пассив, при котором выражение агенса возможно, хотя и необязательно, и безагенсный пассив, при котором выражение агенса невозможно, т.е. конструкция в обязательном порядке имперсональна.

3. Агенсный причастный пассив

В конструкциях, в которых выражение агенса возможно, он оформляется как стандартный посессор — генитивом¹², если это лексическая

ненецком языке используется для релятивизации субъекта непереходного глагола и объекта переходного глагола [14].

¹¹ Морфему *-sy* по целому ряду причин скорее стоит рассматривать как показатель ретроспективного сдвига (или в аналогичной перспективе), а не как “нормальный” показатель категории абсолютного времени (с последней, впрочем, в тундровом ненецком языке в принципе есть сложности). Наиболее яркой морфологической особенностью аффикса *-sy* в финитных глагольных формах является то, что он присоединяется после всех словоизменительных показателей, включая показатели лица и числа.

¹² В [2, с. 241] отмечается, что в (крайне)западных диалектах агентивное дополнение в конструкции причастного пассива может, по крайней мере маргинально, оформляться также локативом (/ инструменталисом), однако единственный пример из малоземельского диалекта, приводимый в качестве иллюстрации, содержит форму с показателем *-bey* вместо формы перфективного причастия на *-wi* (форма

¹⁰ В нганасанском языке это пассивное причастие с показателем *-MƏƏ* (см., например, [13]). Т.н. антериорное “пассивное” причастие с показателями *-duuj* / *-zuuj* в лесном

именная группа (6), или номинативом, если это личное местоимение (8). При этом причастие в позиции именного предиката обнаруживает любопытные модели согласования¹³. Если в позиции подлежащего причастной пассивной конструкции пациентивный участник выражен лексической именной группой или личным местоимением третьего лица, а в позиции агентивного дополнения тоже находится лексическая именная группа или агенс не выражен вовсе (неизвестен, неважен и пр.), причастие согласуется только по числу с подлежащим (6)–(7). Если же в позиции агентивного дополнения (посессора) стоит личное местоимение, с подлежащим (пациентивным участником) точно так же происходит согласование по числу¹⁴, а с агенсом (в позиции посессора) – согласование по лицу и числу, и выражается оно с помощью показателей посессивной серии, а не личных глагольных показателей (8). Местоименный агенс при этом может быть не выражен поверхностно, если он не находится в фокусе, однако в любом случае, как и стандартный местоименный посессор, он контролирует лично-числовое согласование на причастии (9).

(6) Тундровый ненецкий (с. Гыда, Тазовский р-н, ЯНАО)

tyuku° ꞗэуеки° *nyebya-nta* masi-bə-wi°
 этот ребёнок мать-GEN.POSS.3SG вымыть-DUR-PT.PFV[.3SG]
 ‘Этого ребёнка мыла его мать’.

на *-bey°* предположительно носит более именной характер). В [4, с. 220–221] отмечается, что локативно(-инструментально)е оформление агентивного дополнения в конструкции причастного пассива встречается также в её материалах по крайневосточным диалектам, собранным на Таймыре, однако только в элицированных данных. В обоих случаях исследовательницы связывают это с возможным влиянием русского языка, в котором инструментальное оформление агентивного дополнения при пассиве является стандартным.

¹³ Согласовательные паттерны в аналитических конструкциях с (перфективным) причастием в пассивной конструкции здесь не иллюстрируются, однако согласование в таких случаях распределено между вспомогательным глаголом и смысловым, выступающим в форме причастия. Согласование по числу с пациентивным участником в позиции подлежащего обязательно выражается на вспомогательном глаголе *ꞗə-* ‘быть’ и факультативно на причастии, тогда как лично-числовое согласование с агентивным дополнением возможно только на причастии; см. [2, с. 243–244] и примеры там.

¹⁴ При этом согласование по множественному числу выражается в данном случае не показателем *-q*, а чередованием *i° ~ e* (точнее, *e ~ i°*) в показателе перфективного причастия. Выше говорилось, что в формах единственного числа в позиции нефинального слога невозможен алломорф *-wi°* (*-mi°*), вместо него обязательно выступает *-we* (*-me*). Согласование по двойственному числу выражается особой (под)основой дв. ч.; см. пример 43b в [2, с. 242].

(7) tyuku°-q tyuku° yalya-h syerta-wi°-q
 этот-PL этот день-GEN сделать-PT.PFV-3PL
 ‘Эти (вещи) сегодня сделаны’.

(8) tyiki° xidy-a-q *məny°* xəl°ta-wi°-nyih¹⁵
 этот кружка-PL я вымыть-PT.PFV.PL-POSS.1NPL
 ‘Эти кружки я помыл’.

(9) tyiki° хэнə-г° syan° te-wi°na temta-we-r°?
 этот нарта-POSS.2SG сколько олень-PROL купить-PT.PFV-POSS.2SG
 ‘Эту нарту ты за сколько оленей купил?’, букв. эта нарта за сколько оленей куплена тобой.

Возможности пассивизации в случае, если в позицию подлежащего продвигается пациентивный участник, выраженный личным местоимением первого или второго лица, нуждаются в специальном изучении. Не исключено, что такие возможности крайне ограничены в тундровом ненецком (ср. запрет на субъектно-объектное “спряжение” при прямом объекте первого и второго лица и другие свидетельства, демонстрирующие повышенную чувствительность тундрового ненецкого языка к информационной структуре и дейктическому статусу аргументов)¹⁶. В грамматике И. Николаевой утверждается, что если в позиции подлежащего при пассиве оказывается участник первого или второго лица, агенс может быть только третьего лица и не вызывает согласования на причастии, а лично-числовое согласование происходит с подлежащим и выражается показателями посессивной серии [2, с. 243]. В подтверждение приводятся три примера (44a–с в оригинале), один из которых (44a) не показателем в плане определения серии лично-числовых показателей (поскольку 1 л. мн. ч. выражается показателем *-waq* как в посессивной серии, так и в субъектном “спряжении” финитного глагола, из которого заимствуются лично-числовые показатели именных предикатов, а также в субъектно-объектном “спряжении” глагола).

Два других примера, приводимых И. Николаевой, на самом деле содержат показатели финитной согласовательной серии, а не посессивной (показатель *-n°*, совпадающий в субъектном “спряжении” глаголов и предикативном склонении имён, а не *-r°*, совпадающий в субъектно-объектном “спряжении” глаголов и посессивном склонении имён при посессоре 2 л. ед. ч. и обладаемом ед. ч.), что не отражается в оригинале

¹⁵ В восточных диалектах посессивные показатели 1 л. ед. ч. зачастую вытеснены показателями 1 л. дв. ч. В таком случае синкретичный показатель glossируется как POSS.1NPL.

¹⁶ Позиция подлежащего при продвигающем пассиве обеспечивает топикальный статус, однако в ней оказываются пациентивные (и пациенсоподобные) участники, что может создавать конфликт в том случае, если на неё претендуют личные местоимения первого и второго лица.

в силу крайне упрощённого глоссирования. Эти примеры, иллюстрируемые в (10)–(11), отвергаются опрошенными мной носителями гыданского говора, однако характер запрета не до конца ясен¹⁷.

(10) Тундровый ненецкий (с. Гыда, Тазовский р-н, ЯНАО)

*pidar° / pro_{2SG} nyebya-nt° xəl°ta-we-n°
ты мать-GEN.POSS.2SG вымыть-PT.PFV-2SG

Ожидаемое значение: ‘Тебя вымыла твоя мать’, букв. ты вымыт.

(11) *pidar° / pro_{2SG} pidoh xəl°ta-we-n°
ты они.PL вымыть-PT.PFV-2SG

Ожидаемое значение: ‘Тебя вымыли они’, букв. ты вымыт.

В моём распоряжении имеется только один изолированный пример с подлежащим второго лица при причастном пассиве, при этом лично-числовой показатель также совпадает с показателем предикативного склонения имени и субъектного ‘спряжения’ финитного глагола, а не с показателем посессивной согласовательной серии.

(12) Тундровый ненецкий (с. Гыда, Тазовский р-н, ЯНАО)

(pidar°) nyebya-nt° ɲəw°la(-mp°)-we-n°
ты мать-GEN.POSS.2SG накормить(-DUR)-PT.PFV¹⁸-2SG

‘Тебя вскормила {, вырастила и пр.} твоя мать’, букв. ты твоей матерью вскормлен.

Как уже было сказано выше, подобные конфигурации явно нуждаются в отдельном изучении¹⁹.

Согласно И. Николаевой, все регулярные прямые объекты могут быть продвинуты в позицию подлежащего в конструкции причастного пассива (допускающего выражение агенса), в том числе возможна пассивизация (и продвижение прямого

объекта вложенной актантной клаузы в позицию подлежащего матричной клаузы) из конструкций субъектного и объектного контроля (см. примеры (48)–(49) в [2, с. 244–245]), но не из обстоятельных предложений. Прямые объекты с показателем дестинатива, однако, не могут быть подлежащими в конструкции причастного пассива, так же как они не могут контролировать субъектно-объектное ‘спряжение’, поскольку в принципе не допускают топиальный статус и, как правило, вводят новых участников в дискурс. В [2, с. 245–248] содержатся также некоторые наблюдения относительно синтаксического поведения подлежащего и агентивного дополнения в конструкции причастного пассива (контроль рефлексивизации, вторичных предикатов, PRO некоторых оборотов), в частности, отмечается высокая синтаксическая активность агентивного дополнения, однако вопрос о его синтаксическом статусе оставлен открытым.

Отдельно стоит затронуть вопрос о событийном vs. результативном характере причастного пассива в тундровом ненецком языке (ср. противопоставление т.н. акционального vs. статального пассива, нем. Vorgangspassiv vs. Zustandspassiv в литературе). И. Николаева отмечает, что ненецкий причастный пассив обозначает событие, а не результат события, поскольку, согласно [2, с. 244], пассив совместим только с обстоятельствами, характеризующими способ действия, а не результат, и время (динамического) события, а не время его результата²⁰. Иными словами, согласно И. Николаевой, пассив сочетается только с обстоятельствами, которые специфицируют подсобытия агентивной деятельности и процесса в пациенсе, но не результирующего состояния, если говорить, например, о предикатах, относимых к свершениям. В подтверждение этой точки зрения, однако, в грамматике И. Николаевой, приведены лишь три примера и не приведено никакого отрицательного языкового материала. Эти три примера даны ниже (транскрипция и глоссы уточнены и унифицированы, перевод оставлен без изменений).

(13) Тундровый ненецкий

tyuku° xarəd° nyísyā-nyí syidya yalya-xəna
этот дом отец-GEN.POSS.ISG два день-LOC
syerta-wi°
сделать-PT.PFV[.3SG]

‘This house was built by my father within two days’ [2, с. 244].

²⁰ В оригинале: “The passive has an actional meaning; it does not denote the result of the event. This can be seen from the fact that it is only compatible with adverbs which specify the time of the event denoted by the verb, and not the time of its result, or the manner in which the action took place” [2, с. 244].

¹⁷ Не все опрошенные носители в норме используют глагол *xəl°ta* ‘вымыть’ и его дериваты для обозначения ситуаций мытья ребёнка и т.п., однако примеры (10)–(11) неприемлемы независимо от этого, в том числе для тех, кто допускает перфективное причастие от этого глагола в аналогичном контексте при подлежащем третьего лица.

¹⁸ Проанализировать *-we* как показатель нарратива в данном случае невозможно ввиду очевидного несоответствия переводу и пассивного характера предложения.

¹⁹ В [2] фигурируют ещё как минимум два примера, в которых в позиции подлежащего в конструкции причастного пассива оказывается личное местоимение второго лица; см. ниже (транскрипция и глоссирование унифицированы).

(i) *pidar° pyísyān-cy° Wera-h nyu°cyā-we-n°*
ты смеяться-CVB Вэра-GEN поцеловать-PT.PFV-2SG
‘You were kissed by Wera, who was laughing (while you were laughing)’ [2, с. 247] (пример 56а в оригинале).

(ii) *pidar° Maša-m nyacy° Wera-h xo-we-n°*
ты Маша-ACC с Вэра-GEN найти-PT.PFV-2SG
‘You were found by Wera with Masha’ [2, с. 248] (пример 58b в оригинале).

(14) *xarəd° nyísyā-nyí yənpəmo-w°na syerta-wi°*
 дом отец-GEN.POSS.1SG медленный-PROL сделать-PT.PFV[.3SG]
 'The house was slowly built by my father' [ibid.].

(15) *tyuku°-q ti-q nyísyā-nyí*
 этот-PL олень-PL отец-GEN.POSS.1SG
nyí-toh pí-mna xada-wi°-q
 друг.PL-GEN.POSS.3PL после-PROL убить-PT.PFV-3PL
 'These reindeer were killed by my father one after another' [ibid.].

Как кажется, характеристика тундрового ненецкого причастного пассива только как событийного и не имеющего результативных употреблений слишком радикальна. Возможно, свойства неимперсонального причастного пассива с поверхностно выраженным агенсом, с одной стороны, и неимперсонального пассива с поверхностно невыраженным агенсом, с другой стороны, могут частично различаться. Во всяком случае, относительно легко можно найти примеры, в которых обстоятельство ориентировано скорее на результирующее состояние, а не на агентивную деятельность или процесс в пациенте (т.е. подсобытия, предшествующие наступлению результата) — по крайней мере, среди примеров с (поверхностно) невыраженным агентивным дополнением.

(16) Тундровый ненецкий
yesyā-h yutyek° nyarm°bix°nta yuda-wi°
 железо-GEN кусок докрасна.DAT²¹.POSS.3SG нагреть-PT.PFV[.3SG]
 'Кусок железа раскалил докрасна' [10, с. 357].

(17) *pya-q teb°lā°-° ŋamt°-ta-wi°-q*
 дерево-PL быть.редким-CVБ садиться-CAUS-PT.PFV-3PL
 'Деревья редко посажены' [10, с. 684].

(18) *sərpya-ko xəra-w°na syerta-wi° ŋæ-wi°*
 тропа-DIM кривой-PROL сделать-PT.PFV[.3SG] быть-NARR[.3SG.S]
 'Тропинка оказалась криво проторенной' [10, с. 746].

4. Безагенсный причастный пассив

Другим типом причастного пассива являются конструкции, в которых выражение агенса невозможно, т.е. в обязательном порядке имперсональные конструкции. И. Николаева объединяет

²¹ Слово *nyarm°-bi-|xə-* трактуется в словаре Натальи Митрофановны Терещенко целиком как 'докрасна' [10, с. 357], однако оно содержит "коаффикс" *-xə*, используемый в формах датива посессивного склонения, и принадлежит к группе непродуктивных отглагольных имён с показателем *-bi / -pi*, имеющих дефектную парадигму (только формы датива и аблатива ед. ч. и мн. ч.), в формах датива употребляющихся для обозначения достигнутого результата; ср., например, также *tira-bi-|xə-* 'насухо, досуха' (< *tira-* 'высохнуть').

²² В словаре [10] дан перевод "кусок железа раскалился докрасна", однако глагол *yuda-* '1) согреть, нагреть; 2) разогреть; 3) пригреть, обогреть сверху; 4) растопить, расплавить', по данным того же словаря и других источников, изменяется только переходным образом.

в рамках этого типа пассивные конструкции²³, образуемые имперфективным причастием от перфективных и имперфективных переходных глаголов, которые она трактует как модальный пассив, выражающий прежде всего возможность²⁴. В грамматике безагенсному пассиву посвящена пара абзацев, в которых на примере пассива, образуемого имперфективным причастием от перфективных глаголов, демонстрируется, что выражение агенса невозможно, и утверждается, что лично-числовое согласование причастия всегда происходит с пациентивным участником в позиции подлежащего, при этом используются показатели, совпадающие с показателями субъектного "спряжения" финитного глагола, а не с показателями посессивной серии. В подтверждение последнего тезиса приводится единственный пример, который дублируется ниже.

(19) Тундровый ненецкий
*məny° (*Wera-h) xada-na-d°m*
 я Вэра-GEN убить-PT.IPFV-1SG
 'It is possible (*for Wera) to kill me; I am destined to be killed' [2, с. 249].

У меня нет особых сведений о пассиве, образуемом имперфективным причастием (напрямую) от перфективных глаголов, однако, по косвенным признакам, такой пассив может отличаться от пассива, образуемого имперфективным причастием от имперфективных глаголов. Возможно, собственно модальный характер возможности (или долженствования) свойствен прежде всего первому типу, тогда как (около)модальные прочтения последнего вызваны прежде всего хабитуальным оператором. Поскольку эти два (под)типа безагенсного пассива, очевидно, обладают радикально различающейся текстовой частотностью (первый практически не встречается, тогда как второй вполне естественен), я ограничусь наблюдениями о пассиве, образуемом имперфективным причастием от имперфективных глаголов (или, точнее, от (им)перфективных глаголов через посредство показателя дуратива), который, в частности, является стандартным способом перевода русского имперсонального пассива несовершенного вида на *-сЯ*.

Ср. чередование причастных и глагольных форм в предикативной позиции в тексте, описывающем

²³ Согласно И. Николаевой, в пассивных конструкциях, образуемых отрицательным причастием от переходных глаголов, выражение лексического (не местоименного) агенса также невозможно, а выражение местоименного агенса крайне затруднительно ("highly questionable") [2, с. 249].

²⁴ "The modal passive typically indicates potentiality ('it is possible to') but may have other deontic meanings" [2, с. 248].

изготовление аркана. Формы имперфективного причастия выделены полужирным шрифтом, глагольные формы — нижним подчёркиванием. Последние две формы выделены разрядкой и представляют собой так называемые причастия будущего времени (или проспективные причастия, или дебитивные причастия), которые в данном случае тоже образуют пассивную конструкцию. Как можно заметить, имперфективным причастиям, образованным от глаголов с показателем дуратива и находящимся в предикативной позиции, соответствуют в русском переводе глаголы несовершенного вида с показателем *-ся*.

(20) Тундровый ненецкий (п-ов Ямал)²⁵

*Тарта савовна ха "амва" е "эмня хоба <...> нялиртембада, тикы' пуд ятакаковна (1 см пирувна) ерпада. Нопой тынзянд' 80 тибя пир тара. Вэлчой тынзя' са" тыравандо' е "эмня терсяда хан' тяха' нэкалада". Маня" хобава" нопой яля' тыранась. Тыра"махадандо' тикы" са" сомбовна салмрамбада", сертавы видеохона Мянгча тынзянда со тэри ерядась, салмрайдасть. Тикы' пуд тет савна паугалманда, сармикадаваанда*²⁶.

Для того, чтобы шерсть хорошо сходила, шкура {замачивается в воде,} **обдирается**, после этого по-тоненькому (по 1 сантиметру) **нарезается**. Для одного аркана нужно примерно 80 махов (саженей). Полоски мокрого аркана **натягиваются** на пустую нарту, чтобы они высохли. Наша шкура сохла один день. После высыхания эти полоски хорошенько **размягчаются**, на сделанном видео Мянгча как раз **размягчал** полоски своего аркана. После этого (аркан) **будет сплетён** из четырёх полосок и **оснащён "сърмиком"**²⁷ (Сайт этнографической экспедиции "Настоящие люди"²⁸).

Поморфемный разбор пассивных конструкций, встретившихся в приведённом фрагменте, даётся ниже. Насколько пассивная ориентация причастий будущего времени, образованных от переходных глаголов и находящихся в предикативной позиции, фиксируемая в (23), является типичной, сказать сложно ввиду редкости проспективных

причастий в предикативной позиции в текстах, однако, по всей видимости, она не является обязательной²⁹, как в случае перфективных причастий в предикативной позиции, рассмотренных выше. Относительно возможности выражения агенса в примерах типа (23) у меня также нет сведений (И. Николаева упоминает причастие будущего времени среди пассивных конструкций, допускающих агентивное дополнение). Ниже я комментирую только конструкцию с имперфективным причастием.

(21) хоба nyalyir-tye-**mpə-da**, <...> yer°-**pə-da**
шкура облезть-CAUS-DUR-PT.IPFV[.3SG] разрезать-DUR-PT.IPFV[.3SG]
'Шкура обдирается, <...> нарезается'.

(22) sa-q nek°l-**pə-da-q**, <...> salm°ra-**mpə-da-q**
волокно-PL потянуть-DUR-PT.IPFV-3PL разгладить-DUR-PT.IPFV-3PL
'Полоски (аркана) натягиваются, <...> размягчаются'.

(23) (tincyah) pəŋk°l-**mənta**, sərmyikə-da-**wənta**
аркан сплести-PT.FUT[.3SG] блок.для.аркана-CAUS-PT.FUT[.3SG]
'(Аркан) будет сплетён и оснащён "сърмиком" '.

В пассивной конструкции с имперфективным причастием в предикативной позиции, рассматриваемой здесь, конкретный агент не может быть выражен, т.е. она является имперсональной³⁰; ср. (24) и (25).

(24) Тундровый ненецкий (с. Антипаюта, Тазовский р-н, ЯНАО)
ŋaw°ka nyany°-хэна, халыа yewey°-хэна
авка³¹ хлеб-LOC рыба суп-LOC
ŋaw°la-**mpə-da**
накормить-DUR-PT.IPFV[.3SG]
'Авку (обычно) кормят хлебом, ухой'.

(25) *ŋaw°ka **nyehya-nyih** / **nyehya-xə-nyih** /
авка мать-GEN.POSS.INPL мать-DAT.POSS.POSS.INPL
nyehya-xəna-nyih ŋaw°la-**mpə-da**
мать-LOC.POSS.INPL накормить-DUR-PT.IPFV[.3SG]
Ожидаемое значение: '(Эту) авку кормит моя мама'.

Во всех имеющихся примерах имперфективное причастие образуется от глагола через посредство

²⁵ Переводчица ненецкой версии сайта этнографической экспедиции "Настоящие люди" (п-ов Ямал, 2015–2016 гг.) — Светлана Яндо, родом с Ямала.

²⁶ Орфография источника частично изменена, прежде всего, добавлены пропущенные гортанные смычные.

²⁷ Словом *sărmyik* (*sərmyik*°) называют костяной или роговой, а в настоящее время зачастую и пластиковый, блок для аркана; ср. *sarmik* (*sarmyik*°) 'волк; зверь'.

²⁸ Ненецкий текст доступен здесь: <http://www.yamalexpedition.ru/nen/blog-nen/tynziam-pagalpava/>. Текст на русском языке получен с помощью обратного перевода, близкого к ненецкому тексту. Исходная русскоязычная версия текста доступна онлайн по адресу: <http://www.yamalexpedition.ru/ru/blog-ru/izgotovlenie-arkana-odno-iz-letnikh-del-v-tundre/>. Видео, на котором зафиксированы основные стадии изготовления аркана (до плетения и оснащения "сърмиком"), доступно здесь: <https://youtu.be/3lmcGJpa0A>.

²⁹ Ср. следующий пример из корпуса [9] сентенциальных примеров из словаря [10].

(i) *maly°ŋkana-nyi* хэял°-**m** хагw°-**ra-w°nta** *nyi* *ŋa-q*
во время.LOC-POSS.ISG слеза-ACC упасть-CAUS-PT.FUT[.3SG] NEG.GFS.3SG быть-CN
'При мне он слезы не проронит' [10, с. 224].

³⁰ При этом имперфективное причастие само по себе не ограничено контекстами безагенсного (обязательно имперсонального) пассива. Так, по крайней мере вне предикативной позиции оно возможно в составе неимперсональной причастной пассивной конструкции и допускает выражение, в частности, местоименного агенса с помощью лично-числовых показателей посессивной согласовательной серии. Ср.:

(i) *tak°l-pə-da-mt°* *yunye-ma-n°h* *xərwa-a-d°m*
скрыть-DUR-PT.IPFV-ACC.POSS.2SG вывести-NML.IPFV-DAT хотеть-GFS-LSGS
'Я хочу вывести то, что ты скрываешь', букв. скрываемое тобой [10, с. 814].

³¹ Авка — прирученный олень, вскормленный около чума.

показателя дуратива *-(m)pa*, что можно было бы, на первый взгляд, связать с гипотетической необходимостью образования имперфективного причастия от имперфективного глагола, а поскольку конструкция используется для описания типичных свершений, которым в непроизводной глагольной лексике тундрового ненецкого соответствуют перфективные глаголы, дуративная деривация могла бы обеспечить гипотетически необходимую имперфективацию. Однако, во-первых, имперфективные причастия от дуративных дериватов не могут в составе этой конструкции иметь актуально-длительное прочтение, доступное соответствующим дуративным глаголам в финитных формах, в том числе в неопределённо-личной форме (формально 3 л. мн. ч.); ср. (26) и (27).

(26) *tyuku° myakəna tyedah lyes°ka-m tal°ta-mpyi-doh*
 этот чум.ЛОС сейчас леска-ACC зажарить-DUR.GFS-3PL.S
 ‘В этом чуме сейчас жарят леску’³².

(27) **tyuku° myakəna tyedah lyes°ka tal°ta-mpə-da*
 этот чум.ЛОС сейчас леска зажарить-DUR-PT.IPFV[.3SG]
 Ожидаемое значение: ‘В этом чуме сейчас жарят леску’.

Во-вторых, дуративный показатель обнаруживается в имперфективном причастии в составе имперсональной пассивной конструкции в том числе в единственном известном мне примере, в котором исходный непроизводный глагол имперфективный и обозначает в норме состояние³³ (а не свершение). Это причастие *yaqmi-bə-da* (не мочь-DUR-PT.IPFV), образованное от глагола *yaqmi-bə-* ‘не мочь, быть не в силах делать что-л. (много раз)’³⁴, который, в свою очередь, образован от глагола *yaqmə-* ‘не мочь, быть не в силах сделать что-л.’; см. следующий пример.

(28) Тундровый ненецкий
xəbartə ɲin°-xəna yaqmi-bə-da
 лось лук-ЛОС не.мочь-DUR-PT.IPFV[.3SG]
 ‘Лось нельзя убить из лука’ [10, с. 857].

Таким образом, присутствие дуративного показателя в рассматриваемой конструкции зависит, как кажется, не от формальной (им)перфективности исходного глагола, от которого образуется имперфективное причастие. Глагол *yaqmə-* имперфективный³⁵, при этом, несмотря

на свой модальный характер, он, судя по всему, чаще всего выражает способность (точнее, неспособность) с привязкой к по крайней мере некоторым координатам актуального мира, в частности к субъекту, способность которого осуществлять ту или иную деятельность оценивается³⁶. Однако подобная привязка к координатам актуального мира, как отмечалось выше, исключена в рассматриваемой имперсональной пассивной конструкции. По-видимому, дуративный показатель не только в примере (28), но и в стандартных примерах типа (21)–(22), (24) не выполняет наиболее типичной для него функции в составе финитных глаголов, наблюдаемой, например, в (26), а именно введения в рассмотрение срединной фазы процесса, ведущего к результирующему состоянию, вхождение в которое описывается (финитными) формами исходного (непроизводного) глагола; ср. *tal°ta-mpə-* ‘жарить’ < *tal°ta-* ‘зажарить’.

Можно предположить, что во всех случаях функция дуратива в составе имперсональной пассивной конструкции с имперфективным причастием заключается в создании хабитуального (или генерического) предиката, т.е. дуративный показатель выступает своего рода “этикеткой” хабитуального (или генерического) оператора. Этот оператор гарантирует невозможность актуально-длительного прочтения и предположительно по крайней мере отчасти ответственен также за запрет на выражение агенса, поскольку приводит к “стативизации” клаузы³⁷ и требует от ситуации исключительно генерического прочтения. Сама по себе связь дуративного показателя и хабитуальной функции в тундровом ненецком языке, по-видимому, иногда прослеживается и в финитной предикации, хотя и нуждается в специальном изучении; ср. некоторые наблюдения относительно

переводах глагол *смочь*. Это позволяет предположить, что при некоторых условиях формально имперфективный глагол *yaqmə-* может выражать не только модальную способность (ability modality), но и её актуализованную разновидность, известную в литературе начиная с [16]; [17] под ярлыком *actuality entailments*.

³⁶ Ср. типичные контексты из словаря [10], в которых используется глагол *yaqmə-*: “я не могу идти дальше (нет сил)”; “я не могу найти свой нож / свою шапку” и пр. К сожалению, оценить в полной мере отличия дуративного деривата *yaqmi-bə-* от непроизводного глагола не представляется возможным ввиду отсутствия финитных употреблений первого в исследованных корпусах и коллекциях текстов.

³⁷ Я отвлекаюсь здесь от обсуждения потенциальной взаимосвязи “стативизации” и морфо(фоно)логической структуры, а именно наличия в финали основы дуративных глаголов альтернирующего шва; ср. наблюдения о “семантическом ореоле” основ на альтернирующий шва (подкласс *alteration verbs*, по [18]) в [19] и некоторые дискуссионные комментарии в [20].

³² Леска — лепёшка, которую выпекают или жарят в чуме.

³³ Разумеется, выражение отсутствия (внутренней) возможности или способности — это не самое типичное содержание стативного предиката.

³⁴ Такой перевод предлагается в словаре [10, с. 857].

³⁵ Судя по примерам из словаря [10], в отдельных случаях глаголу *yaqmə-* (а не только его инхоативному деривату *yaqmə-l-* ‘не смочь, оказаться не в силах сделать что-л.’, редкому в естественных текстах) соответствует в русских

этой возможности в [15], где, правда, описывается достаточно нестандартная разновидность тундрового ненецкого — говор п. Нельмин-Нос, относимый к (крайнезападному) малоземельскому диалекту.

Если эта линия рассуждения верна³⁸, дуративный показатель в составе обсуждаемой конструкции должен присутствовать обязательно независимо от акциональных характеристик исходного предиката, но аргументация предложенной гипотезы и выявление прочих свойств имперсональной конструкции, в частности допустимости других переходных стативов в ней, несомненно, требуют специального исследования.

Подводя промежуточный итог, можно сказать, что имперсональная пассивная конструкция с имперфективным причастием от глагола с показателем дуратива используется в генерических контекстах, не допускающих выражения конкретного агенса³⁹ и предполагающих, как правило, нереперентный статус пациентивного участника в позиции подлежащего, прежде всего, для описания обычных, типичных действий, инструкций, правил, традиционных порядков и пр.; ср. примеры ниже.

(29) Тундровый ненецкий (с. Антипаюта, Тазовский р-н, ЯНАО)

nyeney°	nyenesya°h	rəni°-q	tíq	xoba-xət°
настоящий	человек.GEN	одежда-PL	олень.GEN.PL	шкура-ABL.PL
руена-xət°	tay°-xət°		sədi-bə-da-q	
камус ⁴⁰ -ABL.PL	лоб-ABL.PL		сшить-DUR-PT.IPFV-3PL	

‘Ненецкие одежды шьются из оленьих шкур, камусов, лбов’.

(30) хэн°-h ɣæ xarw°-xəd° myi-mpə-da
нарта-GEN нога лиственница-ABL построить-DUR-PT.IPFV[.3SG]
‘Ножка нарты делается из лиственницы’.

(31) rəni° to-doh tenc° noy°-xəna
одежда каждый-POSS.3PL сорт сукно-ABL

pad°ta-mpə-da

расшить-DUR-PT.IPFV[.3SG]

‘Ягушка⁴¹ украшается сукном разного цвета’.

(32) Тундровый ненецкий
mərəd°-h sovyet° syidya po-h yolcyən-t°h
город-GEN совет два год-GEN срок-DAT
tera-bə-da

³⁸ Теоретически возможный альтернативный взгляд, при котором с показателем дуратива напрямую связываются имперсональность или пассивность конструкции, представляется малоперспективным, хотя пассивная “семантика” дуративной совершаемости отмечалась, например, в [21] для тазовского селькупского, где такое значение имеют в основном личные формы 3 л. ед. ч.

³⁹ В моём распоряжении нет полной парадигмы отрицательного языкового материала, позволяющей надёжно утверждать, что максимально “обезличенные”, нереперентные агенты, выраженные, например, именными группами в формах мн. ч., также полностью исключены.

⁴⁰ Камус — шкура с голени оленя с коротким и прочным мехом.

⁴¹ Ягушка — женская распашная шуба из оленьей шкуры мехом внутрь и наружу.

выбрать-DUR-PT.IPFV[.3SG]

‘Городской совет избирается сроком на два года’ [10, с. 120].

Данная конструкция может также употребляться в контекстах т.н. потенциального пассива (фасилитатива) (типа ‘легко / хорошо Р’), однако данное значение обычно выражается другими способами⁴².

(33) Тундровый ненецкий (с. Белоярск, Приуральский р-н, ЯНАО)

tyuku°	tola-ŋko	pad°r	nyencyel-məna
этот	прочитать-ANTI	бумага	простой-PROL

tola-bə-da

прочитать-DUR-PT.IPFV[.3SG]

‘Эта книга легко читается’.

Заключение

В статье рассмотрены две основные стратегии причастного пассива в тундровом ненецком языке, при одной из которых выражение агенса допустимо, а при другой невозможно. В разделе 3 приведён обзор первой стратегии, которая обсуждается преимущественно на примере конструкции с так называемым перфективным причастием на -wi / -mi°, уже отчасти описанной в литературе. Наблюдения над этой конструкцией позволяют отметить ограниченную допустимость в ней пациентивных подлежащих первого и второго лица, что может быть связано с общей чувствительностью тундрового ненецкого к информационно-структурной и дейктической структуре участников (ср. запрет на индексацию прямого объекта первого и второго лица формами субъектно-объектного “спряжения”, которое также требует топикального статуса пациентивного аргумента). Обсуждается также событийный vs. результирующий характер пассива с перфективным причастием и согласовательные паттерны данной конструкции. В разделе 4 приводятся сведения о второй, обязательно имперсональной, стратегии, которая рассматривается на примере конструкции с так называемым имперфективным причастием на -tə / -nə, до этого лишь кратко упоминавшейся в литературе. Причастие в составе этой конструкции образуется от глагола через посредство дуративного показателя, однако она используется в хабитуальных (генерических) контекстах, не допускающих актуально-длительного прочтения и выраженного агенса.

⁴² Ср., в частности, (i), где фигурирует вложенная деепричастная клауза.

(i) Тундровый ненецкий (п. Антипаюта, Тазовский р-н, ЯНАО)

tyuku°	knyiga	tola-bə-b°q	nyencyel
этот	книга	прочитать-DUR-CVB.COND	простой[.3SG]

‘Эта книга читается легко’, букв. эта книга, когда читаешь (её), простая.

Наблюдения над двумя причастными пассивными конструкциями, представленные здесь, разумеется, не исчерпывающи и во многом предварительны, однако они позволяют обратить внимание на некоторые свойства этих конструкций, заслуживающие специального исследования. Рассмотренные конструкции, а также другие причастные конструкции с пассивной или Р-ориентацией в тундровом ненецком языке, представляют интерес как для самоидентификации, поскольку различия между самодийскими языками в этом фрагменте грамматики весьма существенны даже в инвентаре форм и конструкций, так и для типологии и общей лингвистики, в том числе в контексте исследований согласования, результативности, имперсональности, хабиуталиса и других областей.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

1 — первое лицо, 2 — второе лицо, 3 — третье лицо, ABL — аблатив, ACC — аккузатив, ANTI — антипассив, CAUS — каузатив, CN — коннегатив, CVV — конверб, CVV.COND — условная форма, DAT — датив, DIM — диминутив, DUR — дуратив, GEN — генитив, GFS — общая финитная основа, LOC — локатив, NARR — нарратив (наклонение), NEG — отрицательный глагол, NMLZ.IPFV — имперфективная номинализация, NRL — множественное число, O — субъектно-объектное “спряжение”, PASS — пассив, PEJ — пейоратив, PL — множественное число, POSS — посессивность, PROL — пролатив, PT.IPFV — имперфективное причастие, PT.FUT — причастие будущего времени, PT.PFV — перфективное причастие, R — рефлексивное “спряжение”, SFS — специальная финитная основа, SG — единственное число, S — субъектное “спряжение”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лабанаускас К.И. (сост.). Ненецкий фольклор. Мифы, сказки, исторические предания. (Серия “Фольклор народов Таймыра”. Вып. 5.) Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1995.
2. Nikolaeva I. A grammar of Tundra Nenets. (Mouton Grammar Library 65.) Berlin: De Gruyter Mouton, 2014.
3. Недалков В.П., Яхонтов С.Е. Типология результативных конструкций // Недалков В.П. (отв. ред.). Типология результативных конструкций (результатив, стив, пассив, перфект). Л.: Наука, 1983. С. 5–41.
4. Jalava L. Indirectivity and resultativity in Tundra Nenets // *Finnisch-Ugrische Forschungen*. 2014. Bd. 62. P. 207–240.
5. Шлуинский А.Б. Типология предикатной множественности: количественные аспектуальные значения. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2005. (Дис. ... канд. филол. наук.)
6. Шлуинский А.Б. Фактатив и смежные категории: опыт типологии // *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. 2012. Т. VIII. Ч. 2. С. 950–996.
7. Буркова С.И. К вопросу о базовой грамматической семантике причастий в ненецком языке // *Вопросы языкознания*. 2006. № 4. С. 57–83.
8. Буркова С.И. Краткий очерк грамматики тундрового диалекта ненецкого языка (по материалам говоров, распространенных на территории Ямало-Ненецкого округа) // Буркова С.И., Кошкарёва Н.Б., Лаптандер Р.И., Янгасова Н.М. Диалектологический словарь ненецкого языка. Екатеринбург: Баско, 2010. С. 179–349.
9. Salminen T. Tundra Nenets sample sentence corpus. University of Helsinki, 2014. Available at: http://www.helsinki.fi/~tasalmin/tn_corpus.html.
10. Терещенко Н.М. Ненецко-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1965.
11. Терещенко Н.М. Материалы и исследования по языку ненцев. М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1956.
12. Shagal K. Participles: A typological study. (Empirical Approaches to Language Typology 61.) Berlin: De Gruyter Mouton, 2019.
13. Leisiö L. Passive in Nganasan // Abraham W., Leisiö L. (eds.). *Passivization and typology: Form and function*. (Typological Studies in Language 68.) Amsterdam: John Benjamins, 2006. P. 213–230.
14. Шлуинский А.Б. Конструкции с предикативным причастием в лесном диалекте энецкого языка // Лютикова Е.А., Циммерлинг А.В. (ред.). Типология морфосинтаксических параметров. Вып. 4. Материалы международной конференции “Типология морфосинтаксических параметров”. М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2017. С. 146–160.
15. Иосад П.В., Пазельская А.Г., Цюрупа М.А. Типологически значимые параметры глагольной лексики: имперфективирующие деривации ненецкого языка // Подлеская В.И., Архипов А.В., Ландер Ю.А. (ред.). Четвёртая типологическая школа: Международная школа по лингвистической типологии и антропологии. Ереван, 21–28 сентября 2005 г. Материалы лекций и семинаров. М., 2005. С. 171–177.
16. Bhatt R. Covert modality in non-finite contexts. Philadelphia: University of Pennsylvania, 1999. (PhD thesis.)

17. Bhatt R. Ability modals and their actuality entailments // Shahin K.N., Blake S., Kim E.-S. (eds.). WCCFL 17: The proceedings of the seventeenth West Coast Conference on Formal Linguistics. Stanford: CSLI Publications, 1999. P. 74–87.
18. Salminen T. A morphological dictionary of Tundra Nenets. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. Vol. XXVI.) (Publications of the Databank for Endangered Finno-Ugrian Languages. Vol. 3.) Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1998.
19. Урманчиева А.Ю. Образование форм аориста в самодийских языках // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2013. Т. IX. Ч. 2. С. 734–767.
20. Татевосов С.Г. Событийно-структурная морфология в ненецком языке // Rhema. Рема. 2018. № 3. С. 88–118.
21. Кузнецова А.И., Хелимский Е.А., Грушкина Е.В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. I. М.: Издательство Московского университета, 1980.
- Grammatical Semantics of Participles in the Nenets Language]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language]. 2006, No. 4, pp. 57–83. (In Russ.)
8. Burkova, S.I. *Kratkij ocherk grammatiki tundrovogo dialekta nenetskogo yazyka (po materialam govorov, rasprostranyonnykh na territorii Yamalo-Nenetskogo okruga)* [The Tundra Dialect of the Nenets Language: an Outline of Grammar (Based on the Materials of Yamalo-Nenets Okrug Dialects)]. Burkova, S.I., Koshkaryova, N.B., Laptander, R.I., Yangasova, N.M. *Dialektologicheskij slovar nenetskogo yazyka* [A Dialectological Dictionary of the Nenets Language]. Ekaterinburg, Basko Publ., 2010, pp. 179–349. (In Russ.)
9. Salminen, T. Tundra Nenets sample sentence corpus. University of Helsinki, 2014. Available at: http://www.helsinki.fi/~tasalmin/tn_corpus.html
10. Tereshchenko, N.M. *Nenetsko-russkij slovar* [A Nenets-Russian Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1965. (In Russ.)
11. Tereshchenko, N.M. *Materialy i issledovaniya po yazyku nentsev* [Materials and Research on the Nenets People's Language]. Moscow; Leningrad, Izdatelstvo Akademii nauk SSSR Publ., 1956. (In Russ.)
12. Shagal, K. *Participles: A typological study*. (Empirical Approaches to Language Typology 61.) Berlin, De Gruyter Mouton, 2019.
13. Leisiö, L. Passive in Nganasan. *Passivization and typology: Form and function*, ed. by Abraham, W., Leisiö, L. (Typological Studies in Language 68.) Amsterdam, John Benjamins, 2006. P. 213–230.
14. Shluinsky, A.B. *Konstruktsii s predikativnym prichastiem v lesnom dialekte enetskogo yazyka* [Constructions with a Predicative Participle in Forest Enets]. Lyutikova, E.A., Zimmerling, A.B. (Eds.). *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Vyp. 4. Materialy mezhdunarodnoj konferentsii "Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov"* [Typology of Morphosyntactic Parameters. Issue 4. Proceedings of the International Conference "Typology of Morphosyntactic Parameters"]. Moscow, The Pushkin State Russian Language Publ., 2017, pp. 146–160. (In Russ.)
15. Iosad, P.V., Pazelskaya, A.G., Tsyurupa, M.A. *Tipologicheski znachimye parametry glagolnoj leksiki: imperfektiviruyushchie derivatsii nenetskogo yazyka* [Typologically Relevant Parameters of Verbal Lexicon: Nenets Imperfectivizing Derivations]. *Chetvyortaya tipologicheskaya shkola: Mezhdunarodnaya shkola po lingvisticheskoy tipologii i antropologii. Erevan, 21–28 sentyabrya 2005 g. Materialy lektsij i seminarov* [Fourth School on Typology: International School on Linguistic Typology and Anthropology. Yerevan, 21–28 September, 2005. Lectures and Seminars], ed. by Podlesskaya, V.I., Arkhipov, A.V., Lander, Yu.A. Moscow, 2005, pp. 171–177. (In Russ.)

REFERENCES

1. Labanauskas, K.I. (comp.). *Nenetskij folklor. Mify, skazki, istoricheskie predaniya* [Nenets Folklore. Myths, Fairy Tales, Historical Legends]. (Series "Folklore of the Peoples of Taymyr". Issue 5.) Krasnoyarsk, Krasnoyarskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 1995. (In Russ.)
2. Nikolaeva, I. *A grammar of Tundra Nenets*. (Mouton Grammar Library 65.) Berlin, De Gruyter Mouton, 2014.
3. Nedyalkov, V.P., Yakhontov, S.E. *Tipologiya rezultativnykh konstruktsij* [A Typology of Resultative Constructions]. *Tipologiya rezultativnykh konstruktsij (rezultativ, stativ, passiv, perfekt)* [A Typology of Resultative Constructions (Resultative, Stative, Passive, Perfect)], ed. by Nedyalkov. Leningrad, Nauka Publ., 1983, pp. 5–41. (In Russ.)
4. Jalava, L. Indirectivity and resultativity in Tundra Nenets. *Finnisch-Ugrische Forschungen*. 2014. Bd. 62. P. 207–240.
5. Shluinsky, A.B. *Tipologiya predikatnoj mnozhestvennosti: kolichestvennye aspektualnye znacheniya* [A Typology of Pluractionality: Quantitative Aspectual Meanings]. Moscow, Lomonosov Moscow State University, 2005. (PhD thesis.) (In Russ.)
6. Shluinsky, A.B. *Faktativ i smezhnye kategorii: opyt tipologii* [Factative and Adjacent Grams: a Tentative Typology]. *Acta linguistica Petropolitana* [Transactions of the Institute for Linguistic Studies]. 2012, Vol. VIII, part 2, pp. 950–996. (In Russ.)
7. Burkova, S.I. *K voprosu o bazovoj grammaticheskoy semantike prichastij v nenetskom yazyke* [On the Basic

16. Bhatt, R. *Covert modality in non-finite contexts*. Philadelphia, University of Pennsylvania, 1999. (PhD thesis.)
17. Bhatt, R. Ability modals and their actuality entailments. *WCCFL 17: The proceedings of the seventeenth West Coast Conference on Formal Linguistics*, ed. by Shahin, K.N., Blake, S., Kim, E.-S. Stanford, CSLI Publications, 1999. P. 74–87.
18. Salminen, T. *A morphological dictionary of Tundra Nenets*. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. Vol. XXVI.) (Publications of the Databank for Endangered Finno-Ugrian Languages. Vol. 3.) Helsinki, Suomalais-Ugrilainen Seura, 1998.
19. Urmanchieva, A.Yu. *Obrazovanie form aorista v samodijskikh yazykakh* [Aorist Formation in Samoyedic Languages]. *Acta linguistica Petropolitana* [Transactions of the Institute for Linguistic Studies]. 2013, Vol. IX, part 2, pp. 734–767. (In Russ.)
20. Tatevosov, S.G. *Sobytijno-strukturnaya morfologiya v nenetskom yazyke* [Event-Structural Morphology in Tundra Nenets]. *Rhema. Рема*. 2018, No. 3, pp. 88–118. (In Russ.)
21. Kuznetsova, A.I., Helimski, E.A., Grushkina, E.V. *Očerki po selkupskomu yazyku. Tazovskij dialekt* [Essays on the Selkup Language. Taz Dialect]. Vol. I. Moscow, Moscow State University Publ., 1980. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 10 мая 2022 г.
 Статья поступила после рецензирования и доработки: 31 мая 2022 г.
 Статья принята к публикации: 29 июня 2022 г.
 Дата публикации: 31 августа 2022 г.

Received by Editor on May 10, 2022
Revised on May 31, 2022
Accepted on June 29, 2022
Date of publication: August 31, 2022

Рецензия / Review

DOI: 10.31857/S160578800021462-4

Бурас М. М. Лингвисты, пришедшие с холода. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2022. 410 с., ил. (Великие шестидесятники)

[Review:] Buras, M. M. *Linguists Who Came in from the Cold*. Moscow, AST Publishing House: Editorial of Elena Shubina, 2022. 410 p., ill. (Series The Great Sixties) [In Russ.]

История науки XX века обычно обходит лингвистику — главное место в ней по праву занимают физики и биологи. Отдельного слова заслуживают технологии — кибернетика, превратившаяся сначала в информатику, а затем в computer science, — в историческом плане о них пока сказано недостаточно, а современная лингвистика довольно близка к этой теме, потому что зарождалась на волне интереса к кибернетике и машинному переводу.

И вот только что появилась первая книжка об истории советской лингвистики второй половины XX века под интригующим названием “Лингвисты, пришедшие с холода”. Она охватывает краткий период меньше 20 лет, с середины 50-х до начала 70-х: от начала оттепели, к которой косвенно апеллирует название книги, — и до ее конца, который знаменует период “подписанства”. К началу коротко отсылает первая глава под названием “Начало эпохи”, конец — в связи с событиями в лингвистической среде, которую он существенно затронул, — довольно подробно описан в последней четвертой — “Конец эпохи”. Основная часть книги сосредоточена во второй и третьей главах: о значимых людях эпохи (“Герои”) и об институтах, которые были тогда созданы и на тот момент определяли развитие лингвистики (“Места их обитания”). Прежде чем перейти к этим главам, я скажу несколько слов о книге в целом и ее авторе.

Эту книгу можно назвать документальной в том смысле, что она основана на свидетельствах действующих лиц: живых интервью или опубликованных воспоминаниях уже ушедших. Такого рода свидетельства никогда не дают полной картины и, строго говоря, никогда не достоверны — это всегда бросается в глаза людям, так или иначе

причастным к делу. Отдельные воспоминания (и в этом читатель не раз убедится) часто прямо противоречат друг другу. Но полная картина и абсолютная точность не только невозможны, но даже не нужны этой книге, потому что это совсем не исторический труд. Зато собранные вместе, такие свидетельства дают очень важное и нужное ощущение прикосновения к эпохе, особенно для тех, кто вне ее, — и это та самая задача, которую решает автор.

Крайне важно, что и самому автору книги эта тема совсем не чужая. Мария Михайловна Бурас и причастна, и пристрастна, ведь она поступила на Отделение структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ сразу после того, как закончилась та эпоха, о которой она пишет, — и началась новая. Оппонентом на защите ее дипломной работы (позже опубликованной как [1]) о числовых показателях в русских распределительных конструкциях был Андрей Анатольевич Зализняк. (Он был хорошо знаком с этой темой, потому что незадолго до этого вышла их с Е.В. Падучевой статья, обратившая внимание на это явление [2]; [3].) Потом Мария Михайловна некоторое время работала во Всероссийском центре переводов (ВЦП), который отчасти наследовал Лаборатории машинного перевода в Ин’язе (об этой лаборатории есть большой раздел в четвертой главе), потому что именно там оказались почти все оставшиеся в СССР ее участники: и Юрий Мартемьянов, и Нина Леонтьева, и Иван Убин, и другие. Если бы обстоятельства ее жизни сложились чуть иначе, Мария Михайловна стала бы замечательным лингвистом, но она ушла в “Коммерсантъ” и стала замечательным журналистом, в частности научным журналистом — а теперь и писателем.

Это вторая книга М. Бурас, первая — “Истина существует” — об Андрее Анатольевиче Зализняке (одном из героев и третьей главы) вышла в 2019 году [4]. В ней был найден ее собственный документальный стиль: только свидетельства участников событий, автор в тени, он не виден, хотя на самом деле именно он — главный и талантливый дирижер этого несмолкаемого хора. В тот раз общий хор надо было выстроить вокруг голоса главного солиста, опираясь на большое интервью, которое в свое время дал Владимиру Андреевичу Успенскому сам Андрей Анатольевич Зализняк. В этой книге решена задача много более сложная: в ней нет главного солиста, отлично знающего свою партию (да еще и ведомого блестящим Успенским), нет и единой канвы в виде долгой, разнообразной и насыщенной жизни главного героя, которую в разные периоды одновременно наблюдают десятки других свидетелей. Поэтому по структуре новая книга ближе к очеркам — иной раз с повторяющимися участниками, но непрямо связанными друг с другом. Как если бы люди, собравшись за большим столом и не очень слыша друг друга, перебивая и подсказывая, с увлечением и удовольствием вспоминали давнее прошлое, свою молодость: друзей, учителей, работу, путешествия... Такой разговор обычно смолкает вдруг, на полуслове — и начинается другой, похожий. Мы можем не узнать ни подробностей чьей-то истории, ни ее развязки, сюжеты возникают спонтанно, даже не цепляясь друг за друга, не претендуя на полный охват событий, их временных или географических срезов. Но, как это всегда бывает, в них отчетливо слышен дух времени, и проступают его вдохновенные лица.

Вот, например, рассказ о Юрии Дерениковиче Апресяне в главе “Герои” — о судьбе его семьи и о нем самом. Рассказ доходит только до 1960 года, когда герой, уже выпускник и еще преподаватель Института иностранных языков, поступает в только что открывшуюся там Лабораторию машинного перевода. Его биография, рассказанная им в свое время для “Арзамаса” (именно к ней как к главному свидетельству отсылает книга) в этой части напоминает авантюрный роман — и тут он внезапно обрывается. Потому что дальнейшая жизнь Юрия Дерениковича в ту эпоху связана с Институтом русского языка, а о нем будет свой фрагмент в следующей главе (а потом еще в жизни Апресяна были Информэлектро, ИППИ РАН и снова Институт русского языка — но это уже другая эпоха, за рамкой этой книги). И только два голоса двух других героев звучат под конец этого очерка: страстный голос Игоря Мельчука,

друга навек, и бесстрастный торжественный — В.А. Успенского.

Героями в книге выбраны действительно выдающиеся личности. Нельзя сказать, что их выбор случаен — это лидеры лидеров, но они представляют узкий (всего восемь человек!) и только московский круг связанных друг с другом людей, по большей части, хорошо знакомых автору. Между тем, в другой (а может быть, просто следующей) книге в числе Героев вполне мог бы оказаться, например, основатель Петербургской типологической школы А.А. Холодович, или выдающийся аспектолог Ю.С. Маслов, или знаменитый Ю.В. Кнорозов, или И.И. Ревзин и В.Н. Топоров, сыгравшие такую большую роль в организации сектора структурной типологии в Институте славяноведения, или А.Б. Долгопольский и все остальные участники созданного тогда ностратического семинара, или, например, Н.В. Охотина, создавшая практически на пустом месте сильнейший коллектив африканистов. А ведь были еще центры новой лингвистики в Новосибирске, Томске, Нижнем Новгороде, Киеве... Оттепель открыла шлюзы науке и творчеству. Очень важно, что вокруг великих были многие — им было на кого опереться и было из кого выбирать.

На самом деле не столь важно, что в этой книге всего этого нет: как мы уже говорили, она построена так, что отсутствие имен и событий не воспринимается как лакуны. Зато каждый из уже выбранных настолько значим для общего сюжета, что заслужил бы отдельной книги, и каждый очерк — это всегда рассказ прежде всего о личности и каких-то ярких запоминающихся эпизодах, которые ее высвечивают. Вот история Успенского о разговоре с Колмогоровым в международном вагоне: “Я вас превосхожу, — говорит Колмогоров. — И совсем не в том, в чем вы думаете. Вы получаете удовольствие от езды в международном вагоне. Я тоже получаю удовольствие от езды в международном вагоне. Но я могу получить удовольствие и от езды на третьей полке — а вы не можете!” И лаконичный комментарий Успенского: “Он был прав”.

С некоторой долей условности героев можно было бы разделить на лингвистов, давно ставших классиками благодаря своим работам, и организаторов новой науки. А.А. Зализняк — классический кабинетный ученый, чуравшийся всех на свете постов и всех на свете чиновников, включая даже вахтеров МГУ, которые почему-то всегда задерживали его при входе, даже с членским билетом РАН. Его жена, выдающийся лингвист Елена Викторовна Падучева, не могла и не любила работать

в команде, в соавторстве, организаторство как деятельность было ей совершенно чуждо. А.К. Жолковский тоже никогда не занимал никаких постов.

Напротив, Вяч.Вс. Иванов, конечно, написал много книг, в том числе и очень масштабных в научном плане, но его главный интерес лежал как раз в области организаторства: собирать и вдохновлять людей для воплощения больших идей и проектов и создавать новые институции. История с его выступлением в защиту Пастернака, с которым он был хорошо знаком с детства (они были непосредственными соседями по даче в Переделкино), лишила его возможности преподавать — а он был талантливым учителем, и его первые ученики, из которых потом выросли Герои — Зализняк, Падучева, Мельчук, — всегда отдавали ему должное. Но отлучение от университетской кафедры подстегнуло его деятельность, как теперь бы сказали, научного топ-менеджера: он всегда начальствовал сразу над несколькими отделами, проектами и учреждениями — и позднее даже стал народным депутатом СССР от Академии наук.

В.А. Успенский вообще не лингвист, а математик — математик высокого класса, которого возвысил великий А.Н. Колмогоров, возведя в свои ученики. Правда, помимо математических, у него есть несколько действительно замечательных лингвистических работ и целых пять томов «Трудов по нематематике». Но главной своей заслугой (наряду с организацией докторской защиты А.А. Зализняка одновременно с его кандидатской) он с гордостью считал сугубо организационную, а именно создание модели нового лингвистического образования, по которой работает ОТиПЛ в МГУ и все подобные ему программы — а в 2010 году их в стране было уже 26!

В.Ю. Розенцвейг — прежде всего организатор, основатель машинного перевода и руководитель знаменитой лаборатории в Ин'язе, а уж потом автор брошюры о языковых контактах и небольшой книжки о машинном переводе в соавторстве с И.И. Ревзиным. Успенский сравнивал его с Дягилевым: «Виктор Юльевич Розенцвейг сделал для российской лингвистики больше, чем многие лингвисты, хотя сам он и не был крупным лингвистом. Да его и не надо оценивать по этой шкале. С.П. Дягилев не был ни танцовщиком, ни хореографом, ни декоратором; однако его вклад в становление балета уникален»¹.

¹ М.М. Бурас справедливо замечает (с. 93), что образ Дягилева и его, так сказать, функционал, видимо, не давали Успенскому покоя и были ему очень близки; она переадресует эти его слова самому Успенскому, что тоже вполне точно.

Но иногда границу между учеными и организаторами провести непросто. Игорь Мельчук — автор десятков, как теперь бы сказали, инновационных статей: о грамматических и словообразовательных значениях, супплетивизме, конверсивах, определении залога и мн. др., создатель цельной модели языка (известной как модель «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст»), один из зачинателей машинного перевода, построенного с учетом семантики и опирающегося на принцип перифразирования. Он не был администратором — и в этом смысле он стоит в том же ряду, что Зализняк или Жолковский. Но он был лидером и, как никто, умел объединять людей вокруг своих идей и своей модели, завораживая их своим энтузиазмом и конструктивной энергией. Люди стремились в его (хотя формально — Розенцвейга) лабораторию, просили принять их на работу, шли к нему в ученики. Он связывал лингвистов разных институций не только на научных семинарах, но и в незабываемых мельчуковских походах, эти походы тоже были своего рода рекламой модели «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст» и стоящих за ней идей.

Заметим, что потенциал такого рода, может быть, позже, но обнаружился и во всех других Героях: чуть позже Ю.Д. Апресян уже руководил небольшой группой в Информэлектро, потом в ИППИ РАН и другой — в ИРЯ РАН. Он стал академиком в 1990-е и по праву — самым цитируемым лингвистом России. Но популярность его росла сама собой задолго до всех статусов и вопреки их отсутствию. Ему не только запретили работать в Академии наук, но запретили и преподавать — и это очень большая потеря: тогда он был замечательным лектором. Студенткой (кажется, в 1978 году) я ходила на его лекции в МГУ для повышения квалификации преподавателей русского языка — совершенно блестящие. Большая девятая аудитория была полностью заполнена. Ввиду их небывалой популярности лекции были прерваны на середине и курс по распоряжению начальства закрыт.

Е.В. Падучева была известна в более узком сообществе — она почти не читала лекций, но только потому, что не любила педагогическую деятельность. Однако ее роль человека мира, с большим кругозором и лингвистической образованностью, которую она ценила в людях и тщательно поддерживала в себе, превратила ее в настоящего научного просветителя — для самого широкого круга читателей.

А.К. Жолковский стал читаемым писателем — а это в современной культуре и действительности почти немислимое дело. Сейчас кажется, что

при иной жизни он мог бы возглавить отличный журнал или газету, или (моднее) — канал, словом, какой-нибудь “коллективный организатор”.

Общественный темперамент А.А. Зализняка открылся прежде всего в письменной и устной полемике с математиком А.Т. Фоменко, автором “Новой хронологии”, в самом конце 1990-х и начале 2000-х, в которой Зализняк показал себя выдающимся ритором. Но и в Солженицынской речи, и в поточных новгородских лекциях его азарт и страсть до сих пор завораживают сотни людей, как когда-то на лекциях по введению в лингвистику на маленьком Отделении структурной и прикладной лингвистики завораживали всего 20 студентов (которые, однако, такого Зализняка — трибуна и всенародного просветителя — и представить себе тогда не могли).

И все-таки из них из всех по масштабу значимости сделанного для организации науки В.А. Успенский стоит особняком. Отец его был драматургом, на драматурга стал учиться его внук — но он и сам был своего рода драматургом всей пьесы про совершенно новую лингвистику, и эта роль ему страшно нравилась. Успенский хотел создать факультет лингвистики в главном учебном центре страны — Московском государственном университете (а затем, возможно, других). Но для этого нужно было сначала организовать какое-то высокое распоряжение или постановление (им стало Постановление Президиума АН СССР от 6 мая 1960), собрать и увлечь будущих преподавателей и двигателей этой науки, а еще надо было создать им (и на будущее) рабочие места — и тоже в самых лучших научных центрах Академии наук. Он не только видел поле боя целиком, но и придумывал план наступления (организовывал объединяющие силы семинары, конференции, симпозиумы — и **традиционную** с самого первого раза лингвистическую олимпиаду), а также непосредственно участвовал в самой организации многих редутов (лабораторий, отделов и отделений). Конечно, он делал это не сам и не один: он находил соратников и союзников (или они его находили), но находил легко, и все, кто с ним делил этот труд, работали с удовольствием и с пониманием той цели, ради которой все делалось. Лингвистические задачи придумал Зализняк, идею лингвистической олимпиады придумал тогдашний студент ОСиПЛ (Отделения структурной и прикладной лингвистики МГУ) Алик Журинский — но Журинский со своей идеей пришел именно к Успенскому, и из главы, которая целиком посвящена Московской лингвистической олимпиаде, мы понимаем, что этой

олимпиады просто никогда бы не было, если бы не Успенский.

Он умел с неподдельным интересом разговаривать с совершенно разными людьми так, что они от этих разговоров тоже получали радость, — от уборщицы в МГУ до всемогущего академика В.В. Виноградова (в то время директора академического Института русского языка, который теперь носит его имя), приглашавшего совсем молодого математика без всяких регалий к себе в гости. Ректор И.Г. Петровский спрашивал у него, тогда 30-летнего, совета, как и директор ВИНТИ, тоже всемогущий, любые академики — А.Н. Несмеянов, А.А. Ляпунов, Р.В. Хохлов, Р.И. Аванесов, трехзвездный адмирал А.И. Берг (в прошлом заместитель министра обороны) — и так далее, и так далее, готовы были с ним говорить. Успенский обладал ключом ко всем на свете людям, угадывал их, и они сами собой расставлялись как шахматные фигуры. С людьми ему было интересно: они его удивляли, каждый — по-своему, и он умел мгновенно поразить их воображение — заставить остановиться и, если надо (а как часто для дела это было просто необходимо!), вникнуть в проблему. Любимой цитатой из любимых Стругацких — “никто никогда ничего не мог им доказать, только Странник мог” — он с восхищением описывал В.Ю. Розенцвейга, но и сам был таким, причем в превосходной степени.

О том, как это все разворачивалось, увлекательно рассказано во второй части книги, которая условно названа “Места их обитания”. Ее стоит прочесть не только тем, кто никогда не слышал о структурной лингвистике, но и тем, кто был и до сих пор остается с ней связан, например, закончил ОСиПЛ / ОТиПЛ: рассказы Марии Михайловны Бурас и ее собеседников помогают понимать человеческий, исторический и научный контекст, в котором все тогда происходило — хотя бы в Москве.

Параллельно ОСиПЛу (история и судьба которого подробно рассказаны в отдельном очерке), по стечению обстоятельств не ставшему факультетом и навсегда оставшемуся маленьким отделением на филфаке МГУ, существовало Отделение машинного перевода в 1-м МГПИЯ (Институте иностранных языков — теперь им. Мориса Тореза), инициированное В.Ю. Розенцвейгом и И.И. Ревзиным, где тоже учили новой лингвистике и преподавал И.А. Мельчук. Как университетский центр ОСиПЛ сразу и навсегда стал научным центром новой лингвистики. А в Ин’язе рядом с Отделением открылась знаменитая Лаборатория машинного перевода, которую мы уже

упоминали и о которой в книге тоже есть подробнейший очерк. Одновременно в Москве были тогда же открыты еще четыре замечательных научных центра: Лаборатория электромоделирования (превратившаяся затем в Отдел семиотики) ВИНТИ, Сектор структурной типологии в Институте славяноведения АН СССР, Сектор структурной лингвистики в Институте русского языка АН СССР и Сектор структурной и прикладной лингвистики в Институте языкознания АН СССР. Все они стали главными московскими “местами обитания”. Их “население” перемешивалось и умножалось в походах, экспедициях, на научных семинарах и многочисленных капустниках, на больших тематических конференциях (по машинному переводу, семиотике, математическим методам и др.) — и об этих конгломерациях и миграциях тоже есть в книге.

Но откуда брались эти люди? И почему они так быстро и с готовностью откликнулись на новые веяния? Ведь не Джорджтаунский же эксперимент по машинному переводу? Да и машинным переводом занимались единицы... Все это только своего рода триггеры и маскировка. Ответ на этот вопрос в том, что новая лингвистика позиционировала себя как негуманитарная наука — а значит, предлагалась ее деидеологизация: она приравниваясь по статусу к физике и математике, могла позволить себе не быть ни социалистической, ни капиталистической и не содержать вечных ритуальных ссылок на Маркса, Энгельса и Ленина (цитирование которых в гуманитарных науках было практически обязательным). От литературоведения, таким образом, лингвистика решительно отделялась. В переписке с Колмогоровым, отражавшей споры и мечты трех единомышленников (В.А. Успенского, Вяч.Вс. Иванова и М.К. Поливанова), предлагалось причислить литературоведение (как и искусствоведение) к искусству — «как специфичный “вторичный” жанр <...>, жанр, отражающий в “образах” не самую натуру, а отображение ее в первичных жанрах» [5, с. 685]. Лингвистике же предлагалось родиться заново как науке, предназначенной открыть истину. А “игрушечные” лингвистические задачи заставляли верить, что это действительно возможно. Это привлекало и вдохновляло.

И тут как раз можно вспомнить про название книги, потому что все эти люди, в соответствии с ним, как бы “пришли с холода”. Честно говоря, название мне не кажется удачным. Автор не виноват в этом: я случайно знаю, что начальное название было отклонено издательством, которое потребовало чего-то более броского.

Новое, пожалуй, оказалось слишком броским и, по справедливому замечанию И.А. Мельчука на презентации этой книги в центре “Кентавр”, по-хорошему требует еще одного введения. Мельчук это введение представил тогда устно: он-то как раз, будучи студентом МГУ, застал “холод” (до 1953 года) и отчетливо и остро ощутил прошедшую потом оттепель. Но, конечно, это оттепель пришла к ним, а не они (неожиданно для себя) попали в какое-то неизвестное им место — “с мороза”. К тому же совершенно лишними оказываются ассоциации, вызываемые знаменитым романом Джона Ле Карре 1963 года “Шпион, прошедший с холода” (“The Spy Who Came in from the Cold”): ведь эта книга — не про украденные секреты, а про то, как свобода мысли будит творчество и создает новую действительность. И про “главных создателей той атмосферы, без которой многим достижениям лингвистической науки было бы трудно, а то и вовсе не суждено осуществиться в нашей стране” [5, с. 1310].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурас М.М. Выбор числового оформления русских существительных в дистрибутивном употреблении // ИРЯ АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. М., 1985. Вып. 168.
2. Зализняк А.А., Падучева Е.В. О контекстной синонимии единственного и множественного числа существительных // Семиотика и информатика, вып. 35: Opera selecta. 1997 (1974). С. 7–14.
3. Падучева Е.В. Статьи разных лет. М.: ЯСК. 2009. С. 204–211.
4. Бурас М.М. Истина существует. Жизнь Андрея Зализняка в рассказах ее участников. М.: Individuum, 2019.
5. Успенский В.А. Труды по нематематике. Том 2. М.: ОГИ, 2002.

REFERENCES

1. Buras, M.M. *Vybor chislovogo oformleniya russkikh sushchestvitelnykh v distributivnom upotreblenii* [The Choice of Numerical Constructions of Russian Nouns in Distributive Use]. *IRYA AN SSSR. Problemnaya gruppa po eksperimental'noy i prikladnoy lingvistike. Predvaritelnye publikacii* [The Russian Language Institute of the USSR Academy of Sciences. Problem Group on Experimental and Applied Linguistics. Preliminary Publications]. Moscow, 1985. Issue 168. (In Russ.)

2. Zaliznyak, A.A., Paducheva E.V. *O kontekstnoj sinonimii edinstvennogo i mnozhestvennogo chisla sushchestvitelnyh* [On Contextual Synonymy of Singular and Plural Nouns]. *Semiotika i informatika*, vyp. 35: *Opera selecta* [Semiotics and Computer science, Issue 35: Opera selecta]. 1997 (1974), pp. 7–14. (In Russ.)
3. Paducheva, E.V. *Statji raznyh let* [Articles from Different Years]. Moscow, YASK Publ., 2009, pp. 204–211. (In Russ.)
4. Buras, M.M. *Istina sushchestvuet. Zhizn' Andrey a Zaliznyaka v rasskazah ee uchastnikov* [The Truth Exists. The Life of Andrei Zaliznyak in the Stories of Its Participants]. Moscow, Individuum Publ., 2019. (In Russ.)
5. Uspensky, V.A. *Trudy po nematematike. V 2 t. Tom 2* [Works on Non- Mathematics. In 2 Vols. Vol. 2]. Moscow, OGI Publ., 2002. (In Russ.)

Е. В. Рахилина
доктор филологических наук,
руководитель Школы лингвистики факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета
“Высшая школа экономики”,
Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20,
ведущий научный сотрудник Института русского языка
имени В.В. Виноградова РАН,
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
rakhilina@gmail.com.

Ekaterina V. Rakhilina
Doct. Sci. (Philol.),
Professor of the Faculty of Humanities, School of Linguistics,
National Research University
“Higher School of Economics”,
20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russia,
Leading Researcher of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences,
18/2 Volkhonka Str., Moscow, 119019, Russia
rakhilina@gmail.com

Дата поступления материала в редакцию: 10 апреля 2022 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 27 мая 2022 г.
Статья принята к публикации: 29 июня 2022 г.
Дата публикации: 31 августа 2022 г.

Received by Editor on April 10, 2022
Revised on May 27, 2022
Accepted on June 29, 2022
Date of publication: August 31, 2022

Для цитирования: Рахилина Е.В. (рец.) Бурас М.М. Лингвисты, пришедшие с холода. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2022. 410 с., ил. (Великие шестидесятники) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 4. С. 109–114. DOI: 10.31857/S160578800021462-4

For citation: Rakhilina, E.V. (Rev.) *Buras M.M. Lingvisty, prishedshie s holoda. M.: Izdatel'stvo AST: Redakciya Eleny Shubinoj*, 2022. 410 s., il. (*Velikie shestidesyatniki*) [[Review:] Buras, M.M. *Linguists Who Came in from the Cold*. Moscow, AST Publishing House: Editorial of Elena Shubina, 2022. 410 p., ill. (Series *The Great Sixties*) [In Russ.]]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Serîâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 4, pp. 109–114. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800021462-4

Рецензия / Review

DOI: 10.31857/S160578800021466-8

Усадьба реальная — усадьба литературная: векторы творческого преобразования: Коллективная монография / сост., отв. ред. О. А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 384 с. (Серия “Русская усадьба в мировом контексте”. Вып. 6)

[Review:] Estate Real — Estate Literary: Vectors of Creative Transformation. Ex. ed. Olga A. Bogdanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2021. 384 p. (Series “Russian Estate in a Global Context”. Iss. No. 6) [In Russ.]

Коллективная монография “Усадьба реальная — усадьба литературная: векторы творческого преобразования” (сост., отв. ред. О.А. Богданова) является продолжением научной книжной серии “Русская усадьба в мировом контексте” (см., например: [1]), созданной в ИМЛИ им. А.М. Горького РАН в рамках проекта Российского научного фонда “Русская усадьба в литературе и культуре: отечественный и зарубежный взгляд” (№ 18-18-00129; сроки реализации: 2018–2020). Рецензируемый шестой выпуск указанной серии подготовлен в 2021 году по итогам Международной научной конференции “Усадьба реальная — усадьба литературная”, проведенной ИМЛИ РАН совместно с Государственным литературно-мемориальным музеем-заповедником А.П. Чехова “Мелихово” в сентябре 2020 года и при финансовой поддержке последнего.

В издании представлены работы 23 авторов из разных городов России (Москвы, Оренбурга, Екатеринбурга, Твери, Перми, Санкт-Петербурга) и ряда зарубежных стран (Беларуси, Испании, Японии, Италии), что обеспечивает широкий пространственный охват и многоаспектность представляемого труда. Композиционное решение книги включает в себя и хронологический, и проблемно-тематический подходы, что обеспечивает целостность и в то же время многовековость исследования. Как и в других выпусках серии, предлагается комплексный подход к феномену усадьбы в литературе (не только отечественной, но и мировой), не ограничивающийся решением проблем краеведческого или историко-реставрационного характера. Само выделение и системная характеристика “усадебного топоса”

позволяют проследить динамическое развитие этого явления не только по временной вертикали (история воплощения “усадебного мифа” в художественных произведениях), но и по горизонтали: общее и частное, единое и отличное в жизни усадьбы и замка, сельской усадьбы и дачного поселка, их лингвостилистические отражения в тексте.

Компаративный аспект дает возможность обозначить универсальность “усадебного топоса” вне зависимости от национальной традиции и географического расположения (например, в статье испанских ученых Х.Л. Кальво Мартинеса и Н.Н. Арсентьевой «Философия уединения (тема *Beatus ille*) в “усадебной” поэзии Европы: Гораций, Фрай Луис де Леон, И.А. Бунин»), а также проследить путь “культурной преемственности от эллинистических колоний античности до современности” [2] в контексте родовой усадьбы, как это видно в статье японского ученого В.Э. Молодякова “Усадьба Шарля Моррасса *Chemin de Paradis*: конструирование смыслов”. Интермедийность усадебных сюжетов, естественность их перехода из литературных в скульптурно-живописные воплощения ярко показаны в статье Е.Е. Дмитриевой “Сборник басен под открытым небом: соизмерение поэтов в Версальском лабиринте”.

В рамках издания выполняются масштабные задачи фундаментального характера: верификация основных категорий, связанных с исследованием “усадебного топоса”, обсуждение и определение трансформаций “усадебного свертка” русской литературы. Особенное внимание в сборнике уделено семиотике усадьбы уже в так называемый постусадебный период (т.е. после

исчезновения владельческих усадеб в Советской России), что открывает отдельное поле для изучения: феномен памяти, соотнесение ментальных процессов и “социокультурной деконтекстуализации образа усадьбы” [2]. Таким образом, в коллективной монографии представлены и историко-литературный подход в осмыслении феномена усадьбы, и междисциплинарный – сочетание элементов гуманитарной географии, музеологии, философии, социальной экономики, фольклористики, теоретико-литературного анализа, а также рассмотрение явлений в мировом контексте.

Отдельного внимания, как представляется, заслуживает новаторский подход, связанный с установлением связи и взаимовлияния психологии как внутреннего рефлексивного пространства, который можно назвать психопоэтикой пространства. Этому вопросу в первую очередь посвящена статья Ю.В. Шевчук «“Самонаблюдение” в пространстве: русская усадьба в лирике Анны Ахматовой 1910-х гг.», в которой акцентируется субъектная сторона организации лирики, ставится вопрос о семантическом значении пейзажа как движущегося зрения.

Особое внимание в исследованиях уделено анализу эго-документов и артефактов усадебной жизни, позволяющему не дистанцироваться от непосредственного жизненного опыта авторов, не терять связи между архитектурным текстом, т.е. эмпирической реальностью, и текстом литературным, вымышленным. Так, в коллективной монографии представлены “вторичные мемуары” потомков тверских помещиков Вульфов – друзей А.С. Пушкина – А.Н. Понафиной, О.Н. Вульф и А.Н. Болт (по архивным источникам), демонстрирующие сам процесс возникновения и формирования легенд и семейных преданий [3]. Освещается важный процесс трансформации и мифологизации образа семейной усадьбы последующими поколениями.

Безусловным новаторством представляется введение в научный аппарат исследования таких терминов, как “усадебный свертхтекст” (в статье белорусского ученого О.А. Гриневич «Соотношение факта и вымысла в “усадебном тексте” В.В. Набокова»), “дачный топос” (в разделе «У истоков “дачного топоса”»), а также “топос хутора”, генетически связанный с украинской литературой, в статье А.В. Тоичкиной «П.А. Кулиш-хуторянин и его “хуторская философия” в историософской перспективе XXI в.». Кроме того, важную роль, как нам кажется, в становлении методологии литературоведческого

усадебоведения играет анализ геопозитики. В статье А.В. Фирсовой «“Сад Пастернака”: поэтическая матрица в ландшафте» представлено взаимодействие реального ландшафта и художественных тропов, когда сквозь пространство сада просвечивает сюжетное и художественное бытие, сад ментальный, образный [5].

“Усадебный миф” в теологическом свете как часть богоискательского вектора, представленный в работах Е.Ю. Кнорре «“Китеж советского времени”: образ “небесной коммуны” в “усадебном мифе” М.М. Пришвина (на материале дневника писателя 1920–1950-х гг.)» и М.С. Акимовой “Усадьба реальная и усадьба литературная в судьбе и творчестве С.Н. Дурылина”, открывает такие новые коннотации, как “небесная коммуна” в творчестве М.М. Пришвина и автобиографические локусы в воспоминаниях С.Н. Дурылина. Поэтосфера усадьбы совмещает и телесное, и духовное начала, актуализирующиеся в категориях памяти и сохранения образа XX века. “Усадебный миф” приобретает новые значения, становится частью ушедшей культуры и традиции и требует не только ментального контекста, но и реального воплощения. Так, духовная реальность воссоздается Дурылиным в действительности из фрагментов зданий разрушенного Страстного монастыря. Как отмечает М.С. Акимова, “иколический образ дома-усадьбы сформировал свободное духовно-нравственное пространство в самые несвободные советские годы” [3]. Подобная трансформация – от образа усадьбы в памяти в усадьбу нового типа в новой реальности, сохраняющей важнейшие доминанты “золотого века” русской усадебной жизни – пушкинской эпохи – наиважнейшее наблюдение во всей книге.

“Усадебный миф” не столько деконструируется, сколько реконструируется, внимание к этому процессу в настоящем издании является логичным продолжением третьего выпуска серии “Русская усадьба в мировом контексте” – коллективной монографии “Феномен русской литературной усадьбы: от Чехова до Сорокина+” (М.: ИМЛИ РАН, 2020), однако в представленном труде акцент смещен на биографический контекст: роль детства, этого истока памяти, в формировании быта и литературы в тяжелые, катастрофические периоды истории.

Особенно перспективным представляется исследование “дачного топоса”, этому вопросу уделено не так много исследований (Е.Н. Строгановой “Дачные сюжеты в женской прозе рубежа XIX–XX вв.” и итальянского ученого Э. Мари «О понятии петербургского “дачного фольклора”

конца XIX – начала XX в.»), однако они позволяют обратиться не только к конкретным локусам (Петровско-Разумовскому, Любимовке, Парголово, Куоккале и др.), но и установить связи между литературой художественной и культурой народной, определяющие тип досуга в дачных местностях России начала XX века. “Дачный топос” оказывается точкой совмещения высокой и массовой литературы, совершенно своеобразным пространством бытования культуры.

В статье О.А. Богдановой «“Усадебный текст” Георгия Чулкова: неомифология писательских имен в повести “Дом на песке”» практически впервые в науке исследованы особенности “усадебного топоса” в контексте символизма. Здесь выявлен его “неомифологический модус”, присущий литературе Серебряного века в целом, и рассмотрена одна из его граней – неомифология писательских имен, указывающая на принципиальную погруженность символистского “усадебного текста” в межнациональный литературный контекст.

Отметим также обращение многих авторов сборника к свежему литературному материалу, ранее практически не рассматриваемому в литературоведении: так, О.А. Богданова исследует малоизвестные повести и рассказы Г.И. Чулкова, М.В. Михайлова и А.В. Назарова – произведения Е.Н. Чирикова, Е.А. Андрущенко – мемуары Б.Н. Чичерина, Н.В. Прашерук – автобиографический роман нашей современницы Е.Р. Домбровской и т.д. Однако и В.Г. Андреева, и Ю.В. Доманский, и А.А. Журавлева, и Т.М. Жаглова, посвятившие свои работы известным писателям (Л.Н. Толстому, А.П. Чехову, И.А. Бунину и др.), смогли найти новаторские ракурсы в освещении усадебной темы в их произведениях.

Надеемся, что серия “Русская усадьба в мировом контексте” вскоре порадует читателей новыми выпусками, в которых получат дальнейшее развитие и теоретико-методологическое, и междисциплинарное, и компаративное направления, столь полно и разносторонне представленные в рецензируемом издании, и воплотятся в действительность стремления его авторов собрать и классифицировать литературный материал рубежа XX–XXI веков в усадебно-дачном аспекте. Последнее, безусловно, вызовет интерес своей принципиальной новизной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Феномен русской литературной усадьбы: от Чехова до Сорокина+: Коллективная монография /

сост., отв. ред. и автор предисл. О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2020. 344 с. (Серия “Русская усадьба в мировом контексте”. Вып. 3).

2. Богданова О.А. Живые корни литературных усадеб. Предисловие // Усадьба реальная – усадьба литературная: векторы творческого преобразования: Коллективная монография / сост., отв. ред. О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 18–30. (Серия “Русская усадьба в мировом контексте”. Вып. 6).
3. Строганов М.В. Берновские предания: дворянская усадьба в воспоминаниях ее питомцев XX в. Усадьба реальная – усадьба литературная: векторы творческого преобразования: Коллективная монография / сост., отв. ред. О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 138–150. (Серия “Русская усадьба в мировом контексте”. Вып. 6).
4. Акимов М.С. Усадьба реальная и усадьба литературная в судьбе и творчестве С.Н. Дурылина // Усадьба реальная – усадьба литературная: векторы творческого преобразования: Коллективная монография / сост., отв. ред. О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 218–230. (Серия “Русская усадьба в мировом контексте”. Вып. 6).
5. Усадьба реальная – усадьба литературная: векторы творческого преобразования: Коллективная монография / сост., отв. ред. О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 384 с. (Серия “Русская усадьба в мировом контексте”. Вып. 6).

REFERENCES

1. *Fenomen russkoj literaturnoj usad'by: ot Chekhova do Sorokina+: Kollektivnaya monografiya* [The Phenomenon of the Russian Literary Estate: from Chekhov to Sorokin+: Collective Monograph, ex. ed. Olga A. Bogdanova]. Moscow, IWL RAS Publ., 2020. 344 p. (Seriya “Russkaya usad'ba v mirovom kontekste”. Vyp. 3 [Series “Russian Estate in a Global Context”. Iss. No. 3]). (In Russ.)
2. Bogdanova, O.A. *Zhivyye korni literaturnykh usadeb. Predisloviye* [The Living Roots of Literary Estates. Preface]. *Usad'ba real'naya – usad'ba literaturnaya: vektory tvorcheskogo preobrazheniya: Kollektivnaya monografiya* [Estate Real – Estate Literary: Vectors of Creative Transformation: Collective Monograph, ex. ed. Olga A. Bogdanova]. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 18–30. (Seriya “Russkaya usad'ba v mirovom kontekste”. Vyp. 6 [Series “Russian Estate in a Global Context”. Iss. No. 6]). (In Russ.)
3. Stroganov, M.V. *Bernovskie predaniia: dvorianskaia usad'ba v vospominaniakh ee pitomtsev XX v.* [Bernovsky Legends: a Noble Estate in the Memoirs of her Pets of the 20th Century]. *Usad'ba real'naia – usad'ba literaturnaia: vektory tvorcheskogo preobrazheniia: Kollektivnaia monografiia* [Estate Real – Estate Literary: Vectors of Creative Transformation: Collective

- Monograph, ex. ed. Olga A. Bogdanova]. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 138–150. (*Seriya “Russkaya usad’ba v mirovom kontekste”. Vyp. 6* [Series “Russian Estate in a Global Context”. Iss. No. 6]). (In Russ.)
4. Akimova, M.S. *Usad’ba real’naya i usad’ba literaturnaya v sud’be i tvorchestve S.N. Durylina* [The Real Estate and the Literary Estate in the Fate and Work of S.N. Durylin]. *Usad’ba real’naya – usad’ba literaturnaya: vektory tvorcheskogo preobrazheniya: Kollektivnaya monografiya* [Estate Real – Estate Literary: Vectors of Creative Transformation: Collective Monograph], ex. ed. Olga A. Bogdanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 218–230. (*Seriya “Russkaya usad’ba v mirovom kontekste”. Vyp. 6* [Series “Russian Estate in a Global Context”. Iss. No. 6]). (In Russ.)
 5. *Usad’ba real’naya – usad’ba literaturnaya: vektory tvorcheskogo preobrazheniya: Kollektivnaya monografiya* [Estate Real – Estate Literary: Vectors of Creative Transformation: Collective Monograph, ex. ed. Olga A. Bogdanova]. Moscow, IWL RAS Publ., 2021. 384 p. (*Seriya “Russkaya usad’ba v mirovom kontekste”. Vyp. 6* [Series “Russian Estate in a Global Context”. Iss. No. 6]). (In Russ.)

П. А. Борисова (Ворон)
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
psklyadneva@gmail.com

Polina A. Borisova (Voron)
Cand. Sci. (Philol.),
Senior Researcher of the A.M. Gorky Institute
of world literature of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
psklyadneva@gmail.com

Дата поступления материала в редакцию: 24 апреля 2022 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 4 июня 2022 г.
Статья принята к публикации: 29 июня 2022 г.
Дата публикации: 31 августа 2022 г.

Received by Editor on April 24, 2022
Revised on June 4, 2022
Accepted on June 29, 2022
Date of publication: August 31, 2022

Для цитирования: Борисова (Ворон) П.А. (рец.) Усадьба реальная – усадьба литературная: векторы творческого преобразования: Коллективная монография / сост., отв. ред. О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 384 с. (Серия “Русская усадьба в мировом контексте”. Вып. 6) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 4. С. 115–118. DOI: 10.31857/S160578800021466-8

For citation: Borisova (Voron), P.A. (Rev.) *Usad’ba real’naya – usad’ba literaturnaya: vektory tvorcheskogo preobrazheniya: Kollektivnaya monografiya*. sost., otv. red. O.A. Bogdanova. M.: IMLI RAN, 2021. 384 s. (*Seriya “Russkaya usad’ba v mirovom kontekste”. Vyp. 6*) [[Review:] Estate Real – Estate Literary: Vectors of Creative Transformation. Ex. ed. Olga A. Bogdanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2021. 384 p. (Series “Russian Estate in a Global Context”. Iss. No. 6) [In Russ.]]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Serii literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 4, pp. 115–118. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800021466-8